

Русь

1 1 (7), 2007

Общественная организация
«Русь»

**По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русь

2007, № 1 (7)

Кишинев

**Общественная организация
“Русь”**

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук С. Суляк,

главный редактор (Молдавия)

доктор истории П. Шорников,

заместитель главного редактора (Молдавия)

М. Алмаший (Украина)

М. Горняк (Сербия)

доктор исторических наук М. Губогло (Россия)

М. Дронов (Россия)

кандидат исторических наук В. Меркулов (Россия)

кандидат филологических наук В. Падяк (Украина)

доктор философии А. Плишкова (Словакия)

кандидат филологических наук Д. Поп (Украина)

доктор лингвистических наук профессор Ю. Рамач (Сербия)

доктор хабилитат истории Н. Руссев (Молдавия)

протоиерей о.Димитрий Сидор (Украина)

М. Силадий (Сербия)

доктор истории Н. Тельнов (Молдавия)

протоиерей о.Николай Флоринский (Молдавия)

Р. Шапка (Канада)

М. Шарга (Украина)

© Общественная
организация «Русь», 2007

© Издательский дом
«Татьяна», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	5
Материалы международной научно-практической конференции «Этнокультурное многообразие Молдавии (история и современность). Чтения памяти И.А. Анцупова»	
Н. ЧЕРВЕНКОВ Носитель научной традиции	6-9
В. АНИКИН Элементы экономического взаимодействия населения Бессарабии в процессе межнационального общения (XIX в.)	10-16
В. ТУДОСЕ Карпаторусские писатели и общественные деятели XIX в.	17-32
В. ДАМЬЯН Юрий Хмельницкий - ключевая фигура украинской и молдавской политики Москвы (конец 50-х - начало 60-х гг. XVII в.)	33-38
Е. ТКАЧУК Наука и страсти по лубкам	39-45
В. КОСТЕЦКИЙ Историческое пособие по развитию русской речи	46-50
Е. КВИЛИНКОВА Обычное право гагаузов. XIX – первая половина XX в.	51-59
З. СТОЛЯР Еврейская дойна	60-62
Г. РОГОВАЯ Нравственные наставления в традиционной культуре украинцев ..	63-73
А. ГОРБУНЕНКО Тенденции развития этнического самосознания болгар Молдовы .	74-82
Р. КЛЕЙМАН Бессарабский феномен: наследие М.О. Гершензона в контексте диалога культур	83-96
Д. ХАЙДАРЛЫ Молдавско-ногайская этническая граница в Пруто-Днестровском междуречье в XVIII в.	97-100

История

Прот. Димитрий СИДОР
Карпатская Русь – изначальная Русь! 101-107

М. ДРОНОВ
Из истории белорусско-руси́нских культурных связей (до 30-х гг.
XX в.) 108-116

Ими гордится Молдавия

Л. НЭСТАСЕ
Алексей Викторович Щусев. Страницы жизни и творчества 117-126

Знаменитые русины

К. КУЦОВ
Павел Федор (1884-1952): штрихи к общественной и культурно-просветительской деятельности 127-133

В. ПАДЯК
Поэту Андрею Карабелешу - 100 лет 134-138

Г. ЛУКИНЫХ
«Закарпатский Есенин» звучит на пермской земле 139-144

Публицистика

Заявление общественной организации «Русь» 145

П. ШОРНИКОВ
Счастье, когда нас понимают. Защищена первая диссертация по истории руси́нов 146-153

М. ДРОНОВ
Международная научная конференция «Словацко-славянские языковые, литературные и культурные связи». Конференция «Хронология истории и культуры руси́нов в Словакии» 154-157

А. ГЕГАЛЬЧИЙ
Русская премия и Подкарпатская Русь 158-162

В помощь учителю

С. СУЛЯК
Некоторые справочные материалы по истории нашего края .. 163-185

Сведения об авторах и членах редколлегии 186-191

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Правление Общественной организации «Русь», редколлегия международного исторического журнала «Русин» поздравляют вас с праздником Светлого Христова Воскресения!

Вы держите в руках очередной номер международного исторического журнала «Русин». В этом номере мы завершаем публикацию материалов международной научно-практической конференции **«Этнокультурное многообразие Молдавии (история и современность). Чтения памяти И.А. Анцупова»**, которую общественная организация «Русь» провела в конце 2006 г. В работе конференции приняли участие почти все представители научной общественности, изучающие историю и культуру национальных меньшинств нашей многонациональной республики.

Мы продолжаем публикацию материалов, которые, несомненно, пригодятся преподавателям при подготовке учебных занятий. Для этого мы ввели новую рубрику **«В помощь учителю»**.

В марте 2007 г. произошло важное событие - 7 марта сессия Областной рады Закарпаття признала русинов коренной национальностью края.

После образования новых демократических государств русины как этническое меньшинство были признаны во всех странах проживания, кроме Украины. Такая позиция официального Киева, нарушающая права человека и международное законодательство, вызывает недоумение во всем мире.

К примеру, Госдепартамент США, начиная с 1999 г., в своем ежегодном отчете **«Украина. Сообщения о стране относительно соблюдения прав человека»** постоянно отмечает нарушение прав русинов. Это нарушение отмечено и в отчете за 2006 г. (<http://www.state.gov/g/drl/rls/hrrpt/2006/78846.htm>).

Поэтому принятие Областной радой Закарпаття решения о признании русинов - это еще один шаг в деле утверждения русинской идентичности, сохранения русинской этнокультурной специфики.

Сергей СУЛЯК,
президент Общественной организации «Русь»,
главный редактор журнала «Русин».

Николай ЧЕРВЕНКОВ

НОСИТЕЛЬ НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Собираясь поступить на работу в Институт истории Академии наук Молдавии, я, в то время дипломант Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова, пытался мысленно представить себе некоторых будущих коллег на основе их научных работ, которые штудировал в связи с подготовкой дипломной работы по истории бессарабских болгар. Составленный мной заочно портрет ближе всего сошел с личностью Ивана Антоновича Анцупова. Не нужно было много времени, чтобы убедиться, что и в жизни этот ученый является таким же педантичным, обязательным, внимательным и компетентным, как и в своих научных публикациях. Всем, кто соприкасался с ним по работе, импонировали его тактичность, интеллигентность и обаяние. В Молдавии он являлся носителем лучших традиций русской исторической мысли.

Богатство вводимых им в научный оборот архивных материалов, тщательность аргументации, широта обобщений характеризовали Анцупова как глубокого и добросовестного исследователя. Это впечатление получило подтверждение при первых же встречах с ним. Нельзя было не удивляться его энциклопедическим знаниям. Меня, уроженца юга Бессарабии, особенно впечатлила его осведомленность о жизни южнобессарабских колоний. Помню, с какой заинтересованностью и с каким знанием предмета рассказывал он о фондах различных архивов. Именно Иван Антонович показал мне, где искать материалы по истории села Кортен (Кирутя). Особенно благодарен я ему за совет ознакомиться с архивной коллекцией и содержательной рукописью агронома и краеведа П.С. Боканча, хранящейся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки Российской Федерации. Прежде всего, это этнографические наблюдения, данные о быте болгар и гагаузов в первые десятилетия XX века. Еще не весь собранный тогда материал использован мною в научной и публицистической работе.

Когда я рассказывал в Одессе бывшим однокурсникам, занявшимся наукой, о своей работе в Кишиневе, они завидовали, что я могу общаться с таким ученым, как Иван Антонович Анцупов. Один из них, Юрий Петрович Коновалов, родом из Тирасполя, не упустил из виду ни одну его работу. Хотя в его личной библиотеке имелись книги Анцупова, Коновалов, тем не менее, их тщательно конспектировал. У него,

занимавшегося проблемами черноморских портов, зрела идея предложить Ивану Антоновичу разработать совместно тему о внутренней и международной торговле южного региона Бессарабии через морской порт Одессы и речные порты Измаила и Рени. У Анцупова, справедливо полагал Коновалов, много материалов по этой теме. К сожалению, ранняя смерть Коновалова не позволила ему осуществить это интересное намерение. Но до настоящего времени одесские коллеги, а также студенты, пишущие дипломные работы по истории Юга Бессарабии, изучают и цитируют труды И.А. Анцупова. Ни одна краеведческая работа, посвященная истории населенных пунктов этого региона, не обходится без ссылок на исследования кишиневского ученого. Хотя дело это хлопотное, он никогда не отказывал в консультации краеведам, направляемым к нему, в частности, мною.

Иван Антонович не только консультировал коллег, особенно молодых, читал их рукописи, но и делился своими архивными и литературными выписками, что, как известно, ученые делают редко. В своем домашнем архиве я недавно нашел материалы о крупных болгарских, а потом и кишиневских землевладельцах братьях Минковых, выписанные Иваном Антоновичем из фондов различных архивов и предоставленные мне для научной работы. Ученый неоднократно делился со мной своими профессиональными тайнами. В частности, рассказывал, что на первом этапе своей научной деятельности он сосредоточился на изучении литературы и выявлении архивных документов. Поэтому в последние десятилетия своей жизни он выдавал одну за другой монографии, написанные на богатом и новом архивном материале. Однако в его бумагах осталось много так и не использованных данных.

Как историк И.А. Анцупов был широко известен коллегам в Советском Союзе, а потом и в постсоветских республиках, а также в дальнем зарубежье. Я в этом убеждался, общаясь с историками на различных научных форумах. Помню, с какой заинтересованностью ознакомился с его книгой «Аграрные отношения на юге Бессарабии (1812 – 1870 гг.)» академик Константин Косев, будущий вице-президент Болгарской Академии наук, занимавшийся вопросами формирования капиталистических отношений в болгарских землях. Судя по его высказываниям, эта книга навела его на ряд новых подходов в изучении сложной проблемы зарождения капитализма в балканской, в частности, болгарской деревне.

В свою очередь, Анцупов высоко ценил научные контакты с коллегами. Ученый постоянно говорил о значимости для науки и лично для него регулярного участия в конференциях, посвященных проблемам аграрной истории. Они для него, с одной стороны, являлись профес-

сиональной школой, а с другой – местом, где можно проверить достоверность своих изысканий и выводов. Вообще, он очень ценил научные встречи, готовился к ним. Правда, ему из-за его увлеченности темой исследования, как правило, не хватало времени завершить доклад. Признаюсь, что, председательствуя на некоторых таких встречах, я был вынужден неоднократно его останавливать из-за лимита времени. Но Иван Антонович высказывал столько интересных наблюдений, предложений, сколько не давали целые конференции без его участия. После его выступлений, как правило, разворачивались научные дискуссии.

Особенность творческого дара Анцупова – талант полемиста, открытость и четкость позиций и страстность в их обосновании, новизна и концептуальная завершенность научных исследований, но в то же время – терпимость к чужим взглядам, понимание ценности плюрализма мнений.

Работая в профкоме Института истории АН МССР, руководимом сначала Иваном Антоновичем, а потом и мною, я имел возможность увидеть его и в общественной работе. Особенно впечатляло его стремление делать как можно больше добра людям. Страшно переживал, что многие его начинания по повышению благосостояния и улучшению условий отдыха сотрудников не достигали желаемого результата из-за тогдашних условий и возможностей.

Как гражданин, историк и участник Великой Отечественной войны, он очень хотел, чтобы последующие поколения больше знали о ней. С удовольствием делился своими впечатлениями о войне, о книгах, посвященных ей, за выходом которых постоянно следил. О своем участии в войне он рассказывал очень скромно, стараясь представить прежде всего своих боевых товарищей.

Доброта Ивана Антоновича была бескрайней. Некоторые коллеги злоупотребляли ею, пользовались, в частности, его склонностью доверять людям. Они не раз ставили его в неловкое положение перед объединенным комитетом профсоюзов Академии наук Молдовы. Бывало, что его содействием недобросовестно пользовались в научных исследованиях. Например, не упоминали в своих работах об оказанной им помощи, на что он практически не реагировал, считая, что главным является результат работы. Однако за несколько месяцев до кончины он был потрясен, узнав, что в рукописи монографии, над которой он работал с автором с самого начала и буквально каждое предложение дал в своей редакции, внес целые теоретические пассажи, он не был указан как научный редактор, хотя отделом и Ученым советом был утвержден таковым. Нельзя не радоваться, что все удалось поста-

вить на место, прежде всего, благодаря настойчивости талантливого ученика Ивана Антоновича – Ивана Федоровича Грека, в то время депутата молдавского парламента.

Ценители и поклонники научного творчества Ивана Антоновича Анцупова есть и, надеюсь, будут. Свидетельством тому и посвященный его памяти этот научный форум. Его исторические труды представляют не только академический, но и практический интерес для каждого, кто ищет ответ на сложные вопросы истории переустройства Бессарабии в девятнадцатом веке.

НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ

«Дружество за руски язык, литературу и культуру» (Воеводина, г. Новый Сад) выпустило монографию известного этнолога и переводчика, научного сотрудника Этнографического института Сербской Академии наук профессора доктора Душана Дрляча «Руснаци у етнографских записох» (Новый Сад, 2006). В конце прошлого года в Белграде состоялась презентация книги.

На фото слева направо: Ирина Папуга, председатель Правления «Дружества за руски язык, литературу и культуру»; Михал Горняк, рецензент книги; автор книги доктор Душан Дрляч; Славко Пап-Петраньов, секретарь белградской секции «Дружества за руски язык, литературу и культуру».

Владимир АНИКИН

ЭЛЕМЕНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕССАРАБИИ В ПРОЦЕССЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ (XIX в.)

В отечественной историографии имеется немало действительно научных трудов, являющихся результатом многолетнего исследования истории народного хозяйства Бессарабии в период ее присоединения к России и вплоть до начала XX столетия. В них авторы раскрывают естественно-географические, социальные, политические и иные условия экономического и социально-культурного развития края, анализируют состояние важнейших отраслей сельскохозяйственного производства, ремесла, мануфактурно-фабричной и заводской промышленности, транспорта и торговли.

Во многих трудах учтены результаты исследований российских и зарубежных бессарабоведов, обобщены их выводы, широко использованы материалы различных архивов, статистических органов¹. Вместе с тем следует заметить, что большинство работ, написанных в советское время и освещавших проблемы становления и утверждения капиталистических форм хозяйствования, рассматривались сугубо под углом зрения углубления социальных противоречий и классовой борьбы. Многие исследования, в том числе солидно анализирующие общие вопросы социально-экономического и культурного развития края, фактически были обезличены.

Учитывая историю колонизации Бессарабии, издавна многонациональный характер ее населения, совместную деятельность различных народов, живущих на этой земле, приходишь к пониманию того, что для гармонизации нынешних межэтнических отношений полезно и даже необходимо выявить реальный вклад отдельных этносов в многовековое развитие хозяйства и культуры края. В связи с этим значительный интерес представляют работы современных исследователей, в которых рассматривается ценный вклад представителей конкретных этносов в социально-экономическое и культурное преобразование

края². Видное место в этом ряду занимают и труды известного молдавского историка И.А. Анцупова³.

На наш взгляд, дополняет общую картину и исследование малоизученной проблемы экономического взаимодействия населения Бессарабии в процессе многовекового межнационального общения (разработка этой темы и является главным мотивом написания данной статьи). Кроме того, важно подчеркнуть, что наряду с межнациональным общением в хозяйственной сфере одновременно осуществлялось и интенсивное межконфессиональное взаимодействие, главным образом, между христианами и иудеями. Все это вместе взятое, на наш взгляд, способствует развенчанию сложившегося в дореволюционной и последующей литературе мнения о якобы жестокой «эксплуатации христиан евреями» и вообще «засильем» армян, греков и евреев.

Несомненно, решающее значение для последовательного уменьшения, а затем и полной ликвидации существовавшей в крае до его присоединения к России феодальной системы хозяйствования и утверждения капиталистического способа производства являлось включение Бессарабии в общероссийский капиталистический рынок. Для капиталистических формаций, в том числе и России конца XVIII – начала XIX столетий, в условиях господства натурального хозяйства, неразвитости кредита, финансовых затруднений государства, слабости коммуникаций и т.п. характерным явлением в экономической деятельности являлся откуп. Он представлял собой определенный способ взимания государственных доходов посредством уплаты эквивалентной суммы частными лицами, которым взамен этого государство предоставляло право сбора налогов с плательщиков в возможно большей сумме⁴. Принято считать – и в основном это действительно так – что в руках откупщиков накапливались огромные богатства, так как собранные ими налоги и сборы с населения в два-три раза превышали средства, вносимые откупщиками в казну. Таким образом, откупа являлись одним из важных источников первоначального накопления капитала, что и привлекало к ним различные слои богатого и зажиточного населения.

Казенные откупа и подряды в дореформенной (1812-1861 гг.) Бессарабии охватывали довольно широкий спектр хозяйственной деятельности: продажу вина (по существовавшей в то время терминологии под понятием «вино» подразумевалось все спиртное), откуп доходных статей в городах (городских весов и мер и т.д.), содержание речных переправ и почтовых станций, доставку продовольствия и фуража для войск, строительство казенных зданий, сдачу домов под служебные квартиры и т. п. Следует учитывать и важную социально-экономическую роль откупов и подрядов. Во-первых, для самих откупщиков они

служили средством накопления капиталов, что, несомненно, повышало уровень благосостояния данной социальной прослойки. Во-вторых, казенные структуры получали надежный источник финансирования управленческого аппарата и служб обеспечения общественного порядка, а также – что самое главное – средства на рост благоустройства городов, других населенных пунктов.

Наиболее эффективно до- и капиталистические формы хозяйствования (аренда, откуп, купля-продажа и др.) внедрялись в городах края. Содержание канцелярий городских дум, полиции, должностных лиц городских дум (десятники, базарные смотрители, садовники) входило в компетенцию городских дум и осуществлялось за счет городских доходов. Все виды хозяйственной деятельности в пределах городской черты облагались соответствующим налогом. Общественные управления в целях пополнения городского бюджета призваны были сдавать в откуп/аренду каменоломни, рыбные и соляные промыслы, свободные городские земли под сады и огороды, под размещение фабрик и заводов, торговых лавок и других заведений. Доходной статьей для городов оставалась сдача в откуп городских весов и мер, а также рундштуков.

Отдача в откупное содержание, в частности, городских доходных статей регулировалась определенными правилами. В экономическом департаменте областного правительства (впоследствии правления) разрабатывались так называемые кондиции (или контракты), определяющие права и обязанности контрактных сторон. Отдача в откуп той или иной доходной статьи происходила в обстановке публичных аукционов или торгов, а в случае их незавершения – и переторжек. К участию в торгах допускались все желающие, независимо от национальности и вероисповедания, согласные с условиями контракта и заявленной казной официальной стартовой суммой или «ценой» той или иной доходной статьи, отдаваемой в откупное содержание.

О предстоящих торгах специальными «повестками» и приглашениями информировались прежде всего купцы, крупные торговцы, чиновники, обладающие соответствующим капиталом. Разумеется, обе контрактные стороны, а также соперничающие купцы стремились в ходе аукционов добиться максимально выгодных для себя условий. Победителем в торгах объявлялся тот, кто был готов выплатить наибольшую сумму за право содержать откуп. Результаты торгов анализировались и утверждались областным начальством. Действие контракта (кондиций) ограничивалось, как правило, тремя годами. Однако в случае нарушения обязательств со стороны откупщика казна имела право расторгнуть контракты и судебным порядком восполнить финансовые

потери государства за счет залогов (денежных сумм и недвижимости, заранее оговоренных в контрактах).

У генерального питейного откупщика Бессарабии (1819 г.), члена областного Верховного Совета, крупного помещика молдаванина Йордакия Варфоломея субконтрактниками по городам края являлись купцы разных национальностей. В частности, по городу Измаилу откупщиком состоял купец еврейской национальности Абрам Перпер⁵. До Варфоломея генеральный питейный откуп содержал этнический грек Александр Панаит⁶. В 20-е - 40-е годы, вплоть до отмены откупов, их содержали представители разных национальностей – русские, молдаване, греки, армяне, евреи.

Повышенное внимание купцов и торговцев к питейному откупу определялось его высокой доходностью как для государства, так и для самих откупщиков. Достаточно сказать, что в целом питейный откуп по Бессарабии составлял ежегодно огромную по тем временам сумму – почти полтора миллиона рублей серебром⁷. В сотнях тысяч рублей серебром исчислялись обороты капитала у содержателя кишиневского питейного откупа (30-е годы XIX в.) купца первой гильдии Герша Карасика. Поистине интернациональным являлся состав сотрудничавших с ним по откупу лиц: залогодателем его и компаньоном был статский советник Малахов, питейной конторой управлял отставной поручик Пантелеев. Питейные заведения, в которых продавались алкогольные напитки, располагались в домах, принадлежавших лицам разных национальностей, впрочем, таковыми являлись и сами держатели питейных заведений, арендовавшие помещения у хозяев⁸.

Как правило, острое соперничество развертывалось между представителями разных национальностей на торгах по отдаче в откупное содержание так называемых городских доходных статей. Так, в Кишиневе в марте-апреле 1827 года специальными «повестками» на аукцион были приглашены «христиане» Степан Гаджи, Хаджи Гаврилов и Лазарь Петрович (из болгар), Ставрий Димо и Константин Замфир (из греков), губернский секретарь Лазарев (из великороссов), дубоссарский третьей гильдии купец Мошко Штейнберг (из иудеев). Последний соперничал за откуп городских весов и мер со Ставрием Димо и Лазаревым, но ни одной из сторон не удалось предложить сумму, объявленную казной. В состоявшейся переторжке откупом завладели представители кишиневского еврейского мещанского общества Б. Бендерский и Ш. Балтер (8 500 левов в год)⁹. Объединив усилия, Ставрий Димо, Хаджи Гаврилов и Лазарев стали обладателями откупов «с продажи строевого леса» «повозок и колес», «за аршин от кишиневских торговцев»¹⁰. В свою очередь за купцом Мошкой Штейнбергом остался сбор доходов за пастьбу скота на городской земле, а также за продажу скота в черте Кишинева («мортисопия»)¹¹.

Конечно, откуп не являлся единственной, так сказать, соревновательной формой эффективного межнационального /межконфессионального взаимодействия в деловой сфере. На всем протяжении XIX столетия в крае активно использовалась сдача в наем домов содержателям табачных фабрик, других производств. Так, только в 80-х годах собственные дома местным купцам – табачным фабрикантам сдавали: в Кишиневе – мещане Варзарь и Георгиу – Пинсбергу и Вошковичу, дворянин Платон Кетриц - Нихемии Цукерману, в г. Хотине наследники дворянки Перовой – купцу Абраму Лейбелю, в местечке Бричанах мещанин Юрий Раденский - хотинскому купцу Абраму Мучнику и т. д.¹². По архивным данным за 1885 год, в Кишиневе среди владельцев табачных фабрик фигурировали русский Семен Пантелеев, греки Попандопуло и Стамеро, евреи Гросман, Крит, Френкель, Стримбан, Фельдман¹³. Практически во все времена интернациональным являлся состав владельцев гостиниц, чайных, кафеен, харчевен в городах края¹⁴. Таковым же оставался и состав мастеровых и рабочих на винокуренных и других производствах¹⁵.

Гораздо более интенсивно межнациональное взаимодействие осуществлялось при сдаче в наем отдельных помещений, принадлежавших дворянам, мещанам, представлявшим разные национальности, под торговые заведения (магазины, питейные дома, кафейни, заезжие дворы и т. п.), не говоря уже о массе межличностных соглашений и различного характера договорах, заключенных между купцами, крупными торговцами, всевозможными казенными учреждениями и представителями «разноплеменного делового купечества». Добавим, что многие межличностные соглашения в деловой сфере осуществлялись на неформальной, словесной основе, что свидетельствовало о высоком уровне межнационального доверия.

Сделки в системе «купля-продажа» были поистине интернациональными, в той или иной степени отражая политический состав населения края. Например, возникшие в разное время еврейские сельскохозяйственные колонии Маркулешты (1837 г.), Вертюжаны (1838), Вишневая (1846), Згурица (1853), Люблин (1842), Капрешты (1851) и другие были созданы на землях, частично выкупленных в вечную собственность и взятых в длительное арендное содержание у помещиков-христиан разных национальностей – генерал-майора Старова, Ивана Деми, Егора Крупенского, Александра Албота, Солтаны Семиградовой и т. д.

Пожалуй, преимущественно организаторские, коммерческие способности и нравственные качества, а отнюдь не национальная принадлежность привлекали владельцев заводов, фабрик, разных производств и помещиков при выборе ими управляющих. Вот характерный при-

мер. В конце XIX столетия в Бессарабии была хорошо известна продукция, выпускаемая на кишиневском чугунно-литейном («механическом») заводе, основанном инженером-технологом Степаном Ивановичем Сербовым. Здесь с 1884 по 1899 годы (до самой кончины) «директором-распорядителем» являлся выпускник Петербургского технологического института Вольф Коган-Бернштейн¹⁶. Во многом полиэтническими оставались и арендные отношения, как в фабрично-заводской, так и в сельскохозяйственной сферах деятельности, о чем информируют многочисленные архивные документы.

Таким образом, даже краткий обзор исследуемой темы свидетельствует о тесном межэтническом сотрудничестве жителей Бессарабии в экономической сфере и в определенной степени способствует развенчанию мифа о якобы существовавшей в нашем крае межэтнической вражде.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Гросул Я. С., Будак И.Г.* Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812-1861). Кишинев, 1967; Они же. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1861-1905). Кишинев, 1972; *Жуков В.И.* Города Бессарабии (1812-1861). Кишинев, 1964; Он же. Города Бессарабии (1861-1900). Кишинев, 1975; *Батюшков П.Н.* Бессарабия. Историческое описание. СПб., 1892; *Заицук А.* Статистика и этнография Бессарабской области. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса, 1863; Он же. Материалы для географии и статистики России... Бессарабская область. Ч. I, II. СПб., 1862; *Берг Л.С.* Бессарабия. Страна – люди – хозяйство. Петроград, 1918; *Шемаков Д.Е.* Очерки экономической истории Бессарабии эпохи империализма. Кишинев, 1980 и др.

2. *Табак И.В.* Русское население Молдавии. Кишинев, 1990; *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004; *Новаков С.З.* Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии (1857-1918). Кишинев, 2004; *Абакумова-Забунова Н.В.* Русское население городов Бессарабии XIX в. Кишинев, 2006; *Скворцова А.* Русские Бессарабии. Опыт жизни в диаспоре. Кишинэу, 2002 и др.

3. *Анциупов И. А.* Государственная деревня Бессарабии в XIX в. (1812-1870-е гг.). Кишинев, 1966; Он же. Аграрные отношения на юге Бессарабии (1812-1870 гг.). Кишинев, 1978; Он же. Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в. Кишинев, 1981; Он же. Русское население Бессарабии и левобережного Поднепровья в конце XVIII-XIX вв. Кишинев, 1996 и др.

4. Большая Советская Энциклопедия. Т. 18. М., 1974. С. 621.

5. Национальный архив РМ (НАРМ). Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 346. Л. 1.

6. Там же. Л. 21.

7. Записки Бессарабского статистического комитета. Т. I. С. 278; *Защук А.* Материалы для географии и статистики России... СПб., 1862. Ч. 2. С. 74.
8. НАРМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 118-136, 149.
9. НАРМ. Ф. 75. Оп. 1. Ед. хр. 321. Л. 138, 147.
10. Там же. Л. 95-97 об.
11. Там же. Л. 137, 146.
12. НАРМ. Ф. 136. Оп. 6. Ед. хр. 78. Л. 1-13; Ед. хр. 20. Л. 7-8; Ед. хр. 50. Л. 6; Ед. хр. 75. Л. 14.
13. Там же. Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 63-64.
14. См., например: Ф. 75. Оп. 1. Ед. хр. 1520. Л. 29-30 об.
15. НАРМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 5784. Л. 1-15 и др.
16. *Лашков Н.В.* Кишиневская первая гимназия. Историко-статистический очерк (1833-1908). Кишинев, 1908. С. 241.

В Москве вышел первый номер журнала «Вестник Юго-Западной Руси». Главный редактор журнала - Михаил Смолин. Журнал издается Фондом «Имперское возрождение».

Как заявлено в редакционной статье, «журнал ставит своей целью идейно содействовать воссоединению великого русского народа, разделенного в безумном припадке регионального сепаратизма».

Среди авторов журнала известные историки и общественные деятели: Н. Пашаева, С. Сидоренко, А. Каревин, Б. Юркевич и др. В этом номере журнала опубликована интересная статья члена редколлегии нашего журнала «Русин» М. Дронова «Лемки и Лемковщина».

Журнал «Вестник Юго-Западной и Западной Руси» выходил в Киеве с 1 июня 1862 г. В нем помещались документы и статьи по истории юго-западного края России, повести, стихотворения и публицистика.

Редколлегия журнала «Русин» поздравляет редакцию «Вестника Юго-Западной Руси» с возобновлением издания известного дореволюционного журнала и желает дальнейших творческих успехов!

Вера ТУДОСЕ

КАРПАТОРУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ XIX В.

Памяти И.А. Анцупова посвящается

Известно, что наш молдавский край – это регион, который находится на перепутье множества дорог: с севера на юг и с юга на север; с востока на запад и с запада на восток. Во все времена здесь происходила миграция населения, поэтому здесь обосновывались люди – представители различных этносов и культур. Пушкинские слова “Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний!” смело можно отнести к молдавскому многонациональному краю.

Иван Антонович Анцупов (1920–2004), патриарх молдавской науки, как раз долгие годы занимался исследованием истории разных этносов: молдаван, русских, украинцев, гагаузов, болгар, поляков, цыган, чехов, немцев, евреев, проживающих в Пруто-Днестровском регионе. Он также обосновал необходимость дальнейшей разработки истории еще одного этноса – русинов Молдавии.

Считается, что в каждом человеке живет чувство принадлежности к определенному этническому образованию людей: чувство общего происхождения, физической и культурной идентичности или другой близости к своей этнической группе. Осознание такой принадлежности, очевидно, заложено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции, когда способность распознавать членов родственной группы была необходима, чтобы выжить.

Конец XX - начало XXI века характеризуется тем, что каждый человек или какое-то объединение людей на постсоветском пространстве пытается осознать, кто его предки по этнической принадлежности. С большой силой возобновилось национально-этническое движение, как грибы после дождя стали возникать этнокультурные общества. Появились различные подходы к изучению этничности, призванные объяснить сложную природу социальных и политических изменений, формирование и роль групповых коалиций, социальные конфликты, расовые и культурные взаимодействия.

Этническим общностям, как правило, сопутствует языковая идентичность. Знаменитый американский лингвист Эдвард Сепир полагал, что истинная культура на уровне индивида может выражаться только на родном языке. Второй, приобретенный язык никогда не сможет

выразить внутреннее эмоциональное богатство, которое передается через язык родной – язык, усвоенный с детства.

В настоящее время многих ученых – историков, литературоведов, лингвистов, этнологов, социологов – интересуют история и культура Прикарпатского и Закарпатского регионов, а также областей, прилегающих к названной территории. Особенно это касается истории и участи русских людей, называющих себя русинами.

Русское движение в восточном регионе Карпат, по древней терминологии – Червонной Руси, как считает Н.М.Пашаева, – «сложный феномен российской истории» [5, 6]. Русские люди живут в Карпатском крае с древних времена. Не станем здесь останавливаться на их историческом расселении в этом регионе [см. подробнее об этом: 8], отметим лишь, что долгое время они вели борьбу за свое существование, за право общаться на своем родном языке, получать на нем образование.

На наш взгляд, говорить о карпаторусских писателях и общественных деятелях XIX века – это значит говорить о Галичине, Угорской Руси (Подкарпатье) и Буковине, их общественной жизни. Термином Галичина принято называть земли Карпатского региона – Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской областей, а также прилегающие к названным регионам польские земли с древнерусским Перемышлем [Пашаева, 5]. Первоначально население называлось **русский, руский, руський**. Древний этноним **русин** (и производная от него - **руснак**) наряду с **русские** имел среди населения и у представителей интеллигенции широкое распространение. С начала австрийского владычества в Галичине, Угорской Руси и Буковине наряду с термином **русины** входит в обиход латинское название русских - **rutheni**. Лексемы **русский, руский, руський**, название родной земли **Русь**, наречия родного языка, сильно отличавшиеся от польского, сберегались в народном языке и в эпоху более чем пятисотлетнего польского и австрийского владычества. Не к иноплеменникам ушел из Москвы во Львов Иван Федоров (1510–1583), напечатавший там в 1574 г. «Букварь», посвятив его «возлюбленному честному, христианскому русскому народу», имея в виду местное русское население Львова [цит. по: 5, 7]. Русским деятелем был сподвижник, а потом и оппонент Петра I, галичанин Стефан Яворский (1658-1772) [5, 6].

Истоки русского движения в Галичине уходят своими корнями в национальные традиции эпохи единой Киевской Руси.

Особо важную роль в сохранении своего общерусского самосознания и культуры галичан играла православная церковь, единая со всей Русью, с ее единым языком богослужения, едиными обрядами, древними традициями. Католическая пропаганда имела относительный

успех в Галичине лишь среди обеспеченного класса людей, но не среди простого народа.

Однако и среди образованного населения были люди, стремившиеся сохранить духовную и материальную культуру, язык, обычаи, традиции – все то, что отличает один этнос от другого. Это люди не равнодушные, с любовью относившиеся ко всему тому, что объединяло их с предками.

Один из таких людей – **Денис Иванович Зубрицкий** (1777–1862), крупнейший карпаторусский ученый, историк, публицист, общественный деятель. Научно-публицистическую деятельность Д.И. Зубрицкий начал с исследований в области карпато-русского фольклора. Он интересовался древней историей родного края, изучал в архивах древние грамоты. «Д.И. Зубрицкому принадлежит неоспоримая заслуга в том, что он первый обратил внимание русских галичан на содержание и красоту народных песен», – писал о нем Ф.Ф. Аристов [1, с.34].

В 1823 г. он напечатал в календаре «Пилигрим Львовский», издававшемся на польском и немецком языках, свою статью «О галицких народных песнях».

В 1830 г. Д.И. Зубрицкий издает оду Державина «Бог» на русском языке, а затем в переводе на польский и немецкий языки. Это было первое произведение на русском литературном языке, изданное в Галичине.

Первый исторический труд Д.И. Зубрицкого «Греко-католическая Ставропигиальная церковь во Львове и соединенный с ней Институт» был напечатан по-немецки во Львове в 1830 году. Это была уникальная работа, в которую вошло все, что только было известно о Ставропигийском братстве и вообще о Галицкой Руси.

Московское общество истории и древностей Российских сделало очень многое для популяризации трудов Д.И. Зубрицкого в России. В 1845 г. в Москве вышла «Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси до конца 15-го столетия», а 1847–1848 гг. – «Начало унии». В 1852–1855 гг. издан главный труд Д.И. Зубрицкого – «История древнего галичско-русского княжества».

В письме в Московское общество истории и древностей Российских от 6 (18) января 1853 года Д.И. Зубрицкий изложил свои взгляды по главным проблемам галицко-русской истории:

«...Почти общее было мнение у менее образованных моих соотечей, что наш русский и так называемый ими московский или российский народ есть два чуждые, различные между собой народы. Надо было разрушить этот предрассудок, надо было доказать, что в древние времена, невзирая на множество княжеств, вся Русь составляла одну только целость, что князья того же самого рода господствовали

и в Москве, и в Новгороде, в Киеве и Галиче. В том намерении необходимо было мне представить своим читателям родословную картину князей Рюрикова поколения, обладавших всей Русской землею, и тем способом предложить им, так сказать, на глаза происхождение и русских вообще, и галичских князей в особенности от одного и того же родоначальника... принялся я за составление родословной, к первой части приложенной карты успел, по крайней мере, удостоверить галичан, что их князья были одного рода с московскими и другими Рюриковичами...» [1, 36-37].

В 1862 году в «Чтениях Московского общества истории и древностей Российских» вышла «Галицкая Русь в XVI столетии».

Д.И. Зубрицкий был членом многих научных обществ в России – членом-корреспондентом Санкт-Петербургской археографической комиссии, почетным членом Киевской временной комиссии для разбора древних актов, почетным членом Московского общества истории и древностей Российских.

Большой интерес представляет эпистолярное наследие Д.И. Зубрицкого. Он активно переписывался с российскими учеными М.П. Погодиным, М.А.Максимовичем, О.М. Бодянским, пересылая для публикации в Россию большое количество документов из львовских архивов. В письмах он сообщал о политике австрийских властей по уничтожению русского самосознания и культуры. Например, в письме от 5(17) мая 1852 г. к М.П. Погодину Д.И. Зубрицкий пишет:

«Я писал сколько сумел, на чисто русском языке, а этот язык подозревают у нас как симпатизирование с Московщиной. Сам тихий и смиренный журналец «Галицкая Зоря» получил увещание, чтобы он не осмеливался употреблять московских слов под угрозой запрещения...» [1, 41].

Д.И.Зубрицкий считается одним из самых выдающихся историков и церковных деятелей Галицкой Руси. Его работы по исторической апологетике православной и русской автохтонности Галицкой Руси положили начало «москвофильскому» движению, следующим этапом которого стало массовое возвращение карпатороссов в православие.

Венелин Юрий Иванович (1802–1839) – известный историк, языковед-славист, этнограф, фольклорист, автор многих исследований по славянским древностям. Прожил короткую, но насыщенную в научном плане жизнь. Интересными являются его работы:

«Замечания на сочинение г-на Яковенки о Молдавии, Валахии и проч». М., 1828;

«О характере народных песен у славян задунайских». М., 1835 (Телескоп. № 9–11);

«Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, собранные и объясненные на иждивении И.А. Юрием Венелиным». СПб., 1840;

«Древние и нынешние словене в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам». М., 1841;

«Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах». М., 1842;

«Мысли об истории вообще и русской в частности...». 1847 и др. [2, 57-58] (см. подробнее о нем: Алмаший М. Ю.И. Венелин-Гуца и Молдавия. Русин, № 2 (4). Кишинев, 2006.)

Духнович Александр Васильевич (1803–1865) – писатель, историк, просветитель, педагог, общественный деятель Карпатской Руси.

Родился в семье священника. По преданию, род Духновичей происходил от князей Черкасских, один из которых во время стрелецкого бунта бежал в Венгрию. Здесь он изменил фамилию, женился, был рукоположен в священнический сан.

А.В. Духнович учился в Ужгородской гимназии, после ее окончания поступил в Ужгородскую семинарию. Служил чиновником в епархиальной семинарии в Пряшеве и одновременно домашним воспитателем, затем был приходским священником. С 1843 г. – протоиерей Пряшевского собора; тогда же преподавал русский язык в Пряшевской гимназии.

Одним из важнейших средств сохранения национального сознания и самобытности народа А.В. Духнович считал образование на родном языке и развитие словесного творчества, важным он считал также формирование в народе религиозно-нравственных начал «добронравия». В своем письме М.Ф. Раевскому А.В. Духнович писал: «...Мы очень слабы на поле письменном ... однако же, по моему мнению, письмо наше выше стоит и теперь, ... оно содержалось в старовековой чистоте, и хотя оно /не/ в блеске, однако же в древнем уборе есть родное...». Относительно «украинской» орфографии, насильственно введенной в Австрийской Галичине, А.В. Духнович хотел, чтобы книги «не были писаны по новой немецко-галицко-русской орфографии, бо у нас тую орфографию и мужик не терпит» [цит. по: 1]

В работе «Истинная история карпатороссов» (1853) А.В. Духнович обозначил географические границы подкарпатских русинов: «...обиталища их от снѣжного Карпата по самые жерела славныя Тисы, а из южной стороны тихо тянущимся великолепным Дунаем граничились...» [цит. по: 1].

Как просветитель А.В. Духнович впервые в Венгрии создал педагогические произведения и учебники для русинов:

«Народная педагогия...». (Львов, 1857); в ее основу были положены идеи знаменитого чешского педагога Яна Амоса Коменского;

«Книжица читальная для начинающих» (Будапешт, 1847) – первый русский букварь;

«Сокращенная грамматика письменного русского языка» (Буда, 1853).

А.В. Духнович основал в Пряшеве благотворительное Общество Иоанна Крестителя, помогавшее русским учащимся гимназии, а также культурно-просветительское общество «Литературное заведение» (1850), которое ставило целью издание стихотворных альманахов и просветительских сборников (например, «Календари» 1850–1854 и др.).

Как литературовед А.В. Духнович стремился передать особенности жанровых разновидностей художественных произведений, поэтому у него много произведений, отражающих систему жанров XVIII века: торжественные и философские оды (например, «Ода на взятие Варны...» 1829); элегии («Тоска на гробе милой»); аллегорические стихи, сатиры, басни в прозе, подражания народным песням, драмы, сентиментальные повести (например, «Милен и Любица. Идильская повесть от древних русинов времен», 1851) и др. В своем поэтическом творчестве А.В. Духнович разрабатывал и технику стихосложения.

В поэзии А.В. Духновича преобладали патриотические мотивы, идея славянской солидарности («Песнь земледельца – весною», «Подкарпатские русины», «Поздравления русинов»), духовные установки: цель жизни – благо ближнего, счастье – в умении довольствоваться малым, вечность и красота природы как мерило земного бытия (например, «Мысль в начале весны», 1852; «Надежда», 1860). У А.В. Духновича немало лирических и любовных стихов. Некоторые из них он посвятил безвременно ушедшей возлюбленной.

Огромную популярность среди русинов имело стихотворение «Я русин...» (1851), которое было положено на музыку и стало своего рода народным гимном:

Я русин, был, есмь и буду,
Я родился русином,
Честный мой род не забуду,
Останусь его сыном.

Разрабатывая в поэзии язык высоких жанров, он активно использовал церковнославянские элементы. Так, драма «Добродетель превышает богатство» (Перемышль, 1850), поставленная в сельских школах в 1851 г., написана с использованием элементов народной жизни (легенда о разбойнике, которого судили и повесили); она убеждает читателя в необходимости «богобоязненной и честной жизни» [7].

А.В. Духнович – выразитель идей славянского единства. Он пытался создать единый для карпатороссов литературный язык на основе

русского литературного языка и народной разговорной речи. В своих произведениях он стремился выразить «простонародную... свойственность» языка русинов, для чего избрал «мысль без всякие украсы сущую, низкую и простонародную». Многие его труды написаны на «язычии», формировавшемся на основе русского и церковно-славянского языков и местных диалектов.

А.В. Духнович являлся одной из центральных фигур в жизни русинов. В условиях усиления венгерского влияния в середине XIX века он вместе с карпаторусским просветителем А.И. Добрянским пытался объединить общественные силы русинов. За свои убеждения А.В. Духнович преследовался властями, до конца своих дней находился под постоянным полицейским надзором.

Имя А.В. Духновича явилось символом национального единства среди русинских эмигрантов: в г. Кливленде (США) в 1939 г. ему сооружен памятник, в 1940 г. в Торонто (Канада) было создано «Общество карпаторусских канадцев имени А. Духновича» [7].

Устианович Николай Леонтьевич (1811–1885) – русинский поэт, родился в 1811 г. в местечке Николаеве Стрыйского округа, почему иногда под произведениями своими подписывался **Николай из Николаева**; высшее образование получил в Львовском университете. Вступив на литературное поприще стихотворением «Слеза на гробе Михаила, барона Герасевича» (горячего русинского патриота), он примкнул к кружку М. Шашкевича, впервые указывавшего путь галицкой литературе и открывшего собой эпоху ее возрождения, и под влиянием этого кружка писал хорошим народным языком. В 1849 г. он стал редактором политической газеты «Вестник», а по закрытии ее правительством активно сотрудничал во многих галицких изданиях.

Стихотворения его «Поезіи Н. Устыановича» изданы в Львове, в 1860 г. [9].

Являясь членом кружка «Русской Троицы», вместе с Я.Ф. Головацким и И.Н. Вагилевичем совершил несколько путешествий по родному краю, записывал народные песни, интересовался древностями [5].

Заслуга его заключается в том, что он пропагандировал родной язык русинов, способствовал развитию их культуры (литературы, драматургии, фольклора, певческого искусства).

Головацкий Яков Федорович (1814–1888) – крупнейший историк, филолог, этнограф, церковный деятель. Был одним из первых проповедников православия на Галицкой Руси. Спасаясь от австрийских репрессий, переехал в Россию, где принял православие как мирянин, будучи униатским священником.

Вместе с двумя друзьями по Львовской униатской семинарии (М. Шашкевичем и И. Вагилевичем) образовал знаменитую «Русскую

Троицу». Первым плодом ее деятельности стал выпуск в 1837 году сборника прозы, народных песен, преданий, стихов на русском языке «Русалка Днестровская». За пропаганду всего русского, в том числе кириллицы, тираж сборника был конфискован австрийскими властями.

Я.Ф. Головацкий являлся автором статьи (под псевдонимом) «Положение русинов в Галиции», где подверг острой критике тяжелейшее положение русинов, отмечая, что они живут без своей литературы, без журналов, без национального образования, без школ.

Он убедительно доказал, что языком богослужения был и есть церковнославянский язык, а язык литературы, науки и юриспруденции на пространстве от Карпат до Тихого океана был и есть общерусский язык. Этому посвящено его глубокое исследование «Памятники дипломатического и судебно-делового языка русского в древнем Галицко-Волынском княжестве и в смежных русских областях в XIV и XV столетиях» (Львов, 1867) [1].

Я.Ф. Головацкий написал большой 4-томный труд «Народные песни Галицкой и Угорской Руси», изданный в Москве М.П.Погодиным.

Я.Ф. Головацкий принимал активное участие в Московском славянском съезде, на котором произнес речь, посвященную общерусскому национально-культурному единству. Эта речь послужила предлогом гонений на Я.Ф. Головацкого, который переселился в Вильно. Там он становится председателем Виленской археографической комиссии для разбора древних актов.

В 1888 году Я.Ф. Головацкий вместе с семьей принял православие. Будучи униатском каноником, он смиренно присоединился к Святой церкви как мирянин. Присоединение совершал викарий Литовской епархии епископ Александр, помощник приснопамятного святителя Иосифа (Семашко), вернувшего из унии в православие Западную Русь. Эта духовная связь просветителей и восстановителей Западной и Галицкой Руси глубоко символична.

Раковский Иван Иванович (1815–1885) – писатель, педагог, публицист, церковный и общественный деятель, сторонник распространения русского литературного языка на Карпатской Руси. Один из начинателей православного движения в Угорской (Карпатской) Руси, униатский священник, настоятель сельского прихода.

После окончания в 1830 г. Ужгородской гимназии поступил в богословскую семинарию, где в 1838–1839 гг. под руководством А.В. Духновича работал писарем епископской канцелярии. Благодаря участию А.И. Добрянского переехал в Будин, где стал учителем гимназии и редактором «Земского правительственного вестника». В 1853 г. издал на русском языке «Сокращенную грамматику русского языка»

А.В. Духновича. Сотрудничал в газетах «Вестник для русинов...», «Зоря Галицкая», в «Семейной библиотеке» и др. В 1856 г. начал издавать «Церковную газету» – первый закарпатский печатный орган.

Приехав в 1859 г. в закарпатское село Изу, И.И. Раковский служил настоятелем прихода. Остался там до конца жизни, занимаясь церковной и просветительской деятельностью.

В сентябре 1866 г. он был выбран председателем «Общества св. Василия Великого» в Ужгороде. Издавал еженедельник «Свет». Автор нескольких учебников – «Арифметики» в двух частях (1869), «Краткой научной географии» (1870) и др.

И.И. Раковский более других карпаторусских писателей и народных деятелей потрудились над распространением в Угорской Руси общерусского литературного языка. По этому вопросу он высказался следующим образом: «Наша Угорская Русь никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствие к литературному соединению с прочей Русью. У нас ... никогда и вопроса не было по части образования какого-нибудь отдельного литературного языка» (газета «Свет», Ужгород, 1868) [1].

Другая великая заслуга Раковского – это возрождение православия в Подкарпатской Руси. Он – русский патриот, воспитавший свой сельский приход в любви к православию. Сам он, будучи священником-униатом, не решился открыто порвать с Ватиканом, однако, воспитывая людей в преданности восточному христианству и русскому национальному самосознанию, он подготовил свой приход к переходу в православие. После его смерти жители села Иза, где служил Раковский, в открытую перешли в православие, после чего против изских крестьян было проведено два политических процесса.

Похоронен И.И. Раковский в селе Иза Закарпатской области.

Добрянский-Сачуров Адольф Иванович (1817–1901) – выдающийся карпаторусский ученый-историк, богослов и общественный деятель, сторонник движения за возвращение галичан-русинов в православие. «Он же был двигателем того вероисповедного движения между западными славянами, которое привело к образованию православных общин между венскими чехами, а также на юге между словинцами и хорватами» [1, 210-211].

После окончания философского и юридического факультетов университета в Ягре он был госслужащим Австро-Венгерской империи.

А.И. Добрянский становится активным деятелем галицко-русского движения, принимает участие в работе «Головной русской рады». В 1849 г. А.И. Добрянский назначается гражданским комиссаром при русском третьем корпусе генерала графа Ридигера, предка нынешнего Патриарха Московского и всея Руси Алексия (в то время Россия

направила союзной Австрии воинский контингент для подавления венгерского восстания). После подавления восстания А.И. Добрянского назначают на административные должности в Ужгороде. Здесь он добился назначения русских чиновников, ввел делопроизводство на русском языке, русские надписи на улицах, способствовал возрождению русского самосознания среди карпатских русинов. Это навлекло немилость мадьярских властей, стремившихся к полной ассимиляции карпатороссов, и А.И. Добрянский был уволен.

В 1848 г. мадьярские власти предпринимают первую попытку физически устранить А.И. Добрянского, вследствие чего он переезжает во Львов, находившийся под непосредственной австрийской юрисдикцией. Генерал Ридигер высоко ценил А.И. Добрянского как специалиста по Карпатской Руси и русского патриота, за что он был награжден русским орденом св. Владимира 4-й степени и медалью «За усмирение Венгрии и Трансильвании». Верховная власть Австро-Венгрии даровала А.И. Добрянскому рыцарское достоинство с прибавлением в фамилии Сачуров по наименованию купленного им села.

В 1861 г. А.И. Добрянский избирается депутатом Угорского сейма, однако мадьярские власти добиваются аннулирования результатов голосования. В 1865 г. он вновь избирается депутатом Угорского сейма, где был депутатом по 1868 г.

В 1868 г. Добрянский произносит в угорском парламенте свою знаменитую речь по поводу законопроекта о народностях, в которой он утверждает автохтонность русских в Венгрии, их паритетное участие в становлении венгерской государственности и необходимость предоставления им равных прав. В 1871 г. мадьярские националисты в центре Ужгорода наносят тяжелые раны сыну Добрянского Мирославу. После этого покушения А.И. Добрянский не мог более открыто посещать собрания угро-русских обществ и организаций, вдохновителем деятельности которых был.

В 1871 г. прекращает свою деятельность русская газета «Свет», в 1872 г. появляется ее преемник – «Новый свет». В 1875 г. Добрянский посещает Россию. В 1881 г. по просьбе галицко-русской интеллигенции Добрянский переезжает из своего имения в Чертежном во Львов, чтобы возглавить галицко-русское движение.

После перехода в православие крестьян села Гнилички, где служил отец Иоанн Наумович, власти арестовывают 11 человек, в том числе Добрянского и его дочь Ольгу Грабарь (в январе 1882 г. она тоже перешла в православие). Арестованным было предъявлено обвинение в государственной измене и предлагалось предать их смертной казни. Однако, после яркой речи Добрянского подсудимые были оправданы (11 человек).

В июле 1882 г. Добрянский переезжает в Вену. Венский период его жизни является одним из самых плодотворных, где он раскрывается как идеолог православного панславизма, отмечая, что в конечной степени все славянские народы составляют единый мир, общим языком для всех славян являются церковнославянский и русский, общей религией – исключительно православие. Ученики Добрянского пошли еще дальше и выдвинули тезис о единой славянской нации.

Основные произведения А.И. Добрянского-Сачурова:

«Проект политической программы для Руси Австрийской» (1871). Здесь излагается необходимость автономии для всей Австрийской Руси, превращения ее в единый субъект Австрийской федеративной империи. Автор утверждает, что русский народ, живущий в Австрии, является «только частью одного и того же народа русско-го...» [1, 164-165].

«Патриотические письма» (1873). В публикациях газеты «Слово» А.И. Добрянский критически разбирает феномен «украинофильства» не как национальное, а как социальное движение, порожденное крепостным правом. Он писал: «...из истории предыдущих столетий давно уверились мы в национальном единстве всех русских отраслей, а потому, даже находясь под властью Габсбургов и исполняя обязанности австрийских граждан, мы должны трудиться для осуществления общерусских задач...» [1, 167].

В работе «О западных границах Подкарпатской Руси, со времен св. Владимира» (1880) А.И. Добрянский утверждает, что «древняя Русь простиралась до самого Кракова, который ... был построен на почве искони русской» [1, 169].

Во «Взгляде на вопрос об общеславянском языке» (1888) формулируются взгляды на общеславянский язык. Автор считал, что необходимо сохранение «языка церковнославянского в богослужении славян, а отчасти и в духовной их литературе, по историческому его значению и по близости к этимологическим основам славянской речи...» [1, 215].

«О современном религиозно-политическом положении Угорской Руси» (1885). Здесь автор прямо советует своим землякам не ждать помощи от Рима, «всегда наказывавшего русский народ за верность ему...» [1, 180]. Книга была в Австрии запрещена.

В работе «Наименование австро-угорских русских» (1885) А.И. Добрянский на основании лингвистического, филологического и исторического анализа показывает идентичность понятий «русин», «русский», «русский», «российский». Здесь он доказывает этническое, языковое и национально-культурное единство всех русских народностей. Добрянский-Сачуров констатирует, что «все русские люди Ав-

стро-Угрии и России называют себя в мужском роде «русин», «русинак» или «русский», в женском роде только «руска», и каждый из них «утверждает, что говорит по «по-русски», нисколько даже не подозревая того, что филологи и этнографы стараются разделить друг от друга велико-, мало-, бело-, червоно- и черноруссов...» [1, 181].

Следует отметить также статью А.И. Добрянского «Плоды учения гр. Л.Н. Толстого». Обличая пацифизм и непротивленчество Толстого, он называет его «врагом славянской идеи», утверждая, что «толстовство» может обернуться поражением славянства в неизбежно грядущей славяно-германской войне.

В «Суждении православного галичанина...» А.И. Добрянский анализирует критику деятельности Св. Синода и российских духовных семинарий Н.Н. Дурново. Здесь он защищает авторитет Святейшего Правительствующего Синода православной греко-русской церкви, выступает против попыток антицерковной агитации [1, 206].

А.И. Добрянский-Сачуров похоронен в селе Чертежное на Угорской Руси. Похороны сопровождался крестным ходом. Множество народа прибыло со всей Австрийской Руси.

Петрушевич Антоний Степанович (1821-1913) – крупнейший галицко-русский историк, филолог, публицист, фольклорист, этнограф, общественный деятель. Член Русского Археологического общества в Москве, доктор Киевского университета святого Владимира, член многих научных обществ России, член четырех академий наук (чешской, польской, российской и румынской).

А.С. Петрушевич родился в с. Добряны Стрыйского района. Уже 9-летним он читал «Апостол». После трехклассной школы в Стрые одаренный мальчик продолжает учиться во Львове. После окончания гимназии (1839) поступает в Львовский университет, где преподавал в это время знаменитый галицкий историк Д.И. Зубрицкий, который привил юноше любовь к историческим наукам. По желанию отца Антон Петрушевич перевелся на теологический факультет, после окончания которого (1841) служил униатским священником.

Будучи впоследствии каноником во Львове, привел в порядок в Перемышле библиотеку и архив, составил там систематические каталоги. Путешествовал по Галичине, Буковине, Закарпатской Украине, Чехии, где собирал летописи, старинные церковные рукописи.

С 1861 г. А.С. Петрушевич на государственной службе, которую совмещает с публицистической и общественной деятельностью. Он прекрасный ритор, его речи в сейме публикуются без сокращений в газете «Слово» и даже отдельными брошюрами.

В разных газетах были опубликованы его стихи «Плач матери руськой над блудным сыном», «Эй, кто русин, веселися!», «Бог», «У меня

сегодня праздник», «Радостная песня русина-галичанина» и др.

А.С. Петрушевич в 1850-1900 годы собрал уникальную коллекцию изданий по вопросам всемирной истории, философии, археологии (15700 экз.), карт, рисунков (1500), славянских летописей (400), рукописей (258).

На это время приходится начало активной публицистической и культурно-просветительской деятельности А.С. Петрушевича. Он выступает со статьями, фельетонами, сатирическими стихами, научными историческими исследованиями и эссе в изданиях «Зоря Галицкая», «Пчела», «Церковная газета», «Семейная библиотека», «Временник Ставропигийского института», «Церковный вестник» (Будапешт), в чешской и польской периодике.

Им составлен обширный этимологический словарь всех славянских языков сравнительно с индоевропейским, причем указано употребление собственных, личных имен и важнейших географических названий всех славянских земель как по печатным, так и по рукописным источникам. Этот труд остается пока еще неизданным.

А.С. Петрушевич – автор фундаментальных трудов: «Русь и Польша» (1849), «Львовская летопись» (1867), «Акты Ставропигийского братства» (1879), «О происхождении письма у словен», «Сводная галицко-русская летопись» (1874-1897). Шеститомный труд «Сводная галицко-русская летопись» – подборка огромного количества отдельных научных сведений по истории Галичины с 1600 по 1800 гг. с указанием источников. Труд выходил с 1874 по 1897 гг., он занял последние в XIX в. тома Литературного сборника Галицко-русской матицы. Данная работа – крупный вклад в историческую науку России и далеко выходит за рамки научного краеведения [1].

А.С. Петрушевич приложил много усилий для обоснования факта принадлежности галицко-карпатских русинов к общерусской народности. Как талантливый филолог, исследователь русских сказаний и былин, он первым обратил внимание на частое сходство топонимики и народных преданий на Западной и Северной Руси (Галич в Галичине и Галич на северо-востоке Руси). Исследуя многочисленные народные предания о галицком князе Романе, А.С. Петрушевич нашел схожие сказания у себя на родине и в далекой Олонецкой губернии, что и дало ему возможность сделать вывод о едином происхождении русского народа от Черного моря и до Ледовитого океана: «русские выходцы из Юго-Западной Руси, переселяясь на далекий север..., несли с собой народные песни, в которых воспевали исторические события, произошедшие на их землях, сохраняли их столетиями, как драгоценное сокровище, про походы киевских князей, оберегавших святую русскую землю от чужеземцев» [7].

Наумович Иоанн Григорьевич (1826-1891) – богослов, проповедник, историк, писатель, публицист. Изгнан из Австрии, переселился в Россию, приняв православие как мирянин, будучи униатским священником.

И.Г. Наумович родился в семье русинского учителя в Бугжске. Окончив гимназию, восемнадцатилетний И.Г. Наумович поступает в русскую семинарию во Львове.

После окончания семинарии в 1851 г. он женился и был рукоположен в униатские священники. Сначала он служил в Городке недалеко от Львова, затем стал настоятелем в Ляшках Королевских, а с 1856 г. - в местечке Перемышляны.

Почти всю свою жизнь И.Г. Наумович посвятил служению своему народу. Он считал, что возможность спасения русских людей от польской колонизации заключается в сохранении русинского языка, сходного с общерусским. Выступая в сейме в 1866 г. И.Г. Наумович сказал: «Панове, вам не уничтожить Руси, она была, есть и будет! Все ее племена составляют один могучий русский народ, сходства нашего языка с языком остальной Руси не уничтожит никто на свете: ни законы, ни сеймы, ни министры.»

Талантливый писатель и публицист, он много публиковался в галицкой периодической печати – с 1848 по 1891 г. сотрудничал более чем в 20 изданиях. Обращаясь к своим читателям, И.Г. Наумович руководствовался лозунгами, им самим сформулированными, – «молися, учися, трудися, трезвися» [4]. Лозунги эти были чрезвычайно актуальны для тогдашней Галичины. Забитость, темнота, невежество и пьянство были, по мнению пастыря, едва ли не главными бичами галицкого села.

И.Г. Наумович создал просветительское общество «Наука», открывшее множество сельских читален, библиотек и кооперативов. Задачей общества являлось распространение в народе правдивых знаний о русской литературе, культуре, православной церкви, русском государстве.

Смелым и мужественным поступком отца Иоанна был переход его прихода в православие: униатский священник отец Иоанн перешел в православие простым мирянином. Таким шагом он определил позицию русского человека – полное отвержение всех латинских таинств как «безблагодатных» [4].

Переход в православие отца Наумовича, имевшего огромный авторитет среди народа, был поддержан передовым галицким духовенством на местах и стал серьезной угрозой для полонизации русинов. В связи с этим И.Г. Наумовича арестовали и судили как государственного изменника. Римский папа лично отлучил Наумовича от костела.

Выйдя из тюрьмы, И.Г. Наумович переселился в Россию, в Киев («мать городов русских»), где продолжил свою просветительскую деятельность как писатель и публицист. Тогда же в Австрии начались массовые репрессии русинского населения, и И.Г. Наумович разработал план эвакуации русских галичан в Россию. Однако планам И.Г. Наумовича не суждено было сбыться: он внезапно скончался в Новороссийске, осматривая места будущих переселений русинов. Предполагается, что отец Иоанн был отравлен иезуитами, опасавшимися утраты влияния на русинское население в Галичине.

Похоронен И.Г. Наумович в Киеве на Аскольдовой могиле.

Выводы. Что же написать в качестве выводов? Талантливые энтузиасты стремились добиться истины, создавали, собирая по крупицам, бесценные материалы – слово к слову, факт к факту, рукопись к рукописи. Они стремились воссоздать историю своего народа и одновременно описывали его современность. Они хотели, чтобы их народ, которому они принадлежали, был грамотным, просвещенным, получал образование на родном языке, был приобщен к православию.

Хочется посетовать, что остаются неопубликованными богатейшие научные материалы по истории, археологии, языкознанию, литературоведению, этнографии, фольклору писателей-публицистов, богословов, общественных деятелей Карпатской Руси – русинов, патриотов своего отечества. Часть из них утеряна безвозвратно (например, большинство материалов из архива Ф.Ф. Аристова), какая-то часть отвергнута властями и уничтожена, множество материалов (неопубликованных!) похоронены в архивах.

Издаются целыми горами дешевые (дешевые не в смысле стоимости – тут как раз наоборот, – а в смысле содержания) бульварные романы, перекраивается история в угоду определенным политическим кругам, из-за которых передовые мыслители подвергались гонениям, порою даже рисковали жизнью, а труды этих талантливых людей пылятся в хранилищах, так и не увидев свет. Таким образом, мы лишаемся достоверных фактов, собранных в тяжелейших условиях. Кто и когда опубликует эти материалы?

На современном этапе развития человеческого общества, в связи с бурным развитием информационных систем, следует ожидать значительных сдвигов во взаимопроникновении культур. Вместе с тем практика показывает, что «путь становления единой цивилизации сложен и извилист, народы не торопятся расставаться со своей самобытностью. Да задача вовсе и не в этом. Она как раз в том, чтобы в общепланетной культуре осталось все то ценное, что есть в культуре каждого этноса» [6, 29].

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Аристов Ф.Ф.* Карпаторусские писатели. Т.1. М., 1916.
2. *Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды. В 3-х т. Т.1. Минск, 1976.
3. *Маиталер А.В.* Педагогическая и просветительская деятельность А.В. Духновича. Киев, 1966.
4. *Пашаева Н.М.* И.Г. Наумович как общественный, политический и религиозный деятель Галичины второй половины XIX века. М., 2005.
5. *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. М., 2001.
6. *Петров В.П.* Движущие силы и основные пути развития человеческого общества. М., 2000.
7. Русские писатели 1820-1917. Биографический словарь. В 2-х т. М., 1992.
8. *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004.
9. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899.

Единая РУСЬ

<http://www.edrus.org>

Сайт создан в 1999 г. для противостояния ставшей официальной националистической версии истории на Украине. Содержит материалы по истории украинского раскола, создания искусственной "мовы" и гонений на общерусский язык, размышления о культуре и геополитике, аналитические статьи и архивные документы.

На сайте можно найти классику полемики с украинофилами (Н. Ульянов, Л. Волконский, князь Трубецкой и др.) и современных критиков украинской идеи (С. Сидоренко).

Виктор ДАМЬЯН

ЮРИЙ ХМЕЛЬНИЦКИЙ – КЛЮЧЕВАЯ ФИГУРА УКРАИНСКОЙ И МОЛДАВСКОЙ ПОЛИТИКИ МОСКВЫ (конец 50-х - начало 60-х гг. XVII в.)

50-е гг. XVII в. стали переломными в истории стран Восточной Европы. Начавшееся в украинских землях Речи Посполитой национально-освободительное восстание, возглавляемое гетманом Войска Запорожского Богданом Хмельницким, а затем его переход в 1654 г.¹ в подданство Алексея Михайловича Романова (1645-1676 гг.) предопределили будущую судьбу не только Гетманщины, но и Крымского ханства, Молдавского княжества, Польши, Порты да и самой России. После смерти Богдана Хмельницкого гетманом был избран его сын Юрий, который пробыл в этой должности только месяц, но затем решил от нее отказаться. Воспользовался данной ситуацией генеральный писарь Иван Выговский, который при поддержке части казацкой старшины был избран на вакантную должность гетмана². Москва, в свою очередь, подтвердила это избрание³.

Негативную позицию по отношению к Выговскому заняли полтавский полковник Мартин Пушкарь и Запорожье во главе с кошевым атаманом Яковом Барабашем, которые отказались признать власть И.Выговского. Собрав сорокатысячное войско, Пушкарь поднял против него восстание⁴. Не рассчитывая на военную силу и своё политическое влияние, Выговский обращается за помощью и покровительством к Речи Посполитой⁵. 16 сентября 1658 г. Выговским был заключен Гадячский договор, по которому Гетманщина под именем «Великого княжества Русского» возвращалась под власть польского короля. Он рассчитывал после победы над своими политическими противниками и российскими войсками, находившимися в Гетманщине, построить свои дальнейшие отношения с Польшей именно на условиях заключенного договора⁶. Москва, узнав о заключении данного соглашения, направила против Выговского военные силы. В июне 1659 г. под Конотопом произошла битва между российскими войсками и войсками Выговского и пришедшими ему на помощь крымскими татарами. Российские войска потерпели поражение⁷.

В среде казачества идея вернуть Гетманщину в состав Речи Посполитой была воспринята крайне негативно. Это привело к потере Выговским большого числа сторонников и к началу восстания против его власти⁸. Однако, он сумел при поддержке польских войск удержать под своею властью Правобережную часть Гетманщины. В сложившейся ситуации Москва и Варшава стали готовиться к новой военной кампании, запланированной на 1660 г.

Хотя войска России и Польши только готовились к боевым действиям, идеологическая война была в полном разгаре. Вероятно, Польско-Литовское государство, заключив с Выговским Гадячские соглашения, попыталось воскресить в сознании казачества «старые» идеалы о создании своей автономии под защитой короля. Москва в ответ на Гадячские соглашения наносит ответный «идеологический удар». Вместо Выговского, который ей изменил, России нужно было возвести на гетманство человека, чей авторитет и влияние могли бы дать ей возможность исправить положение в Гетманщине, вернув Правобережье под свою власть. В роли ключевой фигуры Москвы в «идеологической войне» выступил сын Богдана Хмельницкого Юрий (1659-1663 гг.), которого поддержали Запорожская Сечь, а также пророссийски настроенная часть казачества. В связи с этим необходимо отметить, что Юрий Хмельницкий пользовался влиянием и авторитетом не столько личным, сколько своего отца, Богдана Хмельницкого.

Москва решила по своему сценарию срежиссировать новое антипольское восстание Богдана Хмельницкого, в котором на этот раз главная роль отводилась его сыну. Немаловажным было и то обстоятельство, что ситуация достаточно сильно напоминала период национально-освободительной войны времен гетманства Богдана Хмельницкого. В этой связи представляется правомерным сравнение военно-политической ситуации времен гетманства Богдана Хмельницкого (1648-1657 гг.) и периода начала второго гетманства Юрия Хмельницкого (1659-1660 гг.), до принятия им польского подданства (см. таблицу на сл. стр.).

С избранием на гетманство Юрия Хмельницкого «идеологическая война» с Россией была Речью Посполитой проиграна. Следствием этого поражения стал раскол в рядах сторонников Выговского и возвращение значительного их числа под власть Москвы, а также ослабление позиций Польши на Правобережье Днепра.

Конечной целью московской военной кампании 1660 г. мог быть возврат Правобережной Гетманщины под власть России. Возможным результатом этой кампании мог стать переход Молдавского княжества в подданство царя Алексея Михайловича. В этой связи стоит отметить, что в 1658 г. князь Трансильвании Ракоци II поднимает антиос-

манское восстание⁹. Усилиями Ракоци II формируется антиосманская коалиция. Действия Трансильвании начинают поддерживать Молдавия и Валахия. В конце осени 1659 г. бывший господарь Валахии Константин Щербан при поддержке Трансильвании занял трон Молдавии¹⁰. На сторону Ракоци II перешел и новый господарь Валахии, Михня III¹¹. Правители княжеств рассчитывали получить от Гетманщины и России поддержку своей антитурецкой борьбы, но в это время казачество было занято выборами нового гетмана. Последовавший вслед за избранием Выговского переход Гетманщины в подданство Речи Посполитой и заключение им союза с татарами сделали невозможным оказание существенной военно-политической помощи молдаванам, валахам и трансильванцам.

Союз Молдавии и Валахии с Ракоци II вызвал ответную реакцию Стамбула. Узнав об очередном мятеже молдаван и валахов, Порта предприняла против них военный поход, а «...Молдавский бейлик [был] пожалован Стефан-бею... сыну Лупул-бея, в прошлом смещенного с Молдавского бейлика...»¹². Занять трон и подавить мятеж Стефаница Лупу должен был с помощью османско-крымского войска¹³. Несмотря

<p align="center">Гетманство Богдана Хмельницкого (1648-1657гг.)</p>	<p align="center">Гетманство Юрия Хмельницкого до принятия польского подданства (1659-1660 гг.)</p>
<p>Богдан Хмельницкий начинает формировать повстанческую армию в Запорожской Сечи. Запорожские казаки составляют ядро войска Богдана Хмельницкого.</p>	<p>Возведению Юрия Хмельницкого активно способствуют противники пропольской ориентации Выговского – запорожцы во главе с Сирко и часть казачества.</p>
<p>Результатом восстания стало ослабление власти Речи Посполитой над юго-восточной частью своей территории; со временем эта территория выходит из-под власти Польши.</p> <p>Отказ Богдана Хмельницкого от польского подданства и переход под власть России, согласно статьям, утвержденным на Переяславской Раде в 1654 г., на условиях широкой автономии.</p>	<p>В результате казацкого восстания происходит ослабление позиций Выговского и Речи Посполитой в Правобережной Украине и избрание гетманом Юрия Хмельницкого. На Переяславской Раде 1659 г. Юрий Хмельницкий подтверждает статьи Богдана Хмельницкого, где обговаривались условия перехода в 1654 г. Гетманщины в подданство Москвы.</p>

ря на все усилия антиосманской коалиции, в течение 1659-1661 гг. восстание в княжествах было подавлено и власть Порты над ними восстановлена.

Потеряв трон, Константин Щербан не отказался от борьбы за власть над Молдавским княжеством. В июле 1660 г. он отправляет царю Алексею Михайловичу грамоту, в которой содержалась просьба о предоставлении военной помощи для освобождения его владений. В этой же грамоте говорилось об условиях перехода владений Константина Щербана под покровительство России¹⁴. Под «своими» владениями Константин Щербан понимал Молдавию и Валахию, называя себя их «владельцем»¹⁵. Просьбы Константина Щербана оказались для Москвы своевременны. Именно в то время она строила планы войны с Речью Посполитой.

Таким образом, результатом похода русских войск в Правобережную Гетманщину мог стать переход в подданство России Дунайских княжеств на условиях, предложенных Константином Щербаном летом 1660 г. Вполне реально, что переход Молдавии в подданство России мог быть осуществлен при участии Юрия Хмельницкого. Ю. Хмельницкий, состоявший в родстве с бывшим молдавским господарем Василием Лупу, мог наравне с правившим тогда в Молдавии его сыном Стефанией Лупу бороться за молдавский трон. Это означало, что Москва могла использовать в полной мере и Константина Щербана, и Юрия Хмельницкого для установления контроля над престолом как Молдавии, так и Валахии.

Россия планировала нанести удар на Волынь. Это направление было выбрано не случайно. После разгрома польских войск в этом районе российско-казацкие войска воеводы Шереметьева, скорее всего, должны были пойти на соединение с войсками Ракоци II, находившимися в Трансильвании. В результате Москва достигла бы сразу нескольких целей. Во-первых, окончательно закрепила бы за собой Гетманщину. Во-вторых, могла бы быть удовлетворена просьба Константина Щербана о принятии в подданство России как Молдавии, так и Валахии. Возможно, был бы поставлен вопрос и о московском подданстве Трансильвании, тем более что Ракоци II стоял во главе антиосманской коалиции.

О вполне конкретных целях России свидетельствуют и высказывания Шереметьева, командующего российскими войсками в Левобережной Гетманщине. Он утверждал, что после захвата Польши принесет свободу «молдаванам, волохам и всем другим народом греческой веры, которые находятся под властью осман»¹⁶. Это означало, что война против Польши должна была только подготовить плацдарм для выступления против Османской империи. Порта, наверняка, не по-

терпела бы вмешательства во внутренние дела своих вассалов – Молдавии, Валахии и Трансильвании.

В 1660 г. начались боевые действия. Н.И. Костомаров об этом писал: «... предводитель московских войск в Украине, Шереметьев, по совету переяславского полковника Цыцеры задумал предупредить [наступление] поляков и решился идти... в польские владения, с ним же должен был идти Юрий Хмельницкий с казаками»¹⁷. Однако планы Москвы срываются из-за поражения московско-казацких войск на Волыни, под Чудновом, которое в историографии получило название «Чудновская катастрофа». После этого поражения Юрий Хмельницкий решил заключить с Польшей договор, условия которого во многом повторяли условия Гадячского договора¹⁸.

В конечном итоге Москва лишь на время отложила свои планы по включению всей территории Гетманщины в состав государства Российского. Ей пришлось отказаться также от планов принятия в свое подданство Молдавское княжество, что не означало прекращения борьбы Москвы с Варшавой за Правобережную Украину и, тем более, прекращения российско-молдавских и молдавско-российских политических контактов.

ИСТОЧНИКИ

1. Российский исследователь Б.Н. Флоря подчеркивал, что «годы освободительной борьбы Хмельницкого были временем, когда... иллюзии о том, что в Речи Посполитой есть силы, сотрудничающая с которыми казачество может добиться видного, почетного положения для себя, испытали сильный удар. И в этих обстоятельствах стал возможным тот поворот в сторону России,... который привел к Переяславской Раде [1654 г.]». См. *Флоря Б.Н.* Спорные проблемы русско-украинских отношений в первой половине и середине XVII в. // Белоруссия и Украина: История и культура. М., 2003. С. 36.

2. Літопис Самовидця. Київ, 1971. С. 76.

3. Там же. С. 77.

4. Там же. С. 77-78.

5. Kossarzewski, K. Kampania roku 1660 na Litwie. Kraków, 2005. S. 17.

6. Согласно Гадячскому договору, Польша, Литва и Украина должны были создать федерацию равноправных государств. См.: *Полонська-Василенко Н.* Історія України. Т.2. Київ, 1995. С. 38.

7. Літопис Самовидця. С.79-80.

8. Яковлева Т. Руїна Гетманщини: Від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659-1667гг.). Київ, 2003. С. 13-22.

9. Георгий Ракоци II, правитель Трансильвании (окт. 1648 - июнь1660). См.: *Istoria României în date.* Chişinău, 1992. P. 384.

10. Константин Щербан, молдавский господарь (нояб. 1659, янв. - февр. 1661 гг.). См.: *Istoria României în date.* Chişinău, 1992. P. 380.

11. *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. Земли Молдавии и Украины. (<http://www.vostlit.info/Texts/rus8/celebi3/text10.phtml?id=1736> (10.09.2005)).
12. Там же: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/celebi3/text10.phtml?id=1736> (10.09.2005).
13. Стефаница Лупу, молдавский господарь (ноябрь 1659 – январь 1661 г., февраль-сентябрь 1661 г.). См.: *Istoria României în date*. Chişinău, 1992. P. 380.
14. «[российской] подвергнуть себя вечно державе...». РГАДА. Ф. 68 (1660 г.). Оп. № 68/2. Ед. хр. 34.
15. Исторические связи народов СССР и Румынии. Т.2. М., 1968. С. 318-319.
16. *Яковлева Т.* Руїна Гетманщини... С. 75.
17. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ет главнейших деятелей. Кн. II вып. четвертый и пятый. М., 1991. С.295.
18. *Полонська-Василенко Н.* История України. Т. 2. С. 41.

ЕДИНЬЙ КНИЖНЬЙ интернет-магазин

Первый тематический книжный магазин по "украинскому" вопросу.

Высылаем каталог по почте и поможем с приобретением мелкооптовых партий книг.

Книги в наличии:

- Ульянов Н. Происхождение украинского сепаратизма
- Русская Галиция и "мазепинцы"
- Сидоренко С. Украина - тоже Россия
- Чуев С. Украинский Легион
- Геровский Г. Язык Подкарпатской Руси
- Аристов Ф. Литературное развитие Подкарпатской Руси
- Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси
- Журнал "Русин" и многое другое...

Совместный проект сайтов "Единая Русь" (www.edrus.org), "Украинские страницы" (www.ukrstor.com) и Малорусской народной исторической библиотеки (mnib.malorus.org)

Адрес магазина в Интернете: <http://magazin.malorus.org>
e_mail: magazin@malorus.org Тел.: +7 (903) 53 44 218
Адрес: Россия 109028 Москва. До востребования.
Предъявителю ОЗП 5 IN 1196995

Евгений ТКАЧУК

НАУКА И СТРАСТИ ПО ЛУБКАМ

Товарищи! Я обращаюсь к вам подобным образом не только в знак приверженности известной традиции, но и потому, что в такой аудитории просто не может быть социальной градации иного типа - господ, домнулов и т.д., равно как и коленопреклоненных перед ними представителей так называемых низших сословий. Всех нас уравнивает род нашей деятельности, наш социальный статус, наше служение Ее Величеству Истине.

Возможно, некоторым присутствующим покажется странным, что под нивелирующую крышу «товарищей» я подвожу и свою скромную персону, хотя я, конечно, не историк и никогда не работал в научных учреждениях. Да, я всего-навсего журналист, а интеллектуальной характеристикой любого журналиста служит неместное – дилетантизм. И все-таки я счел для себя честью подняться на эту трибуну по трем причинам.

Во-первых, сама тема нынешней научно-практической конференции напрямую перекликается со стержневым тезисом Концепции национальной политики, принятой нашим парламентом: этническое и культурное многообразие населения Молдовы – не порок, а великое богатство нашей страны. Вся Концепция и строится на приоритете этого тезиса, ее проект был разработан политической организацией, которую я представляю, и все мы являемся свидетелями и участниками процесса ее – пусть медленного, но настойчивого – претворения в жизнь, превращения в один из главных элементов складывающейся государственной идеологии. Кстати, Молдова – единственная страна на постсоветском пространстве, поднявшая этот гуманный приоритет на уровень законодательного акта, а это значит, что все последующие правовые акты обязаны соответствовать именно Концепции, а не каким-либо текущим, спонтанным, схоластическим, а иногда и открыто ксенофобским политическим завихрениям.

Во-вторых, я представляю журнал «Мысль» – издание партии власти. Руководителем редсовета журнала является Владимир Воронин (не буду перечислять его прочих титулов – они всем известны). Так вот, от имени редсовета позвольте поприветствовать участников конференции, пожелать всем плодотворной работы и крепких научных контактов, разрушающих массу препятствий на многочисленных этнических, профессиональных, государственных и межгосударственных кордонах.

И, наконец, в–третьих, как редактор журнала я просто обязан добавить к научному реноме историка И.А. Анцупова немаловажный штрих: в свое время он был одним из инициаторов учреждения Ассоциации ученых им. Н. Милеску-Спэтару, тесно сотрудничающей с нашим журналом. Именно «Мысль» впервые опубликовала некоторые работы Анцупова, которым в то время нелегко было прорваться в информационное пространство республики – речь, в частности, о статье о соотношении формационного и цивилизационного подходов к периодизации развития общества. Так что у меня есть и некое моральное право взойти на эту трибуну и выразить, пусть и задним числом, свою благодарность неординарному ученому.

Ну, а теперь, если позволите, я попытаюсь внести свои дилетантские «пять копеек» в профессиональный разговор товарищей историков. «Отец истории» Геродот начал свой бессмертный труд с утверждения: история – учитель жизни. А вот значащийся в списке выступающих на нашей конференции мой старый друг профессор–историк Николай Бабилунга в одной из своих публицистических статей возразил: история учит лишь тому, что она ничему не учит.

Кто же прав – Геродот или Бабилунга? Мне больше импонирует точка зрения Бабилунги. Если верно утверждение о том, что история – это политика, опрокинутая в прошлое, то представляемая здесь наука всегда испытывала, испытывает и, возможно, еще долго будет испытывать чудовищный гнет более примитивной формы общественного сознания – политики. Я понимаю, где-то в хрустальных дворцах сугубо академической науки пытаются жестко исповедовать движение к единственному божеству – Истине. Но пока эта исповедь доберется до массового сознания, она обычно превращается в такое дурнопахнущее зелье, от которого, при массовом употреблении, неизбежно наступает пандемия тотального несварения мозгов.

Вместо примеров, в которых мы буквально тонем, сошлюсь на Поля Валери: «История... самый опасный продукт, вырабатываемый химией интеллекта... Она вызывает мечты, опьяняет народы, порождает в них ложные воспоминания, усугубляет их рефлексy, растрavляет их старые язвы, смущает их покой, ведет их к мании величия или преследования и делает нации горькими, спесивыми, невыносимыми и суетными». К пассажиу Поля Валери не могу не присовокупить Марксово: «Традиции прошлого, как кошмар, тяготеют над умами живых». В наше время гнет кошмаров становится просто невыносимым. Даже жалкие крохи исторической Истины, то есть сведений о том, что некогда действительно происходило, буквально тонут в омуте псевдонаучных мистификаций, приправленных сакральными испражнениями далекого средневековья и осовремененной ксенофобской ненавистью.

Мне не раз приходилось печатно утверждать, что наука история (пожалуй, самая древняя из наук) до сих пор так и не обрела действительного статуса Науки, то есть сферы общественного сознания, где господствует Ее Величество Истина. Классики, ставшие в XIX веке родоначальниками совершенно иного научного и массового мировоззрения, утверждали: для нас существует одна наука – наука История. И тут же уточняли: наука становится таковой лишь после того, как овладеет математикой. А что такое математика, как не наука о количественной и качественной характеристике материального мира, в том числе и человечества?

Скажите на милость, овладела ли история-наука математикой? Если кто скажет «да», пусть бросит в меня свой камень из-за пазухи. Но я вряд ли спущусь с этой трибуны побитым камнями. Геродот, руководствуясь надписью на одном из блоков пирамиды Хефрена, пытался вычислить количество людей, работавших на возведении этого чуда света, по весу съедаемого ими чеснока. Мы же две с половиной тысячи лет спустя так и не удосужились выразить языком элементарного математического расчета простой исторический сюжет: какова же была численность русского войска, переправленного Дмитрием Донским на правый берег Дона? Для нас куда лестнее прибегнуть к летописной байке какого-то невежественного монаха, не умевшего считать дальше трехзначной величины. Так – патриотичнее. Я бы сказал – политичнее. Кошмар патриотичной летописной Традиции предпочтительнее вроде бы космополитичной и далеко не комплиментарной Истины. Как говорил великий поэт, «тмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман».

Прибегну к современной аналогии. О любом мало-мальски значимом событии в Кишиневе сразу же напишут три десятка периодических изданий. Но перенесемся в XXII столетие. Допустим, будущие историки попытаются понять, что же произошло в Кишиневе в начале XXI века, и обратятся к нынешней периодике. Учтем при этом, что большинство письменных источников (подшивки газет, архивные документы) к тому времени сгорит в пожаре очередных социальных или этнических недоразумений. Что же останется на долю исследователей? Обрывки от огрызков? Но даже они сообщат о событии нечто радикально противоположное, приправив текст солидной толикой домысла, обывательских сентенций, политических оценок. Как говорил в анекдоте Наполеон, будь у меня газета «Правда», черта с два кто узнал бы, что я проиграл битву при Ватерлоо. Значит, письменный источник насколько важен, настолько и ненадежен. Но история, обращаясь к прошлому, опирается в основном на жалкие остатки письменных источников – как правило, на те, что льстят национальному или

определенному политическому тщеславию. Прочие она обычно намеренно игнорирует или подвергает унижительному остракизму.

Вспомним, какой массивной атаке (а в числе особенно агрессивно атакующих был и досточтимый патриарх русской словесности и истории академик Дмитрий Лихачев) в 70–х годах XX века подвергся казахский писатель Олжас Сулейменов, попытавшийся в своей книге «АзиЯ» проследить половецкое влияние на культуру Руси – в частности, на «Слово о полку Игореве». Дискуссия в печати шла по принципу: этого не могло быть, потому что этого не могло быть никогда. Судьям Олжаса казалась крамольной сама мысль о каком-то культурном влиянии куманов-номадов, этих вечных кочевников, «своих поганых», на земледельческую Русь, нежившуюся в страстном цивилизационном объятии с высококультурной христианской Византией.

Я не удержался от примеров, но в них и заложена научная – вернее, псевдонаучная – ксенофобия, которой болели, болят и еще долго будут болеть, сами того не сознавая, сонмы историков, числящих себя жрецами Истины. Попробуйте, к примеру, выяснить для себя, чем окончилось под Аркадиополем кровопролитное сражение киевского князя Святослава с войсками византийского императора Иоанна Цимисхия. Византийские хроники утверждают, что Святослав был основательно разгромлен, а вот «Повесть временных лет» (ПВЛ) констатирует нечто обратное – сокрушительное поражение потерпел Цимисхий. Кому верить, коль письменная информация об этом факте фактически тем и исчерпывается? Мы вынуждены верить историкам современным, большинство которых, понукаемые властью, просто обязаны быть «патриотами» и даже известные факты истолковывать на комплиментарный манер. Признать Святослава побежденным, а тем более – признать за ним чуть ли не поголовное уничтожение поднепровского славянско-го племени уличей (об этом всегда помалкивали) – почитается великой гражданской крамолой.

Считается, что история обязана воспитывать патриотизм, понимаемый как любовь к своей Родине. И это значит, что тот смысловой ряд, который в очередной раз оказался в школьном учебнике любой страны (любой!), обязан рассыпаться в комплиментах перед собственным этносом, перед собственным государственным устройством, перед собственным генотипом культуры. Но учебник – только сублимация широкого спектра исторических исследований, приспособленного для утилитарного использования в угоду политикам, функционирующей власти, господствующему слою. И это, уважаемые, уже НЕ НАУКА, а ИДЕОЛОГИЯ – несколько иная форма общественного сознания, оперирующая не квантами истины, рассчитанными на ИНТЕЛЛЕКТ, а оценочными градациями и понятиями, обращенными к ЧУВСТВУ. Не

спорю, любому обществу идеология, понимаемая как набор нормативных ценностей, нужна позарез. Без идеологии, этой чрезвычайно мощной консолидирующей духовной силы, то или иное общество подобно Броуновскому движению. Идеология же формирует движение однонаправленное. Это так. Но при чем тут наука, в том числе наука история?

Да, история-наука обязана воспитывать, но воспитывать ИСТИНОЙ, а не пресловутой ПРАВДОЙ. Истина – это всегда адекватное знание, не имеющее патриотической, нравственной и прочей окраски. Правда же всегда окрашена интересами – отдельных людей, социальных слоев и классов, политических элит, этносов, государств. Я, к примеру, всегда считал, что понятие ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ, к которому мы прибегаем на каждом шагу, и есть некий сугубо мифологический концентрат, предназначенный для опыления мозгов идеологическим наркотиком, что, по выражению того же Поля Валери, и есть химия, порождающая чудовищные реакции на возможность разумности мироустройства.

Да, история-наука обязана воспитывать, но воспитывать так, как это присуще именно и сугубо науке. Теорема Пифагора – она и в Африке теорема, то есть не имеющая цвета, запаха, патриотической окраски и даже Отечества (не открыл бы грек – открыл бы араб) крупичка истины. Но она воспитывает не хуже развесистого повествования о славном рыцаре Айвенго. Я ничуть не против славного рыцаря, но пусть бы написанием рыцарских романов занимался литератор, а вот жрец науки истории добывал бы свои крупички знаний о прошлом человечества – крупички без вкуса, запаха или накипи чванливого этнического и иного превосходства. Загляните в любые (любые!) учебники истории, получившие широкое хождение на постсоветском пространстве, и вы убедитесь, что эра «переписывания» представляемой вами истории вошла в стадию чудовищной пандемии. Какие поколения вырастут на исторических мистификациях – не мне вам рассказывать.

Предвижу возражения и даже протест: как же ты, непрофессионал, осмелился влезть на трибуну авторитетной международной конференции и обвинять нас, профессионалов в истории, в том, что мы занимаемся не тем, чем нужно бы заняться? Но я, рядовой потребитель исторического знания, и не помышлял кого-то из историков винить в сотворчестве не подлинной, а виртуальной истории. Талантливый историк всегда стоит перед дилеммой: посвятить жизнь Истине и умереть в неизвестности – или прогнуться под давлением очередной власти, очередных заблуждений, очередных мифологических химер, отдать предпочтение розовым патриотическим байкам и тем самым свить себе и своим ближним уютное гнездышко под куполом политического неба. Так было, так есть, так будет. Результат: история так и не выберется из

унизительного статуса служанки политики, идеологии. Разве что политика, идеология, в силу своей непререкаемой социальной справедливости (вспомним эпоху раннего христианства!), войдут в массовое сознание тем феноменом, которому по самой своей природе чужд, нравственно не выгоден любой обман, любое современное мифотворчество, любое посягательство на Истину.

По сути, если вести отсчет от Геродота, за два с половиной тысячелетия история в целом так и не обрела признаков устойчивой науки, хотя и числится в лоне этой формы общественного сознания. Для доказательства столь ее плачевного положения обращусь к элементарным соображениям.

Любая наука, как известно, имеет свой предмет, то есть объект или сферу исследований. Вы скажете, что у истории он есть – это общество. Но ведь изучением общества занимается еще несколько десятков наук. Где же тот очевидный срез общества, которым занимается именно история? Или это и не срез вовсе, а некий видеоряд, иллюстративные картинки, выстроенные в хронологическом порядке?

Вопрос не праздный. Два десятка лет назад один из высоких политических лидеров СССР публично заявил примерно следующее: вы, историки, многое делаете, много пишете, но пишете скучновато; а не могли бы вы написать более популярную историю да с яркими иллюстрациями, чтоб было наглядно и понятно, чтоб воспитывало? Слова эти прозвучали еще в канун так называемой перестройки, но идея «картинок» оказалась настолько живучей, что была азартно подхвачена уже в постперестроечные годы, а ныне она безраздельно господствует в историческом сознании постсоветских обществ. И теперь уж и не поймешь, что о чем: исторические персоналии на фоне той или иной эпохи – или проблемы секса на фоне аляповатых декораций в стиле ретро? Последнее, кажется, всецело овладевает умами и чувствами новых поколений. Но при чем тут история–наука? И в чем ее все–таки предмет?

Любая наука оперирует общей методологией, частными методами исследований. Еще вчера историки, работавшие на пространстве СССР, твердо заявляли, что они вооружены самым мощным методологическим оружием – историческим материализмом. Но это было вчера. А что сегодня? Истмат – методологическая платформа науки истории – под шумок предан тотальной анафеме. Позвольте спросить, господ (я уже обращаюсь не к историкам): а есть ли у вас какая–либо иная цельная методологическая платформа? Ах, пока отсутствует? Но ведь вы должны бы знать, что если из–под любой науки выбивают ее методологическую стартовую площадку, то она, наука, рушится и никуда не взлетит.

У любой социальной науки есть свои, только ею открытые и надежно обоснованные законы. Назовите хотя бы один закон, родившийся в

недрах исторической науки – не значитя такого. История до сих пор оперирует лишь законами, открытыми средствами других наук, своих у нее нет. Но в таком случае вправе ли история именоваться наукой в строгом смысле слова? Или это все–таки лубочные «картинки» прошлого?

Я всецело солидарен с выступившими до меня московским профессором Губогло и молдавским – Руссевым. Они говорили о том, что историки зачастую не понимают друг друга не потому, что говорят и пишут на разных этнических языках, а потому что они придают одним и тем же понятиям различную, иногда противоположную смысловую нагрузку. Получаются диалоги глухих с немymi. Да ведь иначе и быть не может. Математик из Японии легко найдет общий язык с коллегой из Намибии – они общаются на общепринятом языке математических символов. А вот нынешний историк–румынофил вряд ли поймет историка русофила, в лучшем случае он найдет контакт с историком русофобом. Вывод? История–наука так и не определилась с сугубо своими, историческими научными категориями, а наука, не оперирующая категориями, не есть в строгом смысле наука. Это что-то другое.

Добавлю к этому, что и категории, которые наука история щедро заимствовала из хоромов других социальных наук, в последние десятилетия тоже претерпели поразительные трансформации, а то и необъяснимо исчезли из научного оборота. Даже по поводу содержания таких категорий, как «цивилизация», «культура», «традиция», «социум», «формация», «нация», «этнос» и т.д. и т.п., нет общепринятых толкований, о чем я рискнул заявить на предыдущей конференции. А ведь если вдуматься, вся эта терминологическая свистопляска означает нечто большее, чем взаимное недопонимание коллег. Это – КРИЗИС всего комплекса социальных наук, уже не прописывающегося в парадигмы тотальной планетарной глобализации. Впрочем, если он и пропишется, то до массового сознания сей факт все равно не дойдет, ибо последнее настолько замусорено суррогатами «современной культуры», что для научного знания в нем просто–напросто не останется места.

Я отчетливо понимаю, что выступать с такими тезисами перед аудиторией, состоящей преимущественно из историков, для меня, непрофессионала, было бы не совсем корректным, если бы не одно весомое соображение: историки–профессионалы производят и генерируют историческое знание, но ведь не для самих себя, а для массы таких вот потребителей знания, каким является ваш покорный слуга. Так что примите мои тезисы не иначе как реакцию потребителя на продукт производителя. Конечно, реакция эта во многом субъективна, а потому, может, и несправедлива, за что авансом приношу свои извинения.

Виктор КОСТЕЦКИЙ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ ПО РАЗВИТИЮ РУССКОЙ РЕЧИ

Мы, те, кто сегодня занимается описанием лингвистического материала в учебных целях, практической методикой обучения языкам, крайне поверхностно осведомлены в области истории российской методики развития устной и письменной речи. Между тем очевидно, что за такими явлениями, как Золотой и Серебряный века русской литературы, как высочайшие риторические образцы русского академического и судебного красноречия конца XIX - начала XX века, как язык и стиль научных изысканий И.М. Сеченова, А.Г. Столетова, Т.Н. Грановского, В.О. Ключевского, Н.И. Лобачевского, Д.И. Менделеева, не могло не стоять научно выверенной отечественной школы преподавания русской словесности - школы, которая диктовала самобытную систему обучения русскому и иностранным языкам.

Представляется уместным на конференции, посвященной вопросам истории и этнической культуры в историческом срезе, обратиться к одному из пособий, которое может быть расценено как добротная реализация вышеназванной системы.

В 1992 году предприятие «Основа» при Харьковском государственном университете переиздало книгу ныне почти 80-летней давности – пособие Н.И. Сентюриной «Живое слово ребенка в выразительном чтении и устной речи (теория и практика)». Один из педагогов, подготовивших книгу к изданию, мотивировал это тем, что «Живое слово...» - прекрасное противоядие бескультурной агрессии, жестокости, порождаемых боевиками, детективами, фантастикой, которыми поголовно увлекается современная молодежь. Пособие содержит «умные методические советы: как читать, о чем беседовать» и может и сейчас быть прекрасным помощником и отца, и матери, и учителя, и воспитателя – всех тех, кто хочет вырастить интеллигентного, тонко чувствующего человека, научить читать по-настоящему, «для души», наслаждаясь простотой слова, мысли, чувства (с. 8).

Книга рекомендовалась как незаменимое пособие для альтернативных систем обучения.

Что же в книге привлекло внимание харьковских педагогов? Что в ней действительно актуально для развития интеллекта и эмоциональной сферы детей?

На эти и другие вопросы мы и попытаемся ответить с позиций требований, предъявляемых к обучению родному языку в современной школе.

В предисловии к пособию его автор Н.И. Сентюрина пишет, что чтение вслух и устная речь как два рода воспроизведения «живого слова» «служат формой для выражения вслух всей созидательной работы ума человеческого», а потому «должны сделаться предметами всеобщего образования».

Говоря о чтении вслух, автор имеет в виду выразительное чтение как «сознательное, толковое чтение, при воспроизведении которого дети передают голосом все, что они усвоили из содержания и психологии произведения» (с. 15). Это первое чтение в цепи выразительное чтение- логическое чтение –художественное чтение.

Известно, что в основе преподавания выразительного чтения лежит чувство слуха, которое способствует и развитию устной речи. Некоторые психологи и в начале XX века, и сейчас склонны считать, что чувство слуха имеет первостепенное значение не только для овладения устной речью, но и для умственного развития в целом. Заботливое отношение семьи и школы к чувству слуха ребенка откроет им и новый доступ к его уму и сердцу.

Н.И. Сентюрина призывает родителей и педагогов следовать в общении ребенка к живой речи его природе – природе творца, мечтателя. Дать простор воображению – вот самый верный методический прием.

Еще в 80-е годы XIX века московский преподаватель В.П. Шереметевский видел основную задачу школы в том, чтобы «слово, и прежде всего живое слово, стало послушным орудием...мысли» детей (с. 19).

Излагая доводы французских и американских методистов в пользу опережающего обучения говорению, Сентюрина заключает: «Пора, давно пора и в русской семье и школе зазвучать истинно живому слову, которое «разом осветит мир» письменной речи и откроет юношеству в этом мире новые идеалы!» (с. 20).

Часть первая теоретической половины пособия посвящена разграничению объяснительного и выразительного чтения, психологическим основаниям этих видов чтения и особенностям выразительного чтения. При этом автор широко ссылается на известную специалистам работу Д. Коровякова «Искусство выразительного чтения» (СПб., 1904).

Сущность выразительного чтения в начальных классах, по Н.И. Сентюриной, заключается в том, чтобы «обнаружить ближайший смысл читаемого и показать отношения между отдельными словами и группами слов»; чтобы «записанные мысли» стали «душевным достоянием читающего», в то время как «объяснительное чтение стремится

привести детей к усвоению читаемого умственными рассуждениями и наглядным обучением» (с. 25).

Читая теоретическую часть, поражаешься уровню методического поиска, характерного для педагогов и психологов XIX – начала XX века: обоснование в начале XIX века буквослагаемого способа обучения грамоте, введение немецкими учеными в середине XIX века нового способа - «совместного обучения письму-чтению» и появление в конце XIX века наглядно-звукового метода, который, соединившись с умственным рассуждением, и дал способ «объяснительного чтения». Но все это так или иначе сводится к внутренней речи, в то время как «выразительное чтение есть ... внешняя речь, при ближайшем участии внутренней речи» (с. 29) .

В этом смысле школа начала XX века предлагала в процессе выразительного чтения работать над развитием сознательного слуха, советовала чаще повторять учащимся, что следует слушать самих себя, вырабатывать критическое отношение к своей речи (как это делается при обучении пению).

Кроме того, «учась слушать себя, мы тем самым приучаемся слушать и других» (с. 31).

И еще интересно отметить: на III Международном Конгрессе по семейному воспитанию в Брюсселе в 1910 г. (были такие форумы!) среди разнообразных вопросов поднимался и вопрос эстетического воспитания. Участники Конгресса чаще всего ссылались на проф. Паллесне (Штутгарт), которой в 1884 г. писал : «Тот, кто с юности постиг таинственную прелесть музыки слова в виде понимания ритма и созвучия, которые всегда стоят в тесной связи с глубоким, серьезным содержанием, тот навсегда охранен от равнодушия к чтению, самого ужасного равнодушия, при котором может пострадать воображение... Неиспорченное могучее воображение приготовит душе здоровую пищу, а здоровая пища в здоровом теле – цель всякого воспитания».

По Сентюриной, условия выразительного чтения носят двойной характер: физический и психический.

Физические условия: умение держаться во время чтения; свободное, глубокое дыхание; обладание правильно поставленным голосом.

Психические условия: развитие чувства слуха; на этой почве создаются приемы обучения выразительному чтению:

- 1) правильный ритм чтения;
- 2) правильное произношение (дикция);
- 3) чтение на одной ноте;
- 4) соблюдение пауз, необходимых при чтении;
- 5) исполнение «голосом» знаков препинания;

- 6) определение и выделение слов, стоящих под логическим ударением (иначе, ценных слов);
- 7) борьба с однозвучностью чтения;
- 8) первоначальное знакомство с тонами, изучение интонаций различного характера, окрашивание слова, передача периода;
- 9) понимание содержания читаемого и усвоение психического смысла произведения;
- 10) разные силы звука в разных помещениях.

По каждому из этих приемов содержатся конкретные методические указания.

К упражнениям по развитию устной речи относятся:

- 1) подбор однозначных слов (синонимов);
- 2) работа над однозвучными словами (омонимами);
- 3) изучение слов созвучных, но не тождественных по произношению (паронимов);
- 4) подыскивание слов, выражающих противоположные понятия (антонимов);
- 5) подбор слов, означающих родовые, видовые понятия, признаки предметов и т.д.;
- 6) образование производных от коренного слова;
- 7) заучивание некоторых выражений;
- 8) указание пословиц, поговорок и т.д.;
- 9) вопросы и ответы учащихся друг другу;
- 10) передача прочитанных предложений другими словами;
- 11) работа над составлением предложений, по смыслу противоположных прочитанному;
- 12) переработка прочитанных утвердительных предложений в другие, с изменением интонации, в виду перемены знаков препинания;
- 13) перефразирование предложений с повествовательным и описательным характером в разговорную форму и обратно;
- 14) передача прочитанных предложений в сокращенной форме;
- 15) разучивание пересказа прочитанного в виде отрывков, передаваемых учениками в порядке изложения;
- 16) передача прочитанного:
 - а) в виде пересказа;
 - б) в виде письма;
- 17) изложение собственной мысли;
- 18) устное сочинение на заданную тему.

Особый интерес представляет текстовый материал пособия: фрагменты из книг для чтения Толстого, стихотворения Пушкина, Лермонтова, Никитина, Полонского, проза Ушинского, Жуковского и др.

Велика доля текстов с нравственно-религиозным содержанием, благодаря которому данные тексты «от обыкновенной красоты к важному великолепию возвышаются» (М.В. Ломоносов).

Можно подчеркнуть и другие методические слагаемые пособия, но и сказанного достаточно, чтобы убедиться: написанное в пору расцвета русского Просвещения, с его установкой, «чтобы свеча не погасла», пособие может вызвать закономерное чувство гордости за научную обстоятельность русской педагогики, частной дидактики и практической методики и избавить нас от вторичности так называемых дидактических открытий. Способно, наконец, подсказать оптимальный путь гармонизации развития речи и комплексного воспитания подрастающего поколения.

РУСНАК
RUSYN RUTHEN

www.rusnak.info
e-mail: svmiros@eunet.yu

The logo consists of a dark grey background. At the top, the word 'РУСНАК' is written in large, white, 3D-style Cyrillic letters. Below it, 'RUSYN RUTHEN' is written in smaller, white, 3D-style Latin letters. In the center, there is a shield-shaped emblem. The left side of the shield has four horizontal stripes of varying shades of grey. The right side of the shield is white and contains a black silhouette of a bear standing on its hind legs, facing left. Below the shield, the website address 'www.rusnak.info' is written in a bold, black, sans-serif font, and the email address 'e-mail: svmiros@eunet.yu' is written in a smaller, black, sans-serif font.

Елизавета КВИЛИНKOVA

ОБЫЧНОЕ ПРАВО ГАГАУЗОВ. XIX – первая половина XX в.

Обычное право – явление социально-регулятивной культуры традиционного общества. Это правила и образцы (модели) поведения, следование которым было обязательным условием в социальной жизни общества. В прошлом социальные институты строились на основании обычно-правовых норм, традиционного правопорядка, регулирующего взаимоотношения между человеком и обществом.

Социокультурные регуляторы поведения (религиозные представления, традиции, обычно-правовые нормы) и в настоящее время продолжают проявляться, особенно в традиционных обществах¹. В юридической антропологии даже «утвердилось общее понятие правового плюрализма как правовой ситуации, при которой правовое бытие человека определяется одновременно и нормами официального (государственного) писаного права, и нормами так называемого «традиционного», или обычного, права, и другими квазинормативными регуляторами»². Некоторые моменты, связанные с обычным правом гагаузов, отражены в статье болгарского этнографа Д. Тодоровой «Преживелици от обичайното право във Варненско»³. Описание обычно-правовых норм и регламентаций, бытовавших в традиционной культуре бессарабских гагаузов в конце XIX – начале XX в., содержится в работе В.А. Мошкова⁴. По различным аспектам обычного права гагаузов нами опубликован ряд статей⁵. В данной статье мы остановимся на некоторых общих моментах, отражающих обычное право гагаузов XIX – первой половины XX в. В работе приведены материалы, собранные автором в результате полевых исследований, а также сведения, обнаруженные в фондах Национального архива РМ.

Обычное право гагаузов, отмечают болгарские ученые Д. Маринов, С. Бобчев, М. Андреев, П. Оджаков, В. Балджиев, Б. Боев, И. Гешов и др., во многом схоже с аналогичным правом болгар, что объясняется длительным совместным проживанием в едином регионе с характерными для него чертами общественно-экономического развития, общей исторической судьбой и религиозной общностью. Однако разделение обычного права по областям разными исследователями проведено по-разному. Так, классик изучения болгарского обычного права С. Бобчев в начале XX в. выделял: гражданское право, семейное право, дого-

ворное право (или вещное право), судебное право, наказательное право.

Одним из важных вопросов обычного права являются семейно-имущественные отношения, наследственное право (вопросы наследования супругой, детьми; раздел наследства; завещание и т.д.). У гагаузов преимущественное право наследования было за мужчиной. Дочь не могла претендовать на наследство, в том числе наследовать землю, если у нее были братья. Такой порядок наследования, когда дочь отстранялась от наследства, сохранялся у гагаузов вплоть до первой половины XX века. Кроме того, у гагаузов, как и у других восточноевропейских народов, при наследовании соблюдался принцип **минората**, согласно которому наследником родительского дома и имущества являлся младший сын. У западноевропейских народов имел место принцип майората, т.е. наследовал старший сын.

У гагаузов отец обычно делил землю поровну между всеми сыновьями и одну долю родители оставляли за собой для собственного пропитания. Доля родителей вместе с родительским домом доставалась младшему сыну как наследнику, который должен был ухаживать за родителями на старости лет. Иногда принцип уравнительности в наделении сыновей землей не соблюдался. Это могло произойти по нескольким причинам: маленький размер отцовского надела, послушание родителей детьми и т.д. Отец обладал правом лишения земельного надела непослушного сына, но зачастую этим правом он пользовался. Обычно такому сыну также выделялся надел, и он должен был сразу же покинуть родительский дом. При этом ему не оказывали помощи при строительстве дома. Отметим, что подобные случаи в селе были редкостью.

В исследуемый период нередко случаи несоблюдения принципа минората. В результате совместного проживания уже с женатыми сыновьями (выдел сыновей происходил примерно через 5-7 лет после женитьбы) отец мог, вопреки существовавшим нормам обычного права, оставить в своем доме не младшего сына, а старшего или среднего. При этом младшего сына выселяли в новопостроенный дом. В подобных случаях нарушение норм обычного права являлось формой наказания непокорного сына, так как доля, получаемая им при выделе, была значительно меньше, чем отцовское наследство. Кроме того, устройство на новом месте требовало больших усилий и материальных затрат.

В то же время власть отца по вопросу раздела наследства в определенной степени ограничивалась общиной. Несмотря на то, что отец был владельцем земли и мог распоряжаться ею единовластно, только в исключительных случаях он прибегал к крайней мере, т.е. к изгна-

нию сына из дома без земельного надела. Роль негласного арбитра в конфликте между отцом и сыном играла сельская община, которая формировала общественное мнение исходя из норм обычного права. Община пыталась не допустить ситуации, когда при наличии земли у отца один из сыновей оставался безземельным. Таким образом, основной целью общины было сохранение каждой семьи в качестве функционирующего (платежеспособного) крестьянского хозяйства, участвующего в выплате налогов, возложенных на общину.

Терминология, относящаяся к области наследования, у гагаузов не развита. Так, для обозначения понятия «наследство» использовались термины – *варлык* (с. Бешалма), *аверя* (с. Джолтай) – в значении имущество, состояние, богатство, *зенгенник* (с. Джолтай) – в значении богатство, добро, *йуртлук* (с. Джолтай) – в значении усадьба, дом с надворными постройками. Понятие «завещание» и «дарение» передаются общим термином — *баашламак*, который происходит от глагола *баашламаа* и обозначает дарить. Для обозначения понятия «наследник» использовалось целое выражение: «*мюлкю калмыш оолуна*» (букв. имущество осталось сыну), «*сааби олэрсын топрайа*» (букв. становишься хозяином земли – с. Болгарево)⁶. Таким образом, понятие «наследство» связано в первую очередь с имуществом и землей, а для обозначения важных понятий, таких как «наследство», «наследование», «наследник», «завещание», «дарение», «движимое имущество», «недвижимое имущество» и др. четкие термины отсутствовали. В настоящее время гагаузы обычно используют термины, заимствованные из русского языка. Это свидетельствует о том, что в области наследства и наследования длительный период продолжали сохранять свою силу нормы обычного права.

Широко были распространены у гагаузов обычаи усыновления и опекуинства. Для обозначения понятия «усыновление» у гагаузов использовался термин *ааретлик алмаа*. Процесс усыновления сопровождался совершением определенного ритуала в доме, где происходила передача ребенка новым родителям, а также в церкви. Незрелость терминов искусственного родства объясняется тем, что оно приравнивалось к кровному родству и, соответственно, использовалась та же терминология⁷. Для обозначения понятия «опекуинство» использовали различные термины: *бакмаа* (букв. заботиться, присматривать), *алдылар бакмаа / калдырмаа* (взяли присматривать / поднимать), *алэрым юстюня о ушаа, бакмаа* (беру ребенка под свою ответственность, присматривать), *опекон* (опекун)⁸. У гагаузов существовало негласное правило: в случае смерти родителей (или одного из родителей, обычно матери) несовершеннолетних детей брали на воспитание ближайшие родственники: дядя или тетя по отцовской линии или бабушка с бабушкой, если они были живы⁹.

По сообщению некоторых информаторов из гагаузских сел Болгарии, обязанность воспитания детей-сирот возлагалась в первую очередь на дядю или тетю по материнской линии. В случае отсутствия таких родственников или при наличии у них больших материальных трудностей сирот воспитывали ближайшие родственники по отцовской линии¹⁰. Сведения о приоритете значения родственников по материнской линии в вопросе об усыновлении детей в случае смерти родителей приводятся также болгарским исследователем Ж. Пимпиревой¹¹. Факт существования более тесных родственных связей между братом матери и ее детьми (т.е. между дядей и племянниками) зафиксирован в фольклоре гагаузов Болгарии¹².

Обычай усыновления и опекуинства являлись одним из способов социальной помощи со стороны более обеспеченных родственников и односельчан своим соплеменникам¹³. Это было нормой поведения. Данная форма взаимоотношений между членами общины нашла отражение в системе гагаузских терминов родства. Всех односельчан называли терминами ближайших родственников: *како* (сестра), *лелю* (сестра матери или отца), *булю* (жена брата), *бати* (брат) и др. Акт усыновления поощрялся общиной путем роста социального капитала (уважение, авторитет) усыновителя среди односельчан, что имело огромное значение в жизни села. Особое место в обычном праве гагаузов отведено институту кумовства.

Согласно нормам обычного права гагаузов, а также официальным сводам законов, действовавшим тогда в Бессарабии, положение женщины и мужчины в семье и в обществе в XIX – первой половине XX в. было принципиально различным. Неравноправность положения женщины проявлялось в различных областях, в том числе в нормах наследования. Привилегированное положение мужчины в семье было основано главным образом на том, что он являлся владельцем земли, так как земля и другое недвижимое имущество передавались по наследству по мужской линии. При наличии сыновей дочерей землей, как правило, не наделяли. Хотя в начале XX в. в некоторых гагаузских селах зажиточные крестьяне, у которых было значительное количество земли, не соблюдали строго данное правило. Но при этом размер надела дочери составлял 1/3 от надела сына¹⁴. Обладание землею не меняло положения женщины в семье, так как она не могла самостоятельно распоряжаться не только семейной собственностью, но и своей. Выходя замуж, дочь получала от матери небольшой надел земли (в основном виноградник) в качестве свадебного подарка, если у матери была земля, являвшаяся ее приданым. Таким образом, зачастую этот надел распределялся и наследовался по женской линии. Земля, полученная дочерью в наследство, вливалась в общее хозяйство супругов.

Однако муж лишь управлял землей, но не мог единолично распоряжаться ею без согласия жены. В случае развода или смерти мужа женщина забирала свою часть земли назад.

Положение женщины после смерти мужа зависело от того, имелись ли у них совместно нажитые дети, а также от того, являлась ли она коренным членом семьи или пришлым. Кроме того, ее статус напрямую зависел как от фактического (возрастного) старшинства, так и от позиционного старшинства, в основу которого ставилось родство по отношению к хозяину дома. Старшинство женщин устанавливалось по мужчине. Жена младшего брата подчинялась жене старшего брата, даже если она была старше ее. В случаях, когда свойство входило в противоречие с возрастом, то во главу угла ставили отношения свойства. В общественной жизни статус женщины также определялся по возрасту ее мужа или по времени изменения мужем социального статуса (венчания). Женщина в обществе занимала определенное положение, которое находилось в прямой зависимости от ее возраста, социального положения и отношений свойства.

Соблюдение в семейных отношениях и в общественной жизни принципа главенства мужа традиционно сохранялось благодаря силе обычного права. Но этот принцип был официально закреплен и в официальном своде «Местные законы Бессарабии». Как и другие местные законы, они были рецептированы из византийского права, адаптированы к местным условиям и действовали в Бессарабии до начала XX в. По этим законам женщина не допускалась к гражданской или общественной должности, не могла никого обвинять в преступлении, если оно не касалось ее самой, не могла усыновлять, не могла при жизни мужа управлять даже своим имуществом и т.д. В законе также оговаривалось, что «если муж высечет или побьет свою жену без всякой из причин... то не дозволяется по сему поводу развода»¹⁵. Таким образом, приниженное положение женщины не характерно только для гагаузских сел, а являлось частью общей картины статуса женщин в Бессарабии.

С середины XX в., с приходом Советской власти, женщина формально была уравнена в правах с мужчинами. Значительно изменился общественный статус гагаузской женщины в связи с включением ее в общественную трудовую деятельность. Но до настоящего времени в быту гагаузов сохранились в несколько измененной форме патриархальные отношения: все хозяйственные договоры заключаются только мужчинами (договор о найме пастуха, об условиях и времени дойки овец, о помоле муки и т.д.). При наличии мужа женщина не может вмешиваться в эту область, которая считается прерогативой мужа. Значительный консерватизм, характерный для этой области обычного

права, объясняется сохранением патриархальности быта, традиционных форм ведения хозяйства и особенностями психологии народа.

Одной из основных функций сельской общины было разрешение вопросов, затрагивающих традиционные нормы нравственности и морали. При нарушении установленных норм использовались различные виды наказаний. Сельская община являлась также субъектом воспроизводства традиций; в ее среде происходило формирование различных локальных вариантов культуры. Семья же выполняла функцию хранения и передачи традиций из поколения в поколение.

Жизнь гагаузского села была строго регламентирована традицией. Хозяйственная и внутриобщинная деятельность была основана на соблюдении обычно-правовых норм и исполнении народных обрядов. На сходах принимались решения о сроках начала и окончания полевых работ, определялось время выгона осенью в поле скота и т.д. Демонстрируя приоритет коллективных интересов над индивидуальными, община тем самым утверждала принцип доверительности в отношениях между членами общины.

Составной частью внутриобщинной жизни был принцип круговой поруки, который поддерживался российским законодательством. Человек оказывался незащищенным, если за него не поручались односельчане. С другой стороны, община обязана была взять на себя функцию перевоспитания провинившегося. Отказ от осуществления этой функции обозначал, что община отказывалась принять человека в свое общество, т.е. изгоняла его из села. Если обвиняемый, отпущенный под поручительство, убежал и скрывался, то за него несли ответственность члены общины (поручители).

Одной из важных функций общины являлось воспитание у своих членов чувства солидарности. Реализации данной функции способствовали общесельские обряды и праздники, которые являлись неотъемлемым компонентом общественной и хозяйственно-трудовой деятельности общины и рассматривались ею как жизненно важные. Посредством общественного мнения община формировала определенный стереотип мышления, нормы поведения, ценностные установки. Считалось, что причиной возникновения природных бедствий (засух, града и т.д.), обрушивавшихся на село, было нарушение норм нравственности кем-либо из членов общины, например, рождение в селе внебрачного ребенка. Поэтому в прошлом женщин, родившихся вне брака, изгоняли из села. Согласно народному обычаю, о факте невесты официально сообщали с помощью специальных обрядовых действий и вербальных формул всем гостям, приглашенным на свадьбу, и всему сельскому обществу¹⁶. Сокрытие этой инфор-

мации, по народным представлениям, грозило навлечь беду на родственников и всех присутствующих гостей.

Наиболее важные вопросы нравственно-этического характера рассматривались на особом совете сельской общины. При отказе парня жениться на девушке, если до этого имела место физическая близость, совет пытался урегулировать этот вопрос, исходя из традиционных норм морали. Для этого использовался метод воздействия на человека с помощью общественного мнения (с. Бешгиоз). Другим действенным средством воздействия общины на своих членов являлось сочинение песен по поводу событий и поступков, привлечших внимание сельского общества. В них содержалась оценочная характеристика произошедшего события, основывающаяся также на общественном мнении. Это свидетельствует о том, что фольклор выполнял функцию передачи традиционных ценностей. Вместе с тем, в нем отражается процесс формирования и изменения некоторых обычайно-правовых норм.

Одним из методов воздействия на провинившегося являлось определение общиной вины и формы наказания. Официальное законодательство выработало свои формы наказания виновных. При этом главной целью было наказание виновного, а не его перевоспитание. Но наказания за различные виды преступлений, применявшиеся в Бессарабии в XIX в. согласно официальному Российскому законодательству и обычному праву гагаузов, значительно различались. Если судебная система Российской империи широко использовала различные формы телесных наказаний (битье плетью, палками, розгами), то способы наказания, применявшиеся у гагаузов согласно обычному праву, были несколько иными. Они были нацелены в первую очередь на изменение поведения человека при помощи психологического воздействия на него. Наиболее действенным способом являлось общественное осмеяние, битье, остракизм, которые в народе использовались как наказания, применявшееся в качестве альтернативы тюремному заключению. При оценке степени тяжести вины исходили из нравственных и моральных норм, которые классифицировали преступление как «большой грех» (*бююк гюна*) и просто «грех» (*гюна*). Согласно обычному праву, при мелком воровстве виновного вместе с украденной вещью, которую он нес на шее или на плечах, водили по селу. Для большего эффекта иногда такое «вождение» устраивали под музыку¹⁷. Процессию сопровождала толпа односельчан, которая осмеивала и оплевывала вора.

О случившемся в селе происшествии (краже, нанесении побоев и др.) докладывали представителям местной власти. Но и они часто действовали в соответствии с нормами обычного права. За мелкие преступления виновного наказывали без привлечения его к судебной от-

ветственности; в руки правосудия его, как правило, отдавали только в случае повторного совершения преступления. Таким образом, передача традиционных ценностей внутри общины и семьи происходила как при посредстве общественного мнения, так и путем принятия принудительных мер, санкционированных общиной.

Рассматриваемые нами традиционные формы наказания широко использовались в прошлом и у других народов. Исследование форм наказаний, применявшихся в XIX – начале XX в. у гагаузов Бессарабии и Болгарии согласно обычному праву, показывает их значительное сходство.

Обычное право является важной частью духовного наследия гагаузов, составной частью этнокультурной идентичности гагаузского народа¹⁸. Многие нормы обычного права гагаузов, особенно семейного права, сохранились и не потеряли своего значения и в настоящее время. Именно они выражают народные представления о правде и справедливости.

Идущий в мире процесс взаимообогащения культур предполагает учет и сохранение элементов национально-этнической специфики, составляющих этнокультурную самобытность народов. Государственная политика должна быть направлена на сохранение культурного своеобразия. Реализация такой политики может проводиться в форме мероприятий, целью которых было бы предотвращение полного и безвозвратного исчезновения обычаев и традиций, в первую очередь, языка. Представляется необходимым закрепление в законе положения об учете обычаев в судебной защите норм обычного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Поворознюк О.А.* Природопользование каларских эвенков: государственное регулирование и традиционная нормативная система // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. М., 2003. С. 163-168.
2. *Ковлер А.И.* Антропология права и правовой плюрализм (права человека и права народов) // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. М., 2003. С. 24-52
3. *Тодорова Д.* Преживелици от обичайното право във Варненско // Известия на Народния музей Варна, 1988. Т. 24 (39). С. 142-149.
4. *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // Этнографическое обозрение (ЭО). 1900, № 1. С. 1-135; ЭО, 1901, № 2. С. 1-44; ЭО, 1901, № 4. С. 1-80.
5. *Квилинкова Е.Н.* Общественная жизнь гагаузского села в XIX – первой половине XX в., отраженная в источниках // Этнографический источник. Материалы III Санкт- Петербургских этнографических чтений. СПб., 2004.

С. 73-81; *Квилинкова Е.Н.* Усыновление и опекуновство в соционормативной культуре гагаузов // Закон и жизнь, Кишинэу, 2005. №4. С. 54-56; *Квилинкова Е.Н.* Некоторые элементы обычного права гагаузов, связанные с брачными отношениями // Закон и жизнь, Кишинэу, 2005. № 8. С. 55-58; *Квилинкова Е.Н.* О регламентации положения женщины в обычном праве гагаузов // Закон и жизнь, Кишинэу, 2005. № 9. С. 27-31; *Квилинкова Е.Н.* Отражение элементов обычного права в гагаузском фольклоре // Закон и жизнь, Кишинэу, 2005. № 11. С. 48-52; *Квилинкова Е.Н.* Формы наказания в Бессарабии в XIX в. за различные виды преступлений // Закон и жизнь, Кишинэу, 2005. № 7. Июль. С. 51-53; *Квилинкова Е.Н.* Отражение элементов обычного права в гагаузском фольклоре // Закон и жизнь. № 11. Кишинэу, 2005; С. 48-52; *Квилинкова Е.Н.* Роль семьи и сельской общины в сохранении народных традиций // Закон и жизнь. № 1. Кишинэу, 2006. С. 51-53; *Квилинкова Е.Н.* Обычай наследования у гагаузов // Закон и жизнь. № 6. Кишинэу, 2006. С. 54-57; *Квилинкова Е.Н.* Разновидности наказаний за преступления и проступки согласно обычному праву гагаузов // Закон и жизнь. № 7. Кишинэу, 2006. С. 41-43; *Квилинкова Е.Н.* Типы семьи у гагаузов в XIX – первой половине XX в. // Закон и жизнь. Кишинэу, 2006. № 10. С. 50-55.

6. Полевые записи автора Е.Н. Квилинковой (далее – ПЗА), Молдова, Болгария.

7. *Квилинкова Е.Н.* Гагаузы Молдовы и Болгарии (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Chişinău, 2005. С. 112.

8. ПЗА, П.Н. Камбур, с. Джолтай; Ф.В. Калежи, ж с. Бешгиоз; И.П. Кадын, с. Бешалма (Молдова); Я.Г. Дафинка, с. Болгарево (Болгария), А.П. Тодорова (Генерал Кантарджиево).

9. ПЗА, Ф.В. Калежи, с. Бешгиоз (Молдова); Н.С. Анастасова, с. Генерал Кантарджиево (Болгария).

10. ПЗА.: Д.Я. Гайдаржиева, с. Болгарево; Д. К. Бошков, с. Кичево (Болгария).

11. Пимпирева Ж. Родствени отношения при гагаузите в България // Българска етнология. 2000. Бр. 3. С. 75-87.

12. ПЗА.: В.И. Петрова, с. Кичево (Болгария).

13. *Шабашов А.В.* Гагаузы. Одесса, 2002. С. 153.

14. ПЗА, за 2002 г. с. Бешгиоз. Руссу В.

15. Местные законы Бессарабии. Перевод Ручной книги законов или так называемого Шестикнижья ... Краткое собрание законов, извлеченных из Царских книг трудами и усердием боярина А. Донича. Одесса, 1908. С. 88.

16. ПЗА, за 2003 г. с. Генерал Кантарджиево (Болгария).

17. ПЗА, за 2001-2005 г. Молдова, Болгария.

18. *Квилинкова Е.Н.* Некоторые вопросы идентификации и идентичности гагаузов // Ежегодник Института межэтнических исследований. Т. VI. Chişinău, 2006. С. 98-103; *Квилинкова Е.Н.* Религиозность гагаузов и формы проявления религиозной идентичности (по этнографическим и архивным материалам XIX – первой половины XX в.) // Этнографические исследования в Республике Молдова. История и современность. Кишинев, 2006. С. 341-363.

Зиновий СТОЛЯР

ЕВРЕЙСКАЯ ДОЙНА

Работая в Институте национальных меньшинств Академии наук Молдовы, я написал книгу «Еврейская дойна», которую опубликовал в 1998 г. в Кишиневе. Она издана также в 2000 г. на немецком языке в Вене. Тема ее связана с еврейской народной музыкой в Бессарабии и Левобережном Приднестровье. Профессор–историк Я. М. Копанский рекомендовал мне показать рукопись книги И.А. Анцупову как авторитетному специалисту в области истории и культуры нашего края. Иван Антонович посоветовал расширить ареал исследования, предлагая охватить территорию вплоть до Южного Буга. По его совету подзаголовок работы был сформулирован так: «Еврейская народная музыка в Бессарабии и Левобережном Поднестровье», что фактически соответствовало рассматриваемому мною материалу. Здесь я намерен вкратце ознакомить слушателей с содержанием своей работы, полагая, что она сохранила свою актуальность и сегодня.

Известно, что в большинстве своем народы мира живут не изолированно друг от друга, а находятся в состоянии постоянных контактов, в процессе непрерывного взаимодействия. Особенно это касается народов, живущих на общих или сопредельных территориях. Еврейская диаспора – типичный пример такого народа.

В Молдавии евреи живут более четырех веков, став за это время значительной по численности частью ее населения и сыграв ощутимую роль в ее экономической и культурной жизни. По данным статистики, к концу XIX столетия в Бессарабии было около 230 тыс. евреев, что составляло почти 12% населения губернии. В начале XX в. здесь уже существовала значительная группа еврейских писателей и поэтов, творчество которых имело важное значение для развития всей еврейской литературы. В разговорном, да и в литературном еврейском языке наблюдалось ощутимое влияние молдавской культуры. Несколько лет тому назад в городской еврейской библиотеке им. И. Мангера состоялась литературный вечер памяти бессарабского поэта Меира Хараца, и среди его произведений мы услышали великолепные переводы на идиш поэзии Михаила Эминеску. Более того, в моей коллекции сохранились два знаменитых романса на стихи великого поэта в исполнении Ольги Чухрий и Гиты Страхилевич на еврейском языке.

И тут пора перейти непосредственно к теме моего выступления – о вековых еврейско–молдавских музыкальных связях. Одной из наибо-

лее почитаемых в старом еврейском местечке была профессия клезмера – народного музыканта. Иногда клезмеры объединялись в небольшие капеллы (ансамбли), которые принимали участие во всех событиях жизни еврейской общины. С течением времени в состав еврейской капеллы стали приглашать молдаван, цыган, украинцев, музыкантов других национальностей. Клезмерские капеллы стали играть не только на еврейских свадьбах, но и на праздниках своих соседей. Репертуар музыкантов стал интернациональным: еврейские клезмеры должны были знать, что звучало на молдавской или украинской свадьбе, а молдавские лэутары и украинские кобзари в свою очередь осваивали еврейскую музыку. Это приводило к интереснейшему явлению – проникновению интонаций и ритмов одних мелодий в другие, их взаимовлиянию и взаимообогащению. Возникли так называемые полинациональные песенные тексты, полимотивные мелодии.

Как утверждают специалисты, «основное место среди инациональных источников клезмерской музыки занимает молдавская народная музыка». Это касается не только интонаций, ритмов и ладов, но также и жанров. Приведу пример из собственного опыта. Когда в юности, обучаясь игре на скрипке, я начал подбирать по слуху знакомые мелодии, мои родственники нередко просили меня: «Сыграй, сыночек, еврейскую дойну». Тогда я не знал еще, что дойна – один из основополагающих жанров молдавской народной музыки. А позже, когда я стал зрелым музыкантом, выяснилось, что «еврейская дойна» – не выдумка и не ошибка моих тогдашних слушателей, а реально существующий факт. Я обнаружил такие дойны и в нотных изданиях, и в реальном звучании. Особенно удивила меня дойна из сборника еврейских народных песен М. Береговского; в комментарии к этой записи известный ученый–фольклорист писал: «Еврейские свадебные музыканты играли дойну, как застольную песню.» В молдавской музыке она в таком качестве не практикуется, здесь она служит средством выражения печальных раздумий, лирических излияний, передачи пасторальных образов и настроений, что никак не соответствует атмосфере застолья. Молдавская дойна – это самостоятельная пьеса в медленном темпе и характере импровизации, после ее окончания может следовать совершенно другая пьеса – быстрый, веселый танец. Эта двухчастная композиция так и называется - «дойна ши жок». В еврейской же дойне тоже две части, но, во-первых, они следуют непрерывно одна за другой, во-вторых, первая служит всего лишь вступлением ко второй. Сходство с молдавской дойной лишь внешнее – сочетание повествовательности и танцевальности, и говорить можно лишь о стиле музыки, дойнообразности первой части. Есть и другие элементы сходства или различия между дойной молдавской и еврейской, но они ка-

саются деталей лада и ритма, доступных лишь профессионально обученному слуху.

Теперь остановимся кратко на танцевальных жанрах. Из фольклорных сборников М.Береговского следует, что у евреев есть танцы, которые называются молдавским словом «жок». У молдаван существуют два понятия этого слова: жок как танец, игра и жок, как массовое гуляние, сельский праздник с играми и танцами. Евреи переняли это слово лишь в первом его значении, как танец вообще, действие танцевального содержания. Принимая в расчет условность всякого сравнения, мы были бы склонны сравнить молдавские танцы «жок» с еврейскими «фрейлехс» («веселый») – пляска. Судя по образцам из М. Береговского, термином «жок» обозначаются умеренно–быстрые танцы под музыку в трехдольном размере с определенным ритмическим рисунком. Нам кажется, что еврейские жоки более всего сходны с молдавской оляндрой. В молдавской хореографии оляндра входит в группу танцев, посвященных флоре или фауне родного края, и обычно эти танцы связаны с женским образом («хора фетелор» – хоровод подружек невесты). В еврейской же хореографии слова «жок» и «оляндра» часто применяются как одно понятие. Вот почему я бы использовал термин «фрейлехс» как более близкий понятию «жок» в смысле «танец», «игра». Впрочем, для молдаван «оляндра» тоже «жок», так что евреи не зря называют жоками танцы, воспроизводящие ритм оляндры.

Поскольку еврейские клезмеры тесно сотрудничали с молдавскими лэутарами, то и процесс заимствования репертуара был двусторонним. Приведу пример. Одним из весьма распространенных еврейских танцев является «шер» («ножницы»). Происхождение этого танца связано, по-видимому, с характером танцевальных движений. Шер танцуют и молдаване, только они называют этот танец «шаер» или «фоарфечеле», что тоже означает «ножницы». Сравним – «дойна евреяскэ» и «шаер молдовенеск». Итак, мы пришли к тому, с чего начали.

Схожесть молдавской музыки с еврейской и еврейской с молдавской – явление, давно наблюдаемое не только специалистами, но и обычными слушателями. Основой молдавско-еврейских музыкальных связей служат, по-видимому, не только общие житейские интересы, сложившиеся на протяжении веков совместного проживания, но и общие корни балканского происхождения, общие истоки, которые следует искать еще в древневосточной цивилизации. Но это лишь версия, требующая тщательного и глубокого изучения, это может стать объектом научного исследования представителями следующего поколения ученых.

Галина РОГОВАЯ

ПРАВСТВЕННЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ УКРАИНЦЕВ

Наверное, нет в современном обществе явления, которое не обсуждалось бы столь активно – от досужего упоминания до серьезного исследования – как нравственность. К проблемам нравственности обращаются родители, педагоги, ученые, писатели, деятели культуры и литературы, медики, политики и общественные деятели. Выводы, как правило, у всех схожи: уровень нравственности падает, содержание нравственного кодекса меняется в худшую сторону, понижается общая нравственная культура в обществе. Стало расхожим высказывание: «Нравственность – это лот, который постоянно понижается – от начала цивилизации до наших дней».

В тоже время названные общественные силы выказывают стремление улучшить положение вещей: воспитывать, формировать, совершенствовать, повышать нравственную культуру в современном обществе. Обычно благие намерения имеют самый общий характер и оттого остаются всего лишь намерениями. Очевидно, следует обратить внимание на источники фундаментальных этических и нравственных идей и ценностей в обществе, которые определяют мировоззрение, стиль мышления и духовные устремления и отдельной личности, и значительных общностей. В качестве таких источников чаще рассматривается религия, призванная обеспечить «смягчение нравов, торжество милосердия, массовое покаяние и христианское смирение в обществе» (1, 30). Однако, в обществе таких источников больше. В демократическом, открытом и коммуникативном обществе нравственные компендиумы переплетены, эклектичны и взаимодействуют. В современном молдавском обществе действуют как минимум три нравственных кодекса: религиозный (христианский), светский (коммунистический) и традиционный (этнический). Значение традиции в нравственном воспитании в наше время увеличивается, и об этом следует говорить.

Через традицию, сохраняемую обычно в семье, близком родственном и привычном окружении, человек с младых ногтей усваивает элементарные основы, азы нравственной культуры, этические нормы поведения. Осуществляется это путем морального внушения, морализации, подкрепленной путем определенной системы поощрения и осуж-

дения, – как данность, а также путем прямого подражания поведению взрослых, копирования сложившихся форм поведения, правил общения, нравов, обычаев и традиций нравственного поведения. В семье, в близком окружении существующая традиционная нравственная культура общества усваивается ребенком некритически и надолго запечатлевается в его сознании, формирует систему моральных норм и ценностей. Основными приобретениями посредством традиции можно считать усвоение личностью простых норм нравственности, азбуки поведения и этикета, развитие у личности послушания, элементарной дисциплинированности и чувства долга, столь же элементарной солидарности с окружающими людьми, доброжелательности и внимания к ним, гармонизация с природой. Собственно, традиционная культура исключает развитие тех качеств у человека, которые делают его нечестивым и подталкивают к «последним безнравственным временам». Эти качества тысячелетия назад были перечислены апостолом Павлом. Люди «последних дней», по его мнению, «самолюбивы», «любящие деньги», «непослушны родителям», «не имеющие преданности», «ожесточенные», «лишенные естественной привязанности» и т.д. (2, 3:2).

Хотим мы того или нет, но все мы, самые современные и самые продвинутые, являемся продуктом воспитания в традициях своего народа. У каждого народа накоплен свой самобытный опыт нравственного воспитания и выработан собственный нравственный кодекс. Присутствуют они и в украинской традиционной культуре, насчитывающей тысячелетия. Об этом есть документальные указания наших летописей. Так, например, в Ипатьевской летописи написано: «Имели бо они свои обычаи и законы своих отцов, легенды, и каждый имел свой обычай. Поляне бо имели обычай своих отцов; а имели они ласковый обычай и стыдливость супроти своих невесток и супроти сестер, и супроти своих матерей, и невестки супроти своих свекровей и супроти братьев мужа имели великую стыдливость» (3, 256). Эти этические нормы прививались и закреплялись в традиционной семейной культуре.

К созданию семьи как нравственной основы украинцы исторически относились очень серьезно. Подтверждением этому является традиционное отношение к семье, как к домашней церкви, где прививались основы веры и происходило первое воцерковление младшего поколения. «Без Бога ни до порога», – говорят украинцы. Требования народной морали воплощены в народных поговорках и присказках: «Кто мать не уважает, того Бог покарает»; «Кто не слушает маму, тот послушает беду»; «За мамины слезы Бог судьбу заморозит» и т.д. Уважительное отношение к старшим – признак традиционной украинской семьи. Обращение на «Вы» – как к незнакомым, так и к родителям – практикуется в украинских семьях издавна до сегодняшнего дня.

«Помните и то, что Ваша хата является первой и важнейшей школой, в которой дети Ваши должны научиться любить Бога и людей», - учили педагоги, имена которых возвращаются в духовную жизнь украинцев (4, 144).

Величайшим уважением к членам семьи – как живым, так и умершим – наполнена календарная обрядовость украинцев. Вспомним рождественский обычай внесения в дом «дедуха» - снопа из пшеницы или ржи, воплощения душ всего рода. Только после оказания уважения этим душам начиналось общее семейное празднование рождественских праздников. Длительная память рода присутствует в других календарных праздниках: «кормление душ» в Дмитриевскую субботу, посещение могил умерших на Пасху и в другие праздники и т.п.

Народная мораль, мораль любви присутствует во всех семейных обрядах, имея основной задачей создание в семье положительного психологического микроклимата. Традиционный (патриархальный) уклад семейной жизни призван обеспечивать моральную и практическую поддержку в трудных обстоятельствах, организовывать и регламентировать повседневный распорядок бытовой и трудовой деятельности. Здесь свое место работе, обязанностям каждого члена семьи, свое место развлечениям и праздникам, семейным торжествам. Здесь не остаются без внимания представители ни одного из поколений семьи: существовали свои «уважительные» праздники для пожилых (обряды почитания свекрови, тещи и т. д.), женщин (женский день на Масленой неделе), для молодежи («юнки») - обряды на третий день Пасхи, на Богодухов день и т.п.). Существовали свои игры и для детей, которым обучали взрослые и которые несли заряд моральных наставлений (обогащали знаниями, развивали, приобщали к сельскохозяйственным заботам).

Все достойны уважения, все желанны, все любимы в семье – в этом моральное значение семейной обрядности.

Морально-этические регламентации присутствуют и воплощаются в древнем опыте и советах заниматься теми или иными видами работ, принимать те или иные нормы поведения. К таким относится, например, почитание стола как центра домашней жизни. По столу не полагалось стучать ни ложками, ни тем более кулаком, втыкать в него нож, за столом нельзя было ссориться, на стол нельзя класть ключи, шапку, гребень и другие посторонние предметы, ибо все это нарушало гармонию, достоинство и спокойствие семейной обстановки. Этим же наши предки очень дорожили: «Зачем клад, если в семье лад».

Важное морально-этническое значение имеют обычаи, воспитывающие культуру взаимоотношений с природой. Наши предки, влюбленные в землю, передавали приходящим поколениям свое отношение к миру, своему роду и племени, другим племенам и окружающей

среде. В основе бытия украинцев никогда не было меча, но плуг и хлеб. Исторически украинцы были ратаями, пахарями, исполненными стремления гармонизироваться, слиться с матерью-природой. Основы нравственности закладывались в гармонизирующей с окружающим миром магии, в единении с предками. Это происходило посредством участия в обрядах и обычаях, где закладывался и момент нравственного воспитания. Огромным чувством почитания природы наполнены древние календарные обряды украинцев. Для всякого времени года регламентированы в них свои нормы поведения в природе с тем, чтобы не потревожить природу и все живое в ней, чтобы «заключить союз» с природой, так много дающей человеку, задобрить ее, выказать любовь к ней. Этому посвящены летние обряды приветствия солнца, почитания воды и обращение за силой и здоровьем к земле; запреты выхода в природу, когда она готовится к зимнему отдыху; зимние пожелания благодати природе наравне с пожеланиями добра людям. Сколько поэтического воспевания природы, теплое к ней отношения и сколько доброжелательности по отношению к людям, которые трудятся на земле, в украинских колядках и щедровках!

Місяченько, мій братику,
Зійди рано, постій мало,
Поки я бички запряжу,
Жито-пшеницу засію.
Роди, Боже, жито і пшеницу,
Без куколю, без метлиці,
Щоби діткам по варениці!

Задержавшись в этнической памяти каждого украинца, древние знания и регламентации и сегодня обуславливают нормы поведения украинцев в природе, останавливают перед потребительским, хищническим отношением к ней, перед нравственным падением, когда люди, по словам апостола Павла, становятся «себялюбивыми», то есть начинают считать себя богами и требуют от природы соответствующего к себе отношения (5, 5).

В народной украинской традиции содержатся нормы и правила общежития, совместного труда и конструктивного общения. Коллективные работы «толоки» указывали на интенсивный труд всех членов общности на благо одного. Совместные занятия - «братчины»- указывали на особую братскую дружбу и преданность общим интересам в труде. «Братчины», к примеру, практиковались в общностях пчеловодов, которые сообща ухаживали за пасеками и в совместном труде братались. «Братчины» заводили чумаки. Отправляясь в далекий путь «в Крым за солью», они должны были быть уверенными в тех, с кем делили трудности неблизкого пути.

Женские «вечорницы»-посиделки, «досвитки» посвящались совместным женским занятиям: вышиванию, ткачеству, прядению и в то же время мирному общению, где люди обменивались мнениями, знаниями, получали своеобразную «психологическую помощь», совет. Традицию доброжелательного общения украинцы унаследовали от предков до дней нынешних. Именно в украинских селах вы найдете скамью у каждых ворот: чтобы путник мог отдохнуть, чтобы соседи могли пообщаться после трудов дневных (6, 167).

Сердечные межличностные отношения для украинцев – важная нравственная ценность. Равно как и любовь, добрые отношения составляют основу семейного, соседского, коллективного сосуществования. В традиционных обрядах ухаживания - сватанья не найти намека на корыстные устремления. В основе отношений жениха и невесты – любовь, что воплощено в огромном пласте фольклорного творчества, народно-песенной культуры:

« На горі церква стояла.

-З ким ти, Марійко, весілля грала?

-З тобою, Василько, с тобою,

Як з ясною зорею.

- По чом ти, Марійко, признала,

Що мене ясною зорею назвала?

- По мові, Василько, по мові,

Оksamитова шапочка на голові,

А черні осьмушечки –

Припав ти мені та до душечки»...- поется в украинской песне.

А сколько их о том, каким горем оказывалось для девушки или юноши желание родных устроить их судьбу, основываясь на выгоде - о «нелюбых», «постылых», союзу с которыми, сделке с совестью молодые предпочитали преждевременную смерть. Подобные сюжеты из народного творчества вошли в творчество известных украинских писателей и поэтов. Встречаются они и в творчестве Тараса Шевченко:

...Мати не спитала,

За старого, багатого

Нищечком єднала.

«Йди, доню,- каже мати,

Не вік дівовати.

Він багатий, одинокий –

Будеш пановати».

Не хочу я пановати,

Не піду я мамо!

Рушниками, що придбала,

Спусти мене в яму.

Нехай попи заспівають,
А дружки поплачуть:
Легше мені в труні лежать,
Ніж його побачить» (7, 45).

Стремлением выявить истинные чувства молодых, серьезность их намерений создать семью, определить их готовность к семейной жизни объясняется «многоступенчатость» процедуры сватанья – женитьбы. Свадьбе предшествуют несколько «действ»: смотрины, на которых у молодых церемониально выясняли, любят ли они друг друга. В случае обоюдного чувства девушка трижды осыпала суженого цветами барвинка и зерном, а юноша трижды подносил невесте бокал вина, которое она церемониально выливала за плечо.

Далее шло сватанье, на котором сваты выясняли «социальный статус» и благосостояние молодых, добивались согласия и благословения родителей на брак, знакомились со всеми родственникам, закладывая основы уважительного отношения между всеми членами увеличивающегося рода.

Ой, помалу, дружечки ідіте,
Пилом не пиліте,
Щоб наша пава
Пилом не припала,
Щоб наша матінка
З личенька не спала,
І щоб нашій тато
Пам'ятав це свято!

На обрученьи в обрядовой форме выяснялись планы молодых на будущее, их отношение к труду, вообще их нравственные позиции и т.д. Только после этого пекли каравай и плели венец для молодых. Все эти ритуалы были рассчитаны на то, чтобы молодые окончательно проверили свои чувства и определили свое решение создать крепкую семью. Рассудительность и неспешность подчеркивали традиционную высокую значимость свадебного действия, а содержание традиционных обрядов выявляло лучшие семейно-этические нормы поведения и отношения членов семьи друг к другу. Свадебные действия исполнены «почитания родителей», декларируют любовь, уважение и верность как основу отношений мужа и жены, что исключает «непослушание родителям» и «отсутствие преданности» как проявление безнравственности «последних дней».

Там, где у других народов присутствуют «плачи» молодой об уходе из родной семьи в «чужую», у украинцев песни исполнены любви и нежности молодых друг к другу. Своеобразной клятвой в любви и взаимной заботе исполнены народные свадебные традиции украинцев:

Ой, на горі жито – тоненькі покоси,
А хто буде розплітати дівчиночці коси?
Козак буде розплітати, козак буде плести,
Козак буде дівчиноньку до шлюбоньку вести...

Характерной чертой украинской традиции является особое уважение к женщине. Это выгодно отличает украинцев. Насилие в семье не характерно для них. Почитание и даже возвышение женщины являются подтверждением нравственной ценности преданности, самостоятельности и хозяйственности украинских женщин. Равноправие женщины в патриархальной семье, даже и верховенство ее, некоторая «матриархальность» украинской семьи и, как отражение этого, некоторая «матриархальность» украинского национального характера объясняются исследователями несколько романтически. В пору, когда казаки уходили в походы, вели длительные войны и подолгу отсутствовали дома, все хозяйство оказывались на плечах женщин, которые с честью решали хозяйственные проблемы. Признание хозяйственных заслуг женщин столь же важными, как и ратные заслуги мужчин, вошло в генетический код украинцев и в их нравственный кодекс (8, 163). Все это отражено в народной мудрости: «Мужчина подпирает один угол дома, а женщина – три», - говорится в украинской поговорке.

В традиции украинского семейного воспитания, по мнению педагогов, ощутимо влияние женщины – матери, что отражается в этнохарактерных чертах украинцев. Влияние матери – в этом и есть истоки «кордоцентричности» украинского характера, где эмоциональность превалирует над рационализмом (9, 64, 68), а значит, содержит больше милосердия, доброты, самопожертвования, нежели индивидуализма и расчетливости.

Уважение к родителям было глубоко укоренено в быту украинского народа, а любовь к матери возносилась часто, особенно в разлуке, до обожествления:

«Мати ж наша мати,
Та де ж нам тебе взяти?
Маляра найняти
Та матір змалювати.
Та поставлю матір
Як божницю в хаті,
На божницю гляну
Та матір пом'яну», - поется в народной свадебной песне.

Следует отметить, что к этнотрадиционным составляющим нравственного кодекса украинцев относится и их исконная религиозность. По словам педагога Григория Ващенко, религиозность наряду со сдержанностью поведения, трудолюбием, гостеприимством, высоким эс-

тетизмом личной и семейной жизни, верностью в дружбе, уважением к старшим и к женщинам и искренностью являются одной из главных добродетелей украинцев (10, 226).

Многие добродетели и нравственные принципы украинцев заложены в их народную культуру в дохристианские времена: отношение к природе, труду, людям, понятие родины и необходимости ее защищать. Оформленность правил семейной и общественной морали характерна для древней украинской традиции. Древнее «Поучение» Владимира Мономаха проникнуто великим гуманизмом, распространяющимся как на ближнего, так и на сообщество, в котором живет человек: «Отца и мать уважайте... не смейте лениться ни на что хорошее... пусть не застанет вас солнце в постели». «Милостыню творите нескудную, ибо это есть начало добра... Более же всего убогих не забывайте, но сколько сможете, по силе своей, окормливайте их, подавайте милостыню сироте, и вдовицу оправдывайте сами, и не позволяйте сильным погубить человека. Ни правого, ни виноватого не убивайте... Больного навестите; вослед за умершим идите, ибо все мы смертны; и человека не обминайте, не поприветствовав, доброе слово скажите ему» (11, 16).

С принятием христианства эти нравственные ценности обогатились и приобрели новое значение, усиливая фактор смирения, покаяния и самопожертвования. На этих принципах христианского учения решается основной вопрос морали – о цели бытия человека и цели бытия вообще.

Евангелие учит, что такой целью является Царство Божье: «Ищите прежде всего Царства Божьего и Правды Его, а все прочее придастся вам» (12, 6,33). Приоритет Церкви выводится христианством как неизменный закон жизни. Можно предположить, что украинцы значительным большинством следовали этому христианскому нравственному учению, если знать, что в их среде во все времена наблюдается высокий уровень религиозности (13, 239). Социологические исследования в Молдове в 70-80-е годы (в самый «расцвет» атеизма) также подтверждали такую картину. Именно в украинских селах наблюдались прецеденты активной защиты верующими сельских православных храмов от закрытия и разрушения (с. Проданешты Флорештского района, с. Каларашовка Окницкого района и др.), именно украинцы составляли большинство и входили в руководство протестантских общин в Молдове – ЕХБ, АСД, Свидетелей иеговы и т.д. (14).

Поиска Царства Божьего в ущерб мирскому придерживался этнический украинец, выдающийся русский писатель Николай Гоголь. В своей «Переписке с друзьями» он рассматривает христианство исключительно как религию личной морали, углубление в нравственный самоанализ (15, 211).

«Народ, что свободно и благочестиво склоняется перед Богом и Спасителем, в бодрой, радостной христианской вере творит дела своего предназначения» (16, 13). Высокую традиционную нравственность усматривают исследователи в сознательной религиозности украинцев. Духовная культура, основой которой является религия и древняя традиция, «создает из человека самую совершенную единицу». Именно о ней твердит Библия, о том, что человек создан по образу и подобию Божьему. Духовно культурный человек по-настоящему крепок, правдиво выдержан и не преступен. Это именно он создает лучшие образцы общественной жизни. «Народ, который имеет правдивую духовную культуру (к тому же распространенную в самых широких массах), обязательно станет крепким и могучим. Он будет народом с самыми крепкими основами и легко будет создавать себе жизнь по своему подобию. Его материальная культура придастся к его культуре духовной, ибо будет расти одновременно и рядом с нею... Такой народ счастлив в личной жизни и могуч в жизни общественной», - отмечают современные теософы в уповании на сильную державную Украину и нравственно правдивые основы жизни украинского народа (17, 406). Подобные упования, очевидно, будут справедливыми повсюду, где живут украинцы, в том числе и в Молдове.

Проникновение в традиционную культуру украинцев, безусловно, сообщает светлые надежды на нравственную крепость народа, однако, как мы наблюдаем, традиционный уклад жизни постепенно размывается, а с ним и те нравственные ценности, которые он с собою несет.

Выбор норм поведения, как и сам выбор нравственной стратегии, не является простым, поэтому обращение к традиционной культуре на личностном уровне сегодня означает, прежде всего, приумножение опыта и знаний.

После дискредитации коммунистической морали и частичного отказа от нее в обществе возник моральный вакуум, заполнение которого возможно за счет новой системы нравственных ценностей (возможно, не новых, а забытых). Такими ценностями сегодня чаще всего называют христианские (или иные религиозные) и на всех уровнях общественной жизни обговаривают возможности приобщения к ним: обучением в школе, ориентацией в политике, отражением в искусстве, изменением содержания СМИ и т.д. Меньше говорится о возврате к традиционной нравственной культуре. Это может объясняться тем спорным опытом, который наши современники пережили во времена демократических революций, происходивших в 90-е годы на постсоветском пространстве и сильно замешанных на возрастании национального самосознания всех этносов, стремлении «возвратиться к сво-

им исконным этническим корням», возрождении родных языков и народной культуры. Такой опыт для части общества не является приемлемым, поскольку «отдает национализмом», ибо всякое традиционное воспитание всегда является национальным. Как отмечал американский педагог Герберт Шлесберг, мировой опыт доказывает: можно перенять технологию, но нельзя перенять у других народов дух, духовные силы; они рождаются из основ бытия народа и являются глубоко национальными (18, 73).

Есть общечеловеческие аспекты воспитания и есть аспекты, отражающие «национальный характер», «национальную душу», считал Константин Ушинский (19, 44).

«Не существует отдельно от национального воспитания еще и религиозное, моральное, общественное, интеллектуальное, эстетическое или хозяйственное воспитание - все они являются частями национального воспитания и каждое носит знамя национальности. Потому должно реализоваться и в школе, и дома, и в обществе», - считает украинский педагог Ярослав Кузьмивый (20, 234). Опасение столкновения с любым национальным проявлением не должно напрягать или отталкивать общество, но должно привлечь внимание к правильной оценке национально-традиционного достояния, в том числе и нравственного.

Приобщение человека к традиционной духовно-нравственной культуре своего народа и народов соседствующих происходит так или иначе. Традиции определяются как стойкий элемент жизни всякого народа. Однако и этот элемент поддается изменениям и уточнениям. Нравственная традиция (как и всякая иная традиция) на каждом историческом этапе поддается влиянию «социального заказа», который всегда отражает актуальные задания общества. На современном этапе таким «социальным заказом» является воспитание нравственно стойкой, социально активной, демократически мыслящей и ответственной за судьбы своего народа и всего человечества личности.

Ресурсом к выполнению этой задач может стать и нравственная составляющая традиционной культуры, в том числе культуры украинцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Роговая Г.* Христианские нравственные заповеди: содержание, востребованность // *Философия, социология, право.* № 1. 2000. С. 30.
2. *Сторожевая башня.* № 1. 2006. С. 5.
3. *Скуратівський В.* Місяцелік. Український народний календар. 1993. С. 256.
4. *Вишневецький О.* Сучасне українське виховання Педагогічні нариси. Львів, 1996. С. 144.

5. Сторожевая башня. № 1. 2000. С. 4.
6. *Воропай О.* Звичаї нашого народу. К., 1993. С. 124, 167.
7. *Шевченко Т.Г.* Кобзар. К., 1987. С. 45.
8. *Вшинецький О.* Вказ. твір. С. 163
9. Там же. С. 64, 68.
10. Там же. С. 226.
11. Повчання Володимира Мономаха // Хрестоматія з історії вітчизняної педагогіки. Під ред. С.А. Литвинова К., 1961. С. 18.
12. Євангеліє від Матфея 12: 6,33.
13. *Ярмусь С.* Досвід віри українця. Вибрані твори. К., 2002. С. 239.
14. Личный архив автора.
15. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. В 8-ми томах. Т. 7. С. 211.
16. *Ващенко Г.* Вибрані педагогічні твори. Дрогобич, 1997. С. 13.
17. *Ярмусь С.* Вказ. твір. С. 46.
18. *Slosserberg H.* Education that Comes Before Schooling // Symposium on Curriculum reform in Education 19-21 May 1993. К., 1993 . P. 73.
19. *Ушинський К.Д.* Теоретичні проблеми виховання і освіти. В 2-х томах. Т. 1. К., 1989. С. 44.
20. Перший Український педагогічний конгрес 1935. Львів, 1938. С. 234.

подписка 2007

журнал «Русин»

объявлена подписка по Республике Молдова.

Подписной индекс - **31808.**

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи Республики Молдова.

Александра ГОРБУНЕНКО

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ БОЛГАР МОЛДОВЫ

Для сложных периодов в развитии общества характерно обострение различных противоречий. Республика Молдова не является исключением. В связи с этим особо значимым становится мониторинг состояния межэтнического взаимодействия с перспективой разработки специальных программ, направленных на распространение толерантности и взаимодействия проживающих в Молдове этносов, снижения уровня бытовых конфликтов на национальной почве и т.д.

Болгарская диаспора Молдавии обладает не только особенным культурным миром, но и является примером одного из наиболее толерантных этносов в республике. В мае-июне 2006 г. Тараклийским государственным университетом было проведено исследование «Тенденции развития этнической идентичности болгарской диаспоры в Молдове». Были сформулированы следующие задачи: определение реального состояния этнической идентичности представителей диаспоры, выявление когнитивного и аффективного содержания этнических стереотипов, определение социальной дистанции между болгарскими и представителями других этносов и направленности этнического самосознания болгар – этноцентристской или нейтральной, анализ межэтнического взаимодействия.

Хотя в проведенном исследовании мы не ставили своей задачей разработку теоретико-методологической базы для изучения состояния этнической идентичности диаспоры, нам представляется необходимым рассмотреть некоторые исходные положения. На основании культурологического подхода и теории конфликта мы условно разделили болгарскую диаспору в Молдове на архаическую и динамичную части в соответствии с преобладанием определенных культурных особенностей различных ее представителей. Носителями динамичной культуры выступает гуманитарная, техническая и творческая интеллигенция, проживающая в основном в городах. Это не ассимилированные, но подвергающиеся постоянному воздействию мажоритарных этнических групп представители диаспоры, говорящие в основном по-русски и имеющие двойной круг общения: с представителями своего этноса и с представителями других национальностей. Для представителей

архаической части диаспоры, проживающих в основном в сельских населенных пунктах, характерны главным образом, болгарский круг общения, сохранение родного языка как языка общения в быту, бытовых норм поведения и даже «бытовой национализм».

Важным допущением явилось и то, что характер культуры позволил нам отнести к динамичной части диаспоры болгар, проживающих в Кишиневе, в то время как болгары юга республики были определены как представители архаической части диаспоры. Это обусловило необходимость стратифицированной непропорциональной выборки.

Также необходимо уточнить, что мы не смешиваем понятия этнической идентичности (этничности) и самосознания, рассматривая, в первом случае, этничность с психологических позиций, а этническое самосознание – с этносоциологической. Изучение содержания этнических стереотипов осуществляется на когнитивном и аффективном уровнях.

В процессе анкетирования было опрошено 100 представителей болгарской диаспоры в местах их компактного проживания и в Кишиневе. Опрос проводился как в моноэтнических населенных пунктах: села Твардица, Коргин – по 10 чел., так и в населенных пунктах смешенного характера проживания: с. Кирсово (болгаро-гагаузское население) – 10 чел., с. Валя-Пержей (болгаро-молдавское население) – 7 чел., а также в городах Чадыр-Лунга – 10 чел., Тараклия – 8 чел., муниципии Кишинев – 45 чел.

Опрос представителей болгарской диаспоры проходил в форме индивидуального и группового анкетирования, для чего нами была разработана соответствующая анкета с применением стандартных социологических методик, а также психосемантических и психолингвистических процедур исследования. В целях проведения дальнейшего сравнительного анализа в опросник вошел также ряд вопросов «Этнобарометра» 2004 г., осуществленного Институтом общественных политик (ИПП). В разработке анкеты использовались материалы аналогичных румынских, российских и литовских исследований.

Норвежский антрополог Ф. Барт отмечал, что в современном полиэтничном обществе этнические различия сохраняются, несмотря на то, что количество межэтнических контактов увеличивается, а их интенсивность постоянно возрастает. И хотя этносы существуют часто в единой социальной системе, различия между ними не стираются. Одной из основных категорий «обособления» этнической группы выступает этническое самосознание ее членов. К наиболее значимым индексам, определяющим состояние самосознания представителя этноса, является декларируемая идентичность.

На вопрос «Кем Вы ощущаете себя в первую очередь?» опрошенные представители болгарской диаспоры ответили следующим обра-

зом. Более 65% опрошенных идентифицируют себя, в первую очередь, как представители своего этноса, что еще раз подтверждает значение этничности как «спасительного острова» в ситуации социальной нестабильности. На втором месте «гражданин РМ» - около 14%. Эти данные подтверждаются и результатами исследования «Этнобарометр» 2004 г. (62% и 18% соответственно). Анализ данных по группам диаспоры выглядит следующим образом:

Именно болгарами ощущают себя в первую очередь опрошенные представители динамичной и архаической части диаспоры. В то же время представители архаической части больше ощущают себя жителями своего населенного пункта (16,7%), чем гражданами РМ (11,1%), в то время как для представителей динамичной части диаспоры характерна как раз обратная ситуация (2,2% и 17,8% соответственно), причем 11% из них идентифицируют себя как жители СНГ, что почти в 8 раз выше, чем у представителей архаической части диаспоры.

Этническая идентичность личности основывается на ряде компонентов, тесно связанных с ее самоопределением в целом. Для выявления наиболее значимых элементов этнической самоидентификации опрошенным было необходимо выбрать 3 из предложенных характеристик: иметь родителей болгар, говорить в семье на болгарском языке, соблюдать болгарские традиции, принадлежать к Православной болгарской церкви, родиться в Болгарии, иметь болгарское гражданство, жить в Болгарии, принадлежать к болгарской культуре, чувствовать себя болгаринном (см. таб. 2).

Из всех элементов наиболее значимыми для опрошенных стали «иметь родителей болгар» – 82,8%, «чувствовать себя болгаринном» – 60,6%, «соблюдать болгарские традиции» – 49,5%.

Таблица 1

Декларируемая идентичность представителей архаической и динамичной частей болгарской диаспоры, N=100, 2006 г.

Я в первую очередь:	Архаическая часть	Динамичная часть
Болгарин	68,5%	64,4%
Житель своего города/села	16,7%	2,2%
Гражданин РМ	11,1%	17,8%
Житель СНГ	1,9%	11,1%
Европеец	0,0%	0,0%
НО / ЗО	1,9%	4,4%

Таблица 2

Элементы самоидентификации, $N=100$, 2006 г.

<i>Три самых необходимых условия, чтобы считать себя болгариним:</i>	I	II	III	Итого
Иметь родителей болгар	82,8%	0,0%	0,0%	82,8%
Говорить в семье на болгарском языке	2,1%	32,3%	0,0%	44,4%
Соблюдать болгарские традиции	4,0%	37,4%	8,1%	49,5%
Принадлежать к Православной болгарской церкви	0,0%	5,1%	4,0%	9,1%
Родиться в Болгарии	0,0%	5,1%	1,0%	6,1%
Иметь болгарское гражданство	1,0%	10,1%	15,2%	26,3%
Жить в Болгарии	0,0%	2,0%	3,0%	5,0%
Принадлежать к болгарской культуре	0,0%	6,1%	9,1%	15,2%
Чувствовать себя болгариним	0,0%	2,0%	58,6%	60,6%
Другое	0,0%	0,0%	1,0%	1,0%

Для представителей обеих частей диаспоры главными элементами самоидентификации являются этничность «по крови» – 85,2% для архаической части и 80% для динамичной и ощущение себя болгариним – 64,9% и 55,5% соответственно. На третьем месте для представителей динамичной части «говорить в семье на болгарском языке», в то время как в архаической части этот элемент на четвертом месте, а на третьем «традиции».

Таким образом можно предполагать различие в структуре этнического самосознания представителей различных групп диаспоры. Если в традиционной культуре важнее сохранение традиций, то для динамичной городской культуры в ситуации постоянного полиэтнического общения значимее хотя бы в семье сохранять язык.

Динамика взаимоотношений болгар с этносами совместного проживания и материнским этносом выглядит следующим образом (см. таб. 3). Отношения с мажоритарным молдавским этносом можно охарактеризовать как нестабильные. Большинство опрошенных, характеризуя отношения за последние пятнадцать, пять лет и год, определили их как «не изменившиеся». В то же время по сравнению с прошедшими пятнадцатью годами более тридцати процентов респондентов отметили как улучшения, так и ухудшения взаимоотношений.

Представители архаической части диаспоры считают, что динамика отношений с молдаванами за прошедшие пятнадцать и пять лет скорее улучшилась, а по сравнению с прошлым годом изменений практически не произошло. Для представителей же динамичной части диаспоры эти же отношения выглядят несколько иначе. Так, большинство отметили ухудшение отношений болгар с молдаванами за прошедшие 15 лет. В то же время за период последних 5 лет отношения изменились мало, хотя вторая тенденция ответов говорит об ухудшении этих взаимоотношений. Возможно, это связано с более напряженными отношениями с представителями молдавского этноса именно в Кишиневе, где проживают представители динамичной части диаспоры.

Отношения с гагаузами в оценках представителей обеих частей диаспоры в целом выглядят нейтрально. Представители архаической части склонны скорее характеризовать динамику взаимоотношений как улучшающуюся, а динамичной части диаспоры – как ухудшающуюся. Объясняется это особенностями этнического самосознания представителей архаической части болгарской диаспоры – отличительной чертой самоопределения и восприятия «других» является многолетнее соседство и проживание на одной территории с другими этносами, и прежде всего, с гагаузским на юге республики. Даже бытовой национализм или конфликты внутри болгаро-гагаузских сел не мешают воспринимать гагаузский этнос как наиболее близкий собственному, о чем говорят материалы предыдущих исследований. В то же время для представителей динамичной части диаспоры гагаузский этнос является более удаленным и соответственно более чужим.

Таблица 3

Динамика взаимоотношений с молдаванами, $N=100$, 2006 г.

	Намного лучше, чем	Лучше, чем	Не изменились	Хуже, чем	Намного хуже, чем	НО/ЗО
15 лет назад	14,10%	19,20%	24,20%	21,20%	11,10%	10,10%
5 лет назад	8,10%	23,20%	45,50%	16,20%	3,00%	4,00%
В прошлом году	3,00%	10,10%	68,70%	6,10%	8,10%	4,00%

Динамика отношений с русскими, украинцами и представителями материнского этноса в целом является позитивной. Взаимоотношения с русскими характеризуются как неизменившиеся за последние пятнадцать и пять лет большинством представителей обеих групп диаспоры. В то же время ответы представителей динамичной части диаспоры выявили тенденцию к ухудшению этих взаимоотношений за последний год. Мы предполагаем, что не последнюю роль в этом сыграло возникшее напряжение в отношениях Молдовы и России, что быстрее отразилось в оценках болгар Кишинева, чем у жителей юга республики.

Отношения с материнским этносом оцениваются как улучшившиеся за последние пятнадцать лет. По сравнению с прошедшими пятью годами и последним годом взаимоотношения «не изменились», тенденция к их дальнейшему улучшению сохраняется в ответах представителей обеих групп диаспоры.

Анализ анималистических образов этнических групп позволил нам охарактеризовать аффективную составляющую отношения к ним опрошенных болгар. Так, наиболее положительно направленным является автостереотип опрошенных. Использование образа овцы/барана как в ассоциациях с собственным этносом, так и с гагаузским, позволяет предполагать отсутствие бессознательной антипатии к последнему. По критерию опасности/безопасности этнические группы характеризуются следующим образом: наиболее «безопасными» опрошенные считают собственный и материнский, а также украинский этносы. Наиболее «опасным» оказался образ русского этноса. «Опасность» образа русских коррелирует с ухудшившейся динамикой отношений с ними за последний год. Образы молдавского и гагаузского этносов находятся на границе разделения «опасности»/ «безопасности». А спорность оценок образов молдаванина и гагауза подтверждает наличие противоречий в отношениях болгар с представителями этих этносов.

Для определения когнитивного содержания этнических стереотипов опрошенным было предложено выбрать по три положительных и отрицательных качества, наиболее характеризующих представителей этносов совместного проживания и материнский этнос. Полученные в результате данные выглядят следующим образом. Опрошенные представители архаической части диаспоры характеризуют местного болгарина, прежде всего, как хозяйственного и трудолюбивого. Второй выбор проявил важность для них такого качества, как бережливость, причем ярко это качество выражено еще в образе болгарина из Болгарии. Представители динамичной части диаспоры при первом выборе отдали предпочтение «трудолюбию», а при втором – «хозяйственности». Качество «трудолюбие» опрошенные выделяют и в образах представителей материнского этноса, а также молдаван и гагаузов.

В образе молдаванина особо значимыми явились качества гостеприимства и жизнерадостности, наиболее настойчивыми, по мнению опрошенных, являются гагаузы. Самыми «добрыми» в глазах опрошенных представителей диаспоры выглядят русские. Образ болгарина из Болгарии – наиболее размытый. Ни одно из положительных качеств не получило более 20% ответов. Скорее всего, это связано с еще недостаточно большим количеством контактов в целом, а также с отсутствием тесных семейных, соседских или других связей, которые наблюдаются с представителями этносов совместного проживания.

Негативная сторона образа болгарина воспринимается через такие характеристики, как жадность (52% при первом и 28% при втором выборе) и зависть (54% при втором выборе). Болгары считают представителей своего этноса наиболее жадными среди всех характеризующих этносов. За ними «лидируют» по данному качеству только болгары из Болгарии. Такое негативное качество, как национализм, наиболее выражено в образе молдаванина (более 30%), причем оценка молдаван как националистов в ответах представителей динамичной части диаспоры выше, чем у представителей архаической части. В негативном образе гагауза опрошенные в первую очередь отметили «агрессивность» (70%). Основными негативными характеристиками украинца выступают безответственность, лень и неаккуратность. Русские в представлениях болгар наиболее ленивы, безразличны, неаккуратны и безответственны.

Респонденты оценили собственный этнос наиболее высоко по положительным шкалам, что позволяет говорить о естественном этноцентризме и положительной направленности самосознания, а также предполагает достаточно высокую степень этнической солидарности.

Для выявления направленности этнического самосознания на уровне группового сознания использовалась тестовая психодиагностическая методика «Этнические установки». В результате интерпретации теста было определено, что для опрошенных представителей болгарской диаспоры характерно противоречивое этническое самосознание, склоняющееся к полюсу этноцентризма.

Согласно полученным нами данным, наименьшая социальная дистанция у опрошенных представителей болгарского этноса с украинцами, русскими и болгарями из Болгарии. В то же время социальная дистанция больше между болгарями и гагаузами, а также молдаванами. 16% опрошенных не согласны, чтобы молдаване и гагаузы были их соседями. 14% опрошенных не хотят видеть гагаузов своими друзьями, 34% против того, чтобы гагаузы были членами их семей. 28% также против, чтобы членами их семей были молдаване. Однако абсолютное большинство опрошенных положительно ответило на все воп-

росы, связанные с определением социальной дистанции. Даже наибольшее количество отрицательных ответов не превышает 35%. Таким образом, в целом можно говорить о ситуации положительного межэтнического взаимодействия и отсутствия острых конфликтов, хотя бытовой национализм зачастую сохраняется.

Характеризуя тенденции развития этнического самосознания болгарской диаспоры на нынешнем этапе развития, необходимо помнить о традиционных добрососедских контактах с другими этническими сообществами и неконфликтности переселившихся в Бессарабию болгар. В то же время нестабильная социально-экономическая ситуация в современной Молдове, неопределенность будущего и социотипический хаос делают этничность неким «спасительным островом» в структуре самосознания личности и этнической группы. Болгарская диаспора не является исключением.

О высокой значимости этничности говорит декларируемая идентичность опрошенных – прежде всего как представителей этноса. По сравнению с этнической гражданская идентичность выглядит чрезвычайно низкой. И это тем страшнее, что наиболее низкие показатели гражданской идентичности характерны для опрошенных среднего возраста, т.е. наиболее активной трудоспособной части населения. Одновременно противоречивое этническое сознание свидетельствует о нестабильности самосознания опрошенных в целом – процесс поиска себя в современном обществе далеко не завершен.

Незначительный этноцентризм и положительная этническая идентичность говорят о достаточной сплоченности болгарской диаспоры прежде всего как этно-социальной группы. Отсутствие высоких показателей социальной дистанции с этносами совместного проживания, тенденции к положительной оценке ситуации межэтнического взаимодействия подтверждают данные предыдущих исследований об имобилизованном состоянии диаспоры.

Несмотря на некоторую нестабильность в отношениях с молдавским и гагаузским этносами, нельзя говорить об отрицательном характере этих отношений, а скорее о сложности взаимодействия с представителями мажоритарного этноса и мажоритарного меньшинства в Гагаузской автономии.

Полученные данные подтверждают предположенные в ходе предыдущих исследований различия в структуре этнического самосознания представителей архаической и динамичной частей диаспоры, что связано с культурными особенностями этих групп: болгары юга, в основном жители сельских населенных пунктов, больше привязаны к месту своего проживания, чем болгары-жители Кишинева, для них по-прежнему важно сохранение традиций. И если последние склонны более

критично относиться к проблеме межэтнического взаимодействия, то представители архаической части диаспоры скорее выделяют положительные тенденции этих взаимоотношений. При этом сохраняется довольно ощутимый бытовой национализм: у жителей юга – в отношениях с гагаузами, у болгар Кишинева – с молдаванами.

Подобные исследования лишней раз демонстрируют необходимость регулярного мониторинга ситуации межэтнических отношений и анализа развития самосознания каждого из проживающих в Молдове этносов. Необходима целенаправленная политика государства, ориентированная на создание единого гражданского общества и формирование навыков межкультурного взаимопонимания и положительного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

Грек И., Червенков Н. Българите от Украйна и Молдова: минало и настояще. София, 1993.

Горбуненко А.П. Самосознание болгар Южной Молдовы: «мы» и «они» // Антропологические исследования в Молдове. Материалы I Научной конференции молодых преподавателей и студентов 26-27 ноября 2004. Кишинев, 2005.

Горбуненко А.П. Об изменчивости этнических стереотипов (на примере болгарской диаспоры в Молдове) // *Stratum plus*. № 6 (2003-2004). Кишинев, 2005.

Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. Ростов-на-Дону, 2000.

Конфликтология. Учебное пособие / Под ред. А.С. Кармина. СПб., 1999.

Лурье С.В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. Москва, 1997

Миланов Е. Регионални и етнокултурни български общности зад граница / / Аспекти на етно-културната ситуаци. София. 2000.

Сикевич З.В. Социологическое исследование (практическое руководство). СПб. 2005.

Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное: социологический и социально-психологический аспекты. СПб. 2005.

Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. Сборник статей / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. М., 2006.

Boldâne I. Latvian's Ethnic Stereotypes regarding the Ethnic and cultural Minorities of Latvia // *Proetnologia*, is. 15, 2001

Etnobarometru – Republica Moldova / Institutul Politicii Publice, dec. 2004-ian. 2005. Chişinău, 2005

Etnobarometru „Relații interetnice în România” / Centrul de cercetare a relațiilor interetnice, mai-iunie 2000.

Etnobarometru. Rezultate sondaj de opinie pe esantion Bulgari. Chişinău, 2005

Рита КЛЕЙМАН

БЕССАРАБСКИЙ ФЕНОМЕН: НАСЛЕДИЕ М.О. ГЕРШЕНЗОНА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

На протяжении веков Молдова была конгломератом этносов, маленьким плавильным тиглем, в котором рождался уникальный многонациональный (и, соответственно, мультикультурный) сплав, являющийся общеевропейским достоянием. В числе «компонентов» этого сплава – наследие М.О. Гершензона (1869–1925), литературоведа, текстолога, философа, публициста, эссеиста, архивиста, переводчика, историка культуры, иудаиста, уроженца Кишинева и одного из признанных лидеров русского Серебряного века.

Возвращение в культуру полузабытого имени Гершензона началось сравнительно недавно; однако определенный штамп, достаточно устойчивый в среде российских интеллектуалов, к сожалению, успел уже сложиться. Он заключается в утверждении, что Гершензон сумел стать крупнейшим мыслителем своей эпохи, якобы лишь *преодолев* определенный комплекс провинциально-местечковой ментальности, полученный им в еврейско-кишиневском детстве.

Нам такая позиция представляется не просто снобистской, но и принципиально ошибочной. Данная работа является одной из первых попыток рассмотреть проблему «кишиневско-бессарабской составляющей» в многообразном научном наследии Гершензона. Как нам видится, эта составляющая чрезвычайно важна; по нашему убеждению, она служит *глубинной первоосновой и своеобразным ключом* к пониманию богатейшего наследия Гершензона. Именно эта бессарабская первооснова, как мы попытаемся хотя бы тезисно показать, и позволила ему совершить мощный прорыв к синтезу национального и общечеловеческого, оставаясь при этом носителем той особенной толерантной ментальности, которая могла сформироваться только в специфическом поликультурном контексте Молдовы¹.

Кишинев второй половины XIX века, т.е. той поры, когда складывалась личность Гершензона, реально был своеобразным перекрестком культур, где молдаване и русские, евреи и немцы, греки и турки жили бок о бок, развивая свои национальные традиции и терпимо относясь к традициям соседей. Идеализировать эту ситуацию, разумеется, не следует, – иначе, в частности, политическим провокаторам не

удалось бы развязать кровавую бойню еврейских погромов начала XX века; и тем не менее в целом Кишинев был весьма специфическим провинциальным городом Российской империи, «с лица необщим выраженьем», с достаточно высоким уровнем межэтнической, межкультурной профессиональной толерантной культуры.

Здесь, в Кишиневе, Гершензон шестилетним мальчиком, как это было принято в еврейских семьях, был отдан в еврейское училище. Известно, что в Кишиневе была достаточно развита система таких частных еврейских училищ. Еще в 1837 г. их насчитывалось 38, причем располагались они, как правило, просто в одной из комнат частных еврейских домов, где учитель с разрешения раввина занимался с мальчиками еврейской грамотой, Торой и Талмудом. Затем с большими трудностями было открыто первое Кишиневское еврейское училище нового типа, которое было затем преобразовано в 1881 г., и его бессменным директором на протяжении сорока лет был Илья Давыдович Бархаш. Очевидно, именно там и учился маленький Миша². Нам сейчас трудно судить об уровне преподавания в училище того периода, но, во всяком случае, можно утверждать, что в детстве Гершензон приобщился к культуре библейской ментальности, что впоследствии весьма позитивно сказалось на его философско-культурологических штудиях по библеистике; так, своеобразной и до настоящего времени недооцененной попыткой мощного прорыва к новому философскому синтезу представляется философский трактат Гершензона «Ключ веры», построенный на глубоком анализе ветхозаветных текстов. Основные выводы его вкратце таковы:

«Исследование библейской религии показало, что ключом веры, сущностью религии, является мысль о космически-правильном поведении человека как непреложном условии его благоденствия. ... Держать свой разум космически-открытым значит непрестанно помнить органическое единство вселенной, точнее – усвоить привычку автоматически помнить, что каждое явление определяется не только своим непосредственным причинным рядом, но всей необозримой совокупностью сил и явлений, образующих мировую жизнь. Напротив, позитивный разум есть тот, который учитывает только отдельные, хотя бы и множественно-скреживающиеся ряды причинностей, какие дознаны в опыте или в науке, и совершенно пренебрегает могучую связь, таинственно вяжущую нитями все, что есть и что совершается».

Именно поэтому в своем ограниченном позитивистском познании он, этот разум, не видит космоса, не осознает величия и единства вселенной. Истинная же методология гуманитарной мысли, по Гершензону, именно и состоит в том, чтобы постоянно соотносить свое малое научное познание с постижением вселенской бесконечности бытия.

Сопрячь это малое с тем огромным можно через Библию как общечеловеческую модель мироздания и разумного поведения человека в бесконечном мире. «Таков общий смысл (мо)его исследования – что в Ветхом Завете, как в великолепном ларце, хранится под тысячью чудесно вышитых оболочек этот золотой слиток еврейской религии, не предумышленное творение человека, но столь же органический плод духа, создание вочеловечившейся природы, каковы в низших сферах естества вулкан в горе или яблоко на яблоне»³. Нам остается добавить к этому только два современных термина, непосредственным предшественником которых, как нам кажется, предстает в своем трактате Гершензон: ноосфера и экология.

Для рассматриваемой нами проблематики особый интерес представляет также трактат Гершензона «Судьбы еврейского народа» (1922). Полемически заостренный против весьма популярной тогда в еврействе доктрины сионизма и вместе с тем наполненный искренней болью о судьбе народа, частью которого он себя всегда воспринимал, этот трактат содержит чрезвычайно жесткую отповедь любому национализму, включая еврейский:

«Соблазниться сознательным национализмом, свирепствующим теперь в Европе, — какое плачевное заблуждение! Национальность нечувствительно определяет и окрашивает каждый акт нашей существенной деятельности, но горе, если она начинает творить акты из самой себя. Национальное чувство есть в природе то же, что чувство личности живой твари: оно благотворно, пока действует органически. Но точно так же, как чувство личности в человеке, действуя органически, ввне законным инстинктом самосохранения, а пропитавшись сознательностью, превращается в эгоизм, так рассудочная мысль искажает природу национального чувства, возводя его в мнительный, злой и корыстный национализм. Именно так исказилось здоровое национальное чувство в рационалистической Европе нашего времени. Рядом с существенным творчеством народы удручены еще отдельной заботой - об ограждении своей национальности; из элемента, сопричастующего во всяком творчестве, национальность сделалась началом самодовлеющим и почти господствующим, была признана особенной ценностью в числе других культурных ценностей. И эту небывалую ценность народы ревниво охраняют от всевозможных посягательств, и чуть кто-нибудь, идя от своей народности, пройдет мимо, они кидаются на него с оружием, когда им хочется пограбить, они оправдывают свой грабеж мнимыми нуждами своего национального дела. Так призрак стал реальной силой, самой злой и губительной силой нашего века. Народы приносят ему в жертву подлинные ценности, творят его именем величайшие преступления. Разве не во имя сознательного на-

ционализма царская власть душила все малые народности России, Пруссия — познанских поляков, Венгрия — славян? Разве не сознательный национализм превратил балканские государства за последние 10-15 лет в озверелую стаю собак, то грызущихся до полусмерти, то с рычанием зализывающих свои раны? Не этот ли призрак повинен и в мировой войне, не тем, что он толкнул народы на кровопролитие, но тем, что освятил его своим престижем?

...Подобно эгоизму, сознательный национализм непременно жесток и бесчеловечен, потому что он терзаем мнительностью, страхом ущерба... Потому что Молох, признанный богом, тотчас требует себе культа, сообразно с его природой⁴.

Очевидно, у нас есть достаточно оснований утверждать, что именно кишиневская ментальность лежит в основе этой принципиальной позиции, более чем актуальной и в наши дни. А посему вернемся к кишиневскому детству нашего героя. Как многие его сверстники, Гершензон поступил в Первую кишиневскую гимназию, где получил, с одной стороны, основы светского образования, достаточно глубокие, судя по его дальнейшим блистательным успехам в самой широкой гуманитарной сфере, а с другой – уроки этнокультурного общения, ибо среди его соучеников были русские и молдаване, евреи и греки, армяне и немцы. Опять-таки, не будем идеализировать ситуацию. Показательно, что в историческом очерке о деятельности гимназии, в частности, сказано: «Учащихся было в 1875 г. 420 чел., из коих русских – 208, евреев – 103, молдаван – 31, остальное количество распределялось между поляками, болгарами, итальянцами, немцами, армянами, греками и грузинами... Такой значительный наплыв евреев (*по словам автора отчета - Р.К.*) имеет свои дурные стороны: они оказывают далеко не безвредное влияние на остальных учеников, в особенности в низших классах. Евреи смотрят на учение как на средство, пригодное для жизни и потому каждый свой шаг согласуют с этим взглядом. Они вносят в среду учеников-христиан дух торгашества, обмана, изворотливости. Их дурное влияние на учеников низших классов – факт несомненный, и в них отчасти заключается причина того, что воспитание учеников идет весьма туго»⁵.

Оставим без комментариев этот весьма примечательный пассаж, лишний раз напоминающий, что ситуацию не следует идеализировать. Отметим, однако, что, как бы там ни было, из стен Кишиневской гимназии вышло немало выдающихся личностей – врачей, юристов, инженеров, политических деятелей, как, например: Сергей Витте, впоследствии министр финансов, затем премьер-министр Российской империи; Александр Нелидов, впоследствии Чрезвычайный посол России во Франции, известный дипломат; Анатолий Крупенский, впослед-

ледствии Чрезвычайный посол России в Норвегии; Александр Крупенский, камергер Двора, известный политик; первую гимназию окончили два лучших кишиневских градоначальника – Карл Шмидт и Пантелеймон Синадино; среди ее выпускников – Александр Яцимирский, будущий профессор Петербургского университета, замечательный филолог-славист, литературовед, лингвист, культуролог. Все перечисленные имена позволяют уверенно говорить о достаточно высоком уровне образования, которое получил в Кишиневской гимназии, среди прочих выпускников и Михаил Гершензон. Не случайно он сразу стал одним из самых блестящих студентов Московского университета – сказала кишиневская школа!

Как известно, в наследии Гершензона особое место занимает пушкинистика. Истоки этой пушкинистской доминанты следует искать прежде всего опять-таки в кишиневском гимназическом детстве автора.

В осмыслении пушкинского гения Гершензон сказал свое слово, несомненно новое, которое предстает как синтез литературоведческого, источниковедческого и философско-культурологического подходов, объединенных единой исследовательской логикой. Гершензон впервые заговорил о своеобразной многозначности пушкинского текста, доступной лишь вдумчивому исследовательскому взгляду. Такая исследовательская установка не только позволила Гершензону «высветить» в пушкинских творениях многочисленные редуцированные реминисценции, семантические пласты и переклички, дотоле незамеченные специалистами, – она во многом предвосхитила новые перспективы структурно-семиотического анализа текста, столь популярные в двадцатом веке. Кроме того, она позволила увидеть пушкинское наследие в контексте общемирового историко-культурного контекста, включая Гераклита и Библию (гершензоновский трактат «Гольфстрем»).

По воспоминаниям самого Гершензона, его дед по материнской линии Яков Цысин, колоритный старый еврей, знаток и толкователь Торы, был, помимо всего прочего, живым связующим звеном между внуком и Пушкиным, которого он мальчишкой запомнил гуляющим в городском саду в клетчатых панталонах и с тростью. Как нам представляется, именно в этом кишиневском эпизоде, рассказанном глубоким стариком юному внуку, следует искать первотолчок той увлеченности Пушкиным, той в высшей степени оригинальной его интерпретации, которая будет отличать потом все творчество Гершензона; дед с его бесконечными рассказами из библейской истории и мифологически-реальный, житейски достоверный Пушкин с раннего детства выстроились в сознании Гершензона в одну живую связь времен. Эта связь будет творчески реализована много лет спустя, когда он возведет пуш-

кинскую поэтику к библейским истокам, и в этой библейской мудрости увидит «мудрость Пушкина» (именно так – «Мудрость Пушкина» – назовет он впоследствии свое знаменитое исследование).

Здесь, в Кишиневе, он еще раз пересекся с Пушкиным, и эту «встречу» следует считать знаковой, причем ее можно с уверенностью конкретно определить в кишиневском времени-пространстве: это 26 мая 1885 г., день рождения поэта, когда кишиневцы торжественно открыли монумент в парке. В этот день там был весь город, и уж конечно, там был юный гимназист Миша Гершензон, поскольку именно гимназия явилась инициатором создания памятника, который, по первоначальному замыслу, предполагалось даже установить в гимназическом актовом зале. Все эти факты обретают для нас дополнительный обертон как моменты личностного становления будущего выдающегося пушкиниста.

Кишинев не «отпустил» Гершензона и впоследствии, когда он стал одним из лидеров московской интеллектуальной элиты. Не случайно о своем кишиневском детстве он, уже всемирно известный, будет с необыкновенной теплотой вспоминать в своеобразных мемуарах-эссе «Солнце над мглою».

В Москве он встретил свою спутницу жизни, Марию Борисовну Гольденвейзер, которая оказалась родом тоже из Кишинева, как и ее брат, знаменитый пианист Александр Борисович Гольденвейзер.

С Кишиневом связывала Гершензона и его московская покровительница Елизавета Николаевна Орлова (Лили, как ее называли домашние) – верный друг и добрый гений семьи Гершензонов. Аристократка, внучка декабриста Орлова⁶ и хранительница семейных архивов, она доверила эти архивы Гершензону, тем самым погрузив его в атмосферу декабристского движения, Южного общества, Кишиневского отделения Союза Благоденствия и т.д., – всего того, о чем так много, ярко и самобытно напишет впоследствии «кишиневский москвич» Гершензон, житель Арбата, чье детство прошло в Кишиневе, в доме № 111 по улице Николаевской...

Своеобразной иллюстрацией к значимости диалогового мышления, заложенного в бессарабско-кишиневском детстве, может служить также созданная совместно с Вяч. Ивановым знаменитая «Переписка из двух углов» (1922). Напомним вкратце историю создания этого шедевра: после голода и холода лютой московской зимы 1919 г. в июне 1920 г. Иванов и Гершензон, оба в состоянии крайнего физического истощения, с открывшимся туберкулезным процессом, дистрофией и т.д., получили путевки в «санаторий для переутомленных работников умственного труда». (*Sic!*- PK) Т.н. «Санаторий», он же «здравница», находился в самом центре Москвы, в 3-м Неопалимовском переулке

(между Плющихой и Смоленским рынком), и вся суть санаторного лечения заключалась в казенной койке и весьма скромном пайке. Там они оказались в одной комнате, где в противоположных углах стояли две кровати с тощими матрацами и тумбочками.

Владислав Ходасевич, тем же летом побывавший пациентом этой легендарной «здравницы», оставил нам бесценное свидетельство реальной обстановки, в которой зарождалась «Переписка...»: «Гершензон с Вяч. Ивановым жили вместе. В их комнате, влево от двери, стояла кровать Гершензона, рядом небольшой столик. В противоположном углу (по диагонали), возле окна, находились кровать и стол Вяч. Иванова. В углу мятежного Гершензона царил опрятный порядок: чисто постланная постель, немногие, тщательно разложенные вещи на столике. У эллина Вяч. Иванова – все всклокочено, груды книг, бумаги и окурков под слоем пепла и пыли; под книгами – шляпа, на книгах – распоротый пакет табаку»⁷.

К этому времени оба были уже давно признанными лидерами русского Серебряного века. В Питере цвет богемной элиты собирался в знаменитой «башне» у Вяч. Иванова, в Москве – в не менее знаменитом флигеле Гершензона на Арбате; (там, в числе прочего, зародилась идея мятежного сборника "Вехи", взорвавшего русское общественное мнение межреволюционного периода, как его взорвет и «Переписка...»).

Октябрь семнадцатого года перевернул привычный образ жизни столичных интеллектуалов, и вот оба, изможденные физически, но не сломленные духом, встретились в двух углах одной убогой то ли больницы, то ли богадельни. В самой «Переписке...» Гершензон так зафиксировал творческий процесс их специфического диалога:

«Наша случайно начавшаяся переписка из угла в угол начинает меня занимать. Вы помните: в мое отсутствие вы написали мне первое письмо и, уходя, оставили его на моем столе; и я отвечал вам на него, когда вас не было дома. Теперь я пишу при вас, пока вы в тихом раздумьи силитесь мыслью разглядеть жесткие вековые складки Дантовых терцин, чтобы затем, глядя на образец, лепить в русском стихе их подобие... А после обеда мы ляжем каждый на свою кровать, вы с листом, я с маленькой книжкой в кожаном переплете, и вы станете читать мне ваш перевод «Чистилища» — плод уверенного труда, а я буду сверять (с оригиналом) и спорить. И нынче снова, как в прежние дни, я уплююсь густым медом ваших стихов, но и снова испытаю знакомое щемящее чувство»⁸.

Как вспоминал потом, полушутя жалуясь, Гершензон в письмах к другому общему их старому другу Льву Шестову, Иванов первым затеял эту игру ума, «понуждая» приятеля писать ответные письма на

общефилософские темы: «Начал переписку он и стал понуждать меня отвечать ему письменно... я был очень слаб... Но он мучил меня до тех пор, пока я не написал»⁹. Так родилась «Переписка из двух углов», которая затем получила огромный резонанс не только в России, но и во всем мире. О ней писали Г.Марсель и Т.С. Элиот; ее перевел на французский Ф.Мориак, на испанский – Ортега-и-Гассет, на немецкий – Мартин Бубер – имена, к которым мы еще обратимся.

Мир был потрясен тем, как два больных полуголодных интеллектуала в изнуренной разрухой Москве вели поразительный по эмоциональной, философской и культурологической насыщенности диалог о судьбах человеческой цивилизации... Действительно, это не может не вызывать восхищения: живя в голодной, убогой, нищенской обстановке, на краю смерти от истощения, они ни разу не опускаются до обсуждения этих низменных деталей быта. Их не сломленный дух витает в высших сферах, их волнуют вечные проблемы судеб культуры, религии, искусства, а вовсе не собственная бытовая неустроенность. (Меж тем было от чего пасть духом; последствия страшной зимы не замедлили сказаться: так, 8 августа 1920 года умерла от истощения, туберкулеза и атонии желудка жена Иванова. За два дня до смерти ей исполнилось тридцать лет...)

В среде русской интеллектуальной эмиграции «Переписка...» произвела фурор. Любопытно, что при этом у каждого из участников полемики были свои сторонники. Так, М. Цветаевой и Г. Флоровскому¹⁰ однозначно импонировала «прокультурная» позиция Иванова, в то время как Вл. Ходасевич и Л. Шестов¹¹ разделяли так называемые «контркультурные» аргументы Гершензона.

В самом деле, за Ивановым к этому времени среди символистов уже прочно утвердилась слава одного из теоретиков «нового религиозного сознания». Как отмечает современный исследователь творчества Вяч. Иванова В.М. Толмачев, «активность на исходных рубежах именно поэтической рефлексии вызвала трансформацию символизма из литературного явления в культурологическое, а также расколола русских символистов на два лагеря: на тех, кто, подобно французским символистам, в своем индивидуалистическом эстетстве остался «декадентом», и тех, кто вслед за Ивановым, сравнивая поэзию и религию, хотел считать себя... «теургом», предтечей грядущей соборности культуры»¹².

С другой стороны, один из наиболее спорных моментов позиции Гершензона в «Переписке...» – его отношение к культуре, которую он, в отличие от Иванова, видел пребывающей в глубоком кризисе. В частности, Гершензон так размышляет о современном человеке, обремененном обветшавшей, разлагающейся, удушающей, пережившей себя культурой:

«Может быть, человеку нужно было от изначальной свободы пройти через долгий период дисциплины, догматов и законов, чтобы снова, уже иным, выйти в свободу: может быть, так. Но горе поколениям, на чью долю выпал этот средний стадий — путь культуры. Она разлагается изнутри — это мы ясно видим, и она свисает лохмотьями с изможденного духа».

«Я не сужу культуры, я только свидетельствую: мне душно в ней... Это знание не я добыл в живом опыте; оно общее и чужое;... оно соблазном доказательности проникло в мой ум и наполнило его. И потому, что оно общее, сверхлично-доказанное, его бесспорность леденит мою душу. Несметные знания, как миллионы неразрываемых нитей, опутали меня кругом, как безликие, все непреложные, неизбежные до ужаса. И на что они мне? Огромное большинство их мне вовсе не нужно. В любви и страдании мне их не надо, не ими я в роковых ошибках и нечаянных достижениях медленно постигал мое назначение, и в смертный час я, конечно, не вспомню о них. Но, как мусор, они засоряют мой ум, они тут во всякий миг моей жизни и пыльной завесой стоят между мною и моей радостью, моей болью, каждым моим помыслом...»

И далее:

«Культурное наследие» давит на личность тяжестью 60 атмосфер и больше... и разве только крылья гения могут поднять его дух над его отяжелелым сознанием».

И вместе с тем, Гершензон в целом отнюдь не столь категорически пессимистичен. Так, он подчеркивает:

«Но знаю и верю, что возможны иное творчество и другая культура, не замуравливающие каждое познание в догмат; не высушивающие всякое благо в мумию и всякую ценность в фетиш»¹³.

Иванов же утверждает:

«Дорогой друг мой, мы пребываем в одной культурной среде, как обитаем в одной комнате, где есть у каждого свой угол, но широкое окно одно, и одна дверь... Пребывание в одной среде не одинаково для всех жильцов ее и гостей. В одной стихии плавают растворимое вещество и жидкое масло, растут водоросль, коралл и жемчужина, движутся рыба, и кит, и летучая рыба, дельфин и амфибия, и ловец жемчужин — водолаз».

И далее:

«Будем верить в жизнь духа, в святость и посвящения, в незримых святых окрест нас, в бесчисленном слитном сонме подвигающихся душ и бодро пойдем дальше, не озираясь и не оглядываясь, не меря пути, не прислушиваясь к голосам духов усталости и косности о «яде в крови», об «изнеможении в кости». Можно быть веселым странником на

земле, не покидая родного города, и стать нищим в духе, не вовсе забыв самое ученость»¹⁴.

Сейчас, по прошествии восьми с половиной десятилетий, становится очевидной правота *обоих* участников диалога, двух замечательных деятелей культуры, современников, друзей, единомышленников, принадлежавших к разным конфессиям и к различным философским школам, но вместе утвердившим право *другого* на свою позицию, на свой *угол* зрения.

Характерна в этом отношении полушутливая реплика Гершензона в одном из его писем к Иванову:

«Соседушка, мой свет, напрасно маните вы меня ласковыми увещаниями покинуть мой угол и перебраться в ваш. Ваш угол — тоже угол, замкнутый стенами, — свободы в нем нет»¹⁵.

В этом их споре нет и не могло быть победителя и побежденного. Это была их общая победа, — победа духа над бездуховностью, свободы мысли над социальной и политической несвободой. С позиций современности в этом особенно отчетливо видится величие их нравственного, гражданского и интеллектуального подвига.

С позиций завершившегося XX века очевидной становится также особая значимость самой *идеи диалога*, столь блистательно в «Переписке...» реализованной.

И здесь мы переходим к аспекту, на наш взгляд, чрезвычайно важному. Как известно, два мыслителя, гениально воплотивших, каждый по-своему, идею диалогического мышления в гуманитарной культуре XX века, — это Бахтин и Бубер.

Бахтинская концепция диалога достаточно хорошо известна и в данной аудитории не нуждается в подробном изложении. Поэтому в настоящей работе мы сознательно и намеренно выносим за скобки как известные попытки перечеркнуть ценность диалогизма в научном наследии Бахтина, так и догматические апологии его¹⁶.

Объем настоящей статьи не позволяет также подробно остановиться на известных трактатах Мартина Бубера «Я и ты», «Диалог», «Два образа веры», воплотивших его диалогические идеи. Напомним лишь, что, по Буберу, истина не принадлежит одному человеку, как бы он глубоко не ушел в себя в ее поисках. Истина не рождается и в споре, если в этом споре каждый не слушает другого, а лишь отстаивает свое мнение. Истина рождается только в отношениях «*Я – Оно*», преобразованных в «*Я – Ты*», т.е. в диалоге, причем только в таком, когда это диалог любви, а не ненависти. По глубокому убеждению Бубера, только соучастие в бытии других живых существ обнаруживает смысл и основание собственного бытия¹⁷.

В данном случае представляется важным акцентировать внимание на другом, а именно: имеются свидетельства очевидцев и наблюдения исследователей, которые подтверждают, что Бахтин был знаком с буберовской философией диалога и признавался, что испытал ее влияние. Об этом говорит, в частности, такой выдающийся мыслитель современности, как Г.С. Померанц (автору настоящей статьи посчастливилось лично на протяжении ряда лет слушать его блестящие доклады на Международных «Достоевских чтениях» в Санкт-Петербурге)¹⁸.

Вместе с тем, большинство специалистов, касающихся соотношения Бубер – Бахтин, ограничиваются, как правило, беглой и уклончивой констатацией, как, например, это делает известный бахтинист В.С. Библиер, который пишет: «О соотношении Бахтин – Мартин Бубер следовало бы говорить особо, но сейчас это бы нас далеко завело»¹⁹ (отметим в скобках: о соотношении Бубер – Бахтин в современной гуманитарной науке говорят, увы, слишком мало, и, может быть, именно это завело гуманитарное познание в методологический тупик, из которого необходимо искать выход).

Чрезвычайно интересное, но также, к сожалению, беглое наблюдение о соотношении Бубера и Бахтина находим у старейшей американской исследовательницы Достоевского Н. Натовой²⁰.

Причем до настоящего времени никто, насколько нам известно, не отметил следующий принципиально важный момент: есть конкретная общая точка, **непосредственно** объединяющая Бубера и Бахтина в историко-культурном контексте. Эта общая точка – именно «Переписка...» Иванова – Гершензона.

Как известно, Бахтин был близко дружен с Ивановым, писал о нем и т.д. Для нашей темы особенно важно, что в числе гостей, навещавших Иванова в том самом московском «санатории», был и Бахтин, который не только не прошел мимо этого факта, но даже вспоминал и рассказывал о нем много десятилетий спустя, что зафиксировано мемуаристом²¹.

Далее, что касается Бубера. Как уже было упомянуто, именно Бубер впервые перевел «Переписку...» на немецкий. Более того, известно, что в последующий эмигрантский (т.н. «итальянский») период жизни Вяч. Иванова М. Бубер был одним из его гостей в Павии, наряду с Б. Кроче, Т. Уайлдером и др. западноевропейскими интеллектуалами. Кроме того, Лев Шестов, общий друг Иванова и Гершензона, в эмиграции близко сошелся с Бубером – настолько, что даже написал эссе о его трактатах²². Как свидетельствует в своих мемуарах тот же Шестов, Бубер проявлял чрезвычайный интерес именно к «Переписке...» двух российских авторов. В тридцатые годы Бубер познакомился и подружился с другим выдающимся русским мыслителем – Бердяевым. И в

их дружеских беседах также постоянно присутствовала знаменитая «Переписка...».

Таким образом., просматривается чрезвычайно интересная линия творческого воздействия Иванова – Гершензона на Бубера и Бахтина, двух величайших представителей диалогового мышления XX века. Очевидно, можно утверждать, что их концепции в значительной мере наваяны диалогом Гершензона — Иванова. Тем самым выстраивается интеллектуальный полилог Вяч. Иванов – М. Гершензон – М. Бубер – М. Бахтин; добавим сюда такие блистательные имена, как Л. Шестов, Вл. Ходасевич, М. Цветаева, Г. Флоровский, Н. Бердяев, Г. Марсель, Т.С. Элиот; Ф. Мориак, Х. Ортега-и-Гассет, – и мы получаем возможность принципиально по-новому взглянуть на проблемы методологии гуманитарной мысли XX века. Одним из ключевых пунктов, вокруг которого группируются величайшие умы столетия, предстает «Переписка из двух углов», тоненькая книжка на серой бумаге, все масштабы значимости которой нам, очевидно, еще предстоит осмыслить в наступившем XXI веке.

В таком контексте особую исповедальную силу приобретают строки Гершензона, завершающие текст «Переписки»:

«Я живу странно, двойственной жизнью. С детства приобщенный к европейской культуре, я глубоко впитал в себя ее дух и не только совершенно освоился с нею, но и люблю искренно многое в ней, – люблю ее чистоплотность и удобство, люблю науку, искусства, поэзию, Пушкина... Тут я с вами; у нас общий культ духовного служения на культурном торжище, общие навыки и общий язык. Такова моя дневная жизнь. Но в глубине сознания я живу иначе... Я живу, подобно чужеземцу, освоившемуся в чужой стране; любим туземцами и сам их люблю, ревностно тружусь для их блага, болею их болью и радуюсь их радостью, но и знаю себя чужим, тайно грущу о полях моей родины, о ее иной весне, о запахе ее цветов и говоре ее женщин. Где моя родина? Я не увижу ее, умру на чужбине. Минутами я так страстно тоскую о ней! ...

Вы, мой друг, – в родном краю; ваше сердце здесь же, где ваш дом, ваше небо – над этой землей. Ваш дух не раздвоен, и эта цельность чарует меня... И потому я думаю, что в доме Отца нам с вами приготовлена одна обитель, хоть здесь, на земле, мы сидим упрямо каждый в своем углу и спорим из-за культуры»²³.

В контексте этого исповедального признания отдельный интерес приобретает проблема этнокультурной самоидентификации, проблема соотношения, условно говоря, бессарабско-еврейского, русского и общечеловеческого начал в ментальности Гершензона. Сложность и благородство его жизненной и творческой позиции заключались в том,

что, став признанным лидером элиты российского интеллектуального сообщества, он вместе с тем не переставал воспринимать себя бессарабским иудеем, кишиневским мальчиком, лично ответственным за судьбы мировой культуры. И говор бессарабских женщин, как и аромат бессарабских цветов, всегда оставался самой потаенной частью его личности...

Быть может, такая толерантная творческая позиция, в основе которой лежит диалоговая бессарабско-кишиневская ментальность, таит в себе один из путей решения сложнейших этнокультурных коллизий, которыми полна современная жизнь любого многонационального социума.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробнее см. в ст. *Клейман Р.Я.* Возвращение Гершензона / *Гершензон М.О.* Очерки прошлого. Кишинев, 2003. С. 406-445. *Она же.* «Гольфстремы» и «заводы» русской словесности в системе творческих констант Гершензона. // Современная филология: итоги и перспективы. Ин-т рус. яз. им. Пушкина. Сб. науч. трудов. М., 2005. С. 198-212.

2. Подробнее см.: *Коварская Б.П.* Кишиневское еврейское общественное училище // Евреи в духовной жизни Молдовы. Кишинев, 1977. С. 172-182.

3. *Гершензон М.О.* Очерки прошлого. Кишинев, 2003. С. 299-300.

4. Там же. С. 313-315.

5. См.: Кишиневская областная, впоследствии губернская, ныне Первая гимназия. Историко-статистический очерк за 75-летие ее существования (1833, 12 сентября – 1908, 12 сентября). Кишинев, Тип. Бессарабского Губернского правления, 1908. С.114. – упоминание о братьях Гершензонах, выпускниках 1887 г. Экземпляр этой книги, любезно переданный нам внучкой М.О. Гершензона акад. М.А. Чегодаевой, хранился в его библиотеке, свидетельствуя о неравнодушии Михаила Осиповича к своему кишиневскому ученичеству.

6. См.: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1976. С. 293.

7. *Ходасевич Вл.* Здравница // Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, 1954. С. 378-379.

8. Здесь и далее текст «Переписки...» цит. по: *Гершензон М.О.* Очерки прошлого. Кишинев, 2003. С. 360.

9. *Гершензон М.О.* Письма к Льву Шестову (1920–1925) // Минувшее: Исторический альманах. М., 1992. С. 263.

10. См.: *Флоровский Г.* В мире исканий и блужданий. Знаменательный спор. // Русская мысль. 1922. № 4.

11. См.: *Шестов Л.* О вечной книге. Памяти М. Гершензона // Умозрение и откровение. Париж, 1925.

12. *Толмачев В.М.* Саламандра в огне. О творчестве Вяч. Иванова // *Иванов Вяч.* Родное и вселенское. М., 1994. С. 7-8.

13. *Гершензон М.О.* Указ. изд. С. 361, 364, 363.

14. Там же. С. 364

15. Там же. С. 367.

16. Назовем только одну работу, которая представляется нам достаточно объективной: *Перлина Н.* Диалог о диалоге: Бахтин — Виноградов, 1924-1965 // Бахтинология. СПб, 1995. С. 167 и далее.

17. См.: *Бубер М.* Два образа веры. М., 1995.

18. Подробнее о взглядах Г.С. Померанца на бахтинскую и буберовскую концепции диалога см., в частности: *Померанц Г.С.* Открытость бездне: встречи с Достоевским. М., 1990. С. 18 и далее; *он же.* Встречи с Бубером // *Бубер М.* Два образа веры. М., 1995. С. 3–14.

19. *Библер В.С.* Михаил Михайлович Бахтин или поэтика культуры. М., Прогресс, 1991. С. 33.

20. См.: *Натова Н.* Философия поступков и проблемы ее реализации // *Dostoevsky Studies.* Vol. 11. № 1. 1998. С. 13.

21. См.: *Дувакин В. Д.* Беседы с М.М. Бахтиным. М., 1996. С. 77-80.

22. См.: *Шестов Л.* Мартин Бубер // *Бубер М.* Два образа веры. М., 1995. С. 421-431.

23. *Гершензон М.О.* Указ. изд. С. 395.

Сайт «Русины Молдавии»:

<http://www.rusyn.md>

Русины Молдавии

Общественная
организация

На сайте размещены книга «Осколки Святой Руси» (pdf), журналы «Русин» № 1-2 за 2005 год, № 1-4 за 2006 год (pdf), а также монографии и статьи по истории и культуре русинов Молдавии.

Дан ХАЙДАРЛЫ

МОЛДАВСКО-НОГАЙСКАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ГРАНИЦА В ПРУТО-ДНЕСТРОВСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ В XVIII в.

На протяжении XVIII в. представляется возможным выделить два этнически отличающихся один от другого района Пруто-Днестровского междуречья. Первый – это центральная часть междуречья; здесь этническое большинство составляли молдаване. Второй – это Буджак, где проживали ногайцы, а также турки; молдаване обитали только в отдельных частях района. Кроме того, в обоих районах обитали и представители других этнических групп.

Зоны расселения основных этнических групп в значительной степени определялись конфигурацией государственных и территориально-административных границ. Пруто-Днестровское междуречье было разделено границей, установленной около 1666 года, отделявшей территорию, находившуюся под юрисдикцией молдавского господаря, где проживали в основном молдаване, от земель, где обитало большей частью кочевое и полукочевое население, а именно – ногайцы так называемой Буджакской орды, являвшиеся подданными крымского хана. Граница эта, носившая условное название “граница Халил-паши”¹, пролегла от места впадения речки Ялпуг в Ялпугский лиман, шла к северу вдоль речки Ялпуг до пересечения ее с древним земляным сооружением, известным под названием Верхний Траянов вал, и далее пролегла с запада на восток вдоль этого вала до точки его пересечения с речкой Ботна; восточнее располагался район Бендерской райи².

Помимо того, в южной части междуречья, то есть в области, именованной, начиная с XVIII в., Буджаком, отдельными территориально-административными единицами являлись кадиаты и округа, так называемые “райи”, прилегавшие к крепостям, находившимся под непосредственным управлением турецких властей, – Килие, Аккерману, Бендерам и Измаилу³. Этнический состав населения здесь был достаточно пестрым. Вдоль правого берега Днестра, ниже округа Бендерской райи, располагался район так называемых “ханских сел” (Чобручи, Раскаецы, Малкоч и др.)⁴ с преимущественно молдавским населением, находившийся под юрисдикцией крымского хана. Несколько мол-

давских сел было в округе райи (кадиата) Аккерман (села Пуркары, Оланешты, Паланка и др.)⁵.

Имевшиеся на начало века границы, по идее, обозначали и должны были отражать и этногеографическую ситуацию в регионе. Однако в действительности этническая граница между молдавским и ногайским населением претерпевала на протяжении рассматриваемого периода существенные изменения. Причиной тому было постоянное давление, которое оказывали ногайские орды на юго-восточные границы Молдавского княжества, проводя здесь, по сути, политику демографической экспансии и отторгая от Молдавии большие пространства земли. Ногайцы выработали своеобразную тактику захватов. При удачно сложившейся обстановке (во время войн либо бунтов ногайских орд) они вначале нападали на приграничные районы, грабили их, а часть жителей уводили в рабство. Те, кому удавалось спастись, уходили на север. Вслед за тем ногайцы ходатайствовали перед Портой о присоединении опустошенной территории к своим владениям под предлогом того, что им не хватает земли, а по соседству пустуют большие пространства.

Эти ходатайства зачастую имели успех. События подобного характера имели место в регионе в ходе антитурецких войн европейских государств, происходивших в 1672-1676 гг., 1683-1699 гг., 1710-1711 гг., 1735-1739 гг., а также ногайских бунтов 1699-1703 гг., 1727-1728 гг., 1758 г. Упомянутые бунты ногайских орд обычно провоцировались именно попытками молдавских властей выдворить ногайцев с захваченных ими территорий за пределы «границы Халилпаши», то есть в Буджак. Однако что представляли собой эти захваченные ногайцами территории, являвшиеся предметом споров на протяжении XVIII века?

Ключевыми в этом отношении явились военно-политические события 1711 г., когда после Прутской кампании Петра I ногайцы подвергли опустошению Молдавское княжество и захватили территорию так называемой «двухчасовой зоны» площадью свыше 1600 квадратных километров из состава молдавских цинутов (уездов) – Лапушнянского, Орхейского и Кигеческого⁶. Попытки молдавских господарей по выдворению ногайцев с захваченных ими земель, предпринятые ими в 1719 г.⁷ и в 1727 г.⁸, спровоцировали бунт ногайской орды⁹ и вслед за тем длительные дипломатические дебаты. В результате этих дебатов, завершившихся в Константинополе в 1731 г. (причем, арбитром являлся великий визирь империи)¹⁰, было признано формальное юридическое право молдавского господаря на владение «двухчасовой зоной», однако фактически она осталась во владении ногайцев, которые обязались выплачивать господарю лишь определенную компенсацию за

пользование земель. Ногайцы проводят здесь активную колонизационную политику, постепенно полностью вытеснив отсюда молдавское население и основав здесь ряд сел. Среди этих сел в документах отмечаются такие, как Конгаз, Копчак, Чумай, Чемишлы, Баурчи и др.¹¹

Однако и граница «двухчасовой зоны» не явилась пределом распространения ногайцев. Природно-ландшафтная специфика территорий, расположенных к северо-западу и к северу от Буджакской степи, подходила ногайцам. Они проникали из Буджака в сердце Кодр через долины речек Сарата, Ялпуг, Когылник, Ботна и Ботнишоара, Бык и Ишновец¹². Вследствие этого на внешней границе «двухчасовой зоны» возникают районы, занятые вперемешку молдаванами и ногайцами. Демографическую структуру этой области определяли редкие молдавские села, которые уцелели, либо были вновь основаны вблизи лесных массивов, а также жилища ногайцев в поросших травой долинах. Практически вся территория, вплоть до реки Прут на западе и лишь немного не достигая окрестностей населенного пункта Кишинев на севере, входила в зону демографической экспансии ногайцев¹³. Топонимика территорий, прилегающих к современным населенным пунктам Леово, Кантемир, Кагул и Вулканешты, включает тюркские элементы. В качестве ногайских поселений, из числа наиболее значительных, самими ногайцами здесь были аттестованы, что отражено в российских документах того времени, села Казанджик, Томай, (на территории, прилегающей к Леово), Чебалакчия, Гартаул (Гарта-Оглу) вблизи современного Кантемира¹⁴. Эти деревни, заселенные ногайцами, были расположены к западу от «двухчасовой зоны». Таким образом, в районе продолжался процесс вытеснения молдавского населения ногайскими этническим элементом.

Неизвестно, как далеко зашли бы подобные процессы в пределах Пруто-Днестровского междуречья при сохранении в регионе политического контроля османов. Поворотным пунктом в эволюции данных процессов явились русско-турецкие войны 1768-1774 гг. и 1787-1791 гг. С августа 1770 г.¹⁵ командующий русскими войсками граф П. Панин начинает перевод ногайцев из Буджака на восток – в Крым и на Кубань. Значительная часть ногайского населения мигрировала также за Дунай – в Добруджу и в направлении Турции. Снижение плотности ногайского населения на юге Пруто-Днестровского междуречья позволило властям Молдавского княжества приступить к вытеснению ногайцев со спорных территорий. Наибольший успех был достигнут в 1774 г., когда ногайцы были вытеснены из северного участка «двухчасовой зоны», где был образован так называемый Хотарничанский (то есть Пограничный) цинут¹⁶.

Эти границы в основных чертах и ныне определяют этногеографические пределы компактного проживания молдавского населения на юге Пруто-Днестровского междуречья. Снижение плотности ногайского населения открыло широкие возможности для освоения обширных районов центра и юга Пруто-Днестровского междуречья представителями оседлых народов, что само по себе было, разумеется, прогрессивным явлением. Последние ногайцы в количестве 6353 душ¹⁷ обоего пола были переведены русским командованием из Буджака для поселения в Крым, Екатеринославскую и Херсонскую губернии в 1807 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Documente turcești privind istoria României. Vol I. Ed. M. Mehmet. București, 1976. P. 270-285.

2. *Năstase Gh.* Notarul lui Halil pașa și cele 2 ceasuri. Buletinul societății regale române de geografie. V.L. 1931. Chișinău, 1932. P. 208-214.

3. Cronici turcești privind țările române. VIII. Ed. M. Mehmet. București, 1980. P. 203-206.

4. *Ляскоронский Т.* Гильом Левассер де Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России, Киев, 1901.

5. *Călători străini despre țările române.* V. 5. București, 1973. P. 448.

6. *Ghibănescu Gh.* Hrisov din 1754. Arhiva. Iași, 1897. Nr. 5-6. P. 364.

7. Cronica Ghiculeștilor. Istoria Moldovei (1695-1754). Ed. Camariano N., Camariano-Cioran A. București, 1965. P. 231-233.

8. Cronici turcești privind țările române. VIII. București, 1980. P. 249.

9. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 89, Оп. 1. Д. 2/1727. Л. 17, 17 об.

10. Cronica Ghiculeștilor P. 331-335.

11. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА), Ф.14209. Оп. 5/165. Д.29. Л. 3 об.

12. АВПРИ. Ф. 112. Оп. 1. Дела Едисанских, Ембулуцких и др. татар. Д. 1/1761. Л. 1. 1 об., 2.

13. «Татары ногайские к Пруту со своим скотом перебрались. Рапорт от 23 января 1739». АВПРИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 19/1739. Л.155; «А Орак оглу с Мембет оглоу и некоторыми ногайцами которые имеют по над Прутом тысячи в четыре. Рапорт от 10 января 1739». Л. 75 об.; «Ногайцы возле Прута об.ретаются в февале». Л. 360 об.

14. РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Д. 29. Л. 2 об.-3 об..

15. АВПРИ. Ф. 112. Оп. 2. Д.1/1768, 1775, «Дела четырех орд: Едисанской, Буджакской, Джамбуйлуцкой, Едичкульской». Л. 22 об., 32, 67 об.

16. *Năstase Gh.* «Notarul lui Halil pașa și cele 2 ceasuri». Buletinul societății regale române de geografie, V.L, 1932. Chișinău, 1933. P. 207-214.

17. *Скальковский А.А.* Хронологическое об.озрение истории Новороссийского края. 1730-1823. Ч.2. Одесса, 1838. С. 126.

Прот. Димитрий СИДОР

КАРПАТСКАЯ РУСЬ – ИЗНАЧАЛЬНАЯ РУСЬ!*

Карпато-Русь заставили забыть
Тех киевских и московских «русов»,
Чтоб Русь Святу навек разъединить,
Иуд поднять, а с русских сделать трусов!
Но память русов-русин хранит Бог!
Их укрепил Христос любовью освященной,
В вершинах гор - Карпатских душ живет,
Свят-жемчуг русскости неразделенной!

Русин Д. Воздвиженский

В летописях находим упоминание о русах, угринах, о Угорских горах, но мало кто обращал на это должное внимание, откуда и почему эти названия появились.

Например, известно, что первые русы-христиане в Киевской Руси появились во времена правления князя Игоря, о чем свидетельствует текст договора Руси с греками, где христианской тогда была часть пришедшей варяжской княжеской дружины. Причем летописец подчеркивает: «Было много христиан среди (пришедших) варягов». Но откуда они пришли, летописец не говорит прямо. Более того, у пришедших русов-христиан была и своя сфера влияния – соборная церковь в Киеве — церковь св. Ильи. Если это была соборная церковь, то вокруг нее были и рядовые храмы русо-русинов-христиан. А значит, с ними считались киевляне.

Сообщается, что против «льстивых» греков русы-христиане и местные киевские язычники выступали совместно, и больших противоречий на религиозной основе внутри «рода русьского» вроде бы не было. Но это вряд ли было так. Ведь было же различие в форме принесения клятвы - пришедшие русы-христиане приносили клятву именем Христа, а местные киевские язычники клялись своим божком Перуном и своим же оружием. При этом местные киевляне-язычники не прочь были приносить и человеческие жертвы из числа христиан.

* Выступление на Международной конференции «Москва - III Рим». Саров. Декабрь 2006.

Так как и откуда появились первые русы-христиане в Киеве? Почему этот вопрос и летописец обходит, и то же делают сегодня киево-московские историки-норманисты? Несомненно, что это были те самые русы-русины, которые, начиная с 40-х годов X века, особенно после 863 года, переселялись по разным причинам в Приднепровье из Моравии и Карпатской Руси, территории, входившей тогда в состав Болгарского царства. Только они могли быть на тот момент уже крещенными от свв. Кирилла и Мефодия и, перебравшись в Киев, создать влиятельную христианскую общину в Киеве. Именно к середине X в. относятся погребения по христианскому обряду, часто практиковавшиеся в Киеве, а подобное есть только в христианских погребениях Моравии и Карпатской Руси. Никаких связей с новгородскими словенами в то время не было, ибо христианство придет в Новгород после 988 года, и то «с огнем и мечем» Путяты.

На будущую Русь, согласно летописи преп. Нестора, приглашают «менеджера» Рюрика править государством. Но вместо внятного правления «менеджер» приезжает с «латышскими стрельцами» и фактически захватывает власть. Его потомок злодейски убивает киевских князей Аскольда и Дира, и это летописец особо не осуждает.

Ясно и то, что «менеджер» Рюрик не принес в Новгород и Киев этноним Русь, русин, тем более не принес с собой ни письменность, ни источник новой духовной культуры – Крещение Руси. Род Рюриковичей вроде бы силой меча объединяет Русь, но это только на время и то только внешне. Очень скоро слабо объединенная страна легко распадется на противоборствующие княжества. Шла братоубийственная война потомков приглашенного «менеджера». Нет веских доказательств о сильном древнерусском государстве до принятия христианства Русью. По крайней мере, это была скорее старорусская земля, готовившаяся принять семена православия и возродить к жизни уникальный духовный род русский. И в этом в самом начале, определяющем будущие судьбы русских, русы-русины из Карпатской Руси сыграли свою важную роль.

В 959 г. княгиня Ольга, познакомившись с христианством в Киеве от пришлых русов-христиан, побывала в Византии и только там крестилась в христианскую веру, частью и по политическим соображениям, получивши в крещении имя Елены. Но сын Ольги, князь Святослав, не захотел пока принимать христианской веры и до конца жизни оставался киевлянином-язычником. Убежденным язычником в первые годы правления был и киевский князь Владимир. Более того, Владимир провел реформу киевского язычества. Как рассказывает летопись, сразу же после принятия власти Владимир установил на киевском холме, близ своего дворца, изображение шести языческих богов — Перу-

на, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоши (как некий «Пантеон Владимира», в котором главным богом киевский князь объявил Перуна). Таким образом, Владимир попытался объединить различные языческие культы жителей Киевской Руси под главенством бога княжеской дружины Перуна, а Киев превратить в главный языческий культовый центр великой части только еще формировавшейся будущей Киевской державы. Но безуспешно.

Вероятно, после смерти Ольги в Киеве могли быть гонения против христиан. Есть известия, что христианская община снова укрепилась при Ярополке, а пришлые русы-христиане и часть местных поддерживали этого князя, считавшегося с мнением и влиянием христиан.

Поэтому, вполне возможно, что киевский храм разрушил именно князь Владимир, победивший брата Ярополка (уважавшего христиан) и видевший в пришлых «иноверных и иноплеменных» русах-христианах своих возможных врагов. Вряд ли он мог бояться своих местных христиан-киевлян. В таком случае, использование обломков христианской церкви для создания языческого святилища, пишут исследователи, имело глубокий символический антихристианский смысл.

В начале своего правления Владимир рассматривал пришлое русо-христианство как однозначно некую «враждебную религию», носители которой были большей частью пришлые из Моравии и Карпатской Руси русы-угрины.

Он мог русов-угринов немного и бояться, ибо Киев с ужасом помнил, как недавно полчища мадьяр, поселившись южнее, грозили существованию державы. От страха киевляне те места, где побывали мадьяры, стали именовать угорскими. По совместному замыслу с хазарами киевляне хитро от себя препровождают мадьяр за Карпатские горы на голову русинам, со страху назвав в летописях эти горы Угорскими.

Влияние русов-русинов возросло в Киеве необычайно в период Крещения Киевской Руси. Ведь греки, крестившие киевлян, не могли знать славянорусский (древнерусинский) язык. Тут свою лепту внесли и местные русы-русины, и приглашенные из Болгарии официально священники и миссионеры угрины-русины с славянскими богослужебными книгами.

Есть и косвенное подтверждение о влиянии русов-русинов на князя Владимира, который оставался пока язычником и в личной жизни. Он имел пять законных жен — полочанку Рогнеду, некую чешку, «грекиню», вдову убитого Ярополка, еще одну (!) «чехиню» (так чешек зовут доньше только русины Закарпатья; возможно она, могла быть русинкой из Карпатской Руси). Последней его женой стала византийская царевна Анна. Показателен случай о слепоте киевлян-язычников в то

время, когда в Моравии и Карпатской Руси уже звучала проповедь Кирилла и Мефодия и люди принимали христианство и имели письменность. Через 100 лет после начала проповеди святых на Карпатской Руси (863 г.) при князе Владимире в Киеве имел еще место факт человеческих жертвоприношений. Заметим, что это не было актом гонения на христиан, а доказанным фактом гнусного варварства киевских язычников.

Киевские историки пытаются хоть как-то загладить это поведение киевлян и решили связать эти жертвоприношения людей в Киеве с восстанием славян-язычников в Южной Прибалтике в 983 г. Оно будто бы явилось следствием насильственной христианизации Руси. Исследователи считают, что «видимо, киевские язычники продолжали поддерживать связи с прибалтийскими славянами, чья ненависть к христианам нашла отклик и в Киеве». Но это шаткое предположение, поскольку гонение на христиан – это одно, а кидать жребий на принесение человеческих жертвоприношений – совсем другое и очень страшное.

Еще в первые годы после принятия христианства в Киевской Руси, особенно в Десятинной церкви, поддерживался пришлыми русами-христианами особый культ святого Климента, мощи которого святые братья Кирилл и Мефодий принесли в Рим в дар Папе римскому. Особое почитание святого Климента Римского в раннем «русьском» христианстве свидетельствует о том, что в конце X - начале XI в. в Киевской Руси ведущей была Карпато-русская кирилло-мефодиевская традиция, которая поддерживалась соборным храмом пророка Илии. И киевляне через это могли иметь добрую память о Карпатской Руси и о трудах русов-русинов в деле Крещения Руси.

Не случайно та часть святых мощей святого Климента и его ученика Фивы, которую вывез из Корсуни в Киев князь Владимир, бережно хранилась в Десятинной церкви в особом приделе в честь святого Климента. Вероятно, в этом храме хранилось правдивое предание о крещении Киева и о священниках-угринах из Карпатской Руси, подданных Болгарского царства. Тут себя свободнее могли чувствовать гости из «запада». Обратим внимание и на то, что мозаичное изображение святого Климента Римского присутствует даже в киевском Софийском соборе. В XI в. Климент Римский почитался пока как главный «заступник» всей Русьской земли и «русьского народа». И даже в XII в. к святому Клименту обращались еще в тех случаях, когда необходимо было подчеркнуть независимость Русской церкви от Константинополя. В 1147 г. «честной главой» мощей Климента предлагалось венчать в киевские митрополиты Климента Смолятича без утверждения на то в Константинополе. Но это вряд ли могло нравиться грекам-

митрополитам и патриархам Царьграда, когда римский святой Климент доминирует на Руси как подведомственной территории Византии.

Постепенное оттеснение культа Климента Римского на Руси началось с 80-х гг. XI в. В этом стало заинтересовано новое греческое руководство Русской церкви, стремившееся вытеснить карпатское кирилло-мефодиевское наследие и утвердить на Руси иную — византийскую традицию. Карпатская Русь переставала быть прежним мостом, связывающим с Византией, да и сама она постепенно стала подпадать под влияние мадяров. Интересно, что культ Климента заменяется культом Николая Чудотворца, который особенно поддерживался митрополитами-греками не потому, чтобы уменьшить честь св. Климента, а за то, что он весьма открыто напоминал митрополитам грекам о карпатском начале Святой Руси. А Карпатская Русь была очень близко к Риму, где появился официальный раскол церкви. Хотя официально западная часть церкви - Римская - отошла от святого православия в 1051 году, этот раскол начался реально еще в 860-х годах, именно в период проповеди свв. Кирилла и Мефодия в Моравии. Греко-славянские священники Мефодий и Кирилл (ученики патриарха Фотия, с которым вел войну папа Николай) хорошо об этом знали и дипломатически еще в Константинополе задумали принять епископство из рук именно Римского папы, чтобы проповедовать в Моравии на законных канонических основаниях. Но при этом ввести богослужение на славянском языке и подчинить Карпатскую Русь и Моравию влиянию Византии.

Вероятно, чтобы уберечь Киевскую Русь от влияния карпаторусской кирилло-мефодиевской традиции и через это, как думали греки, и вредного влияния Запада, пришлось грекам приглушать память киевлян о Карпатской Руси и о их участии в Крещении Руси.

В сказании «Чудо о некоем детище утопшем» показывалось, что теперь не св. Климент, а уже святитель Николай проявил себя защитником и спасителем «русских людей», а значит, взял под свое чудесное покровительство и саму Русь.

Действительно, у русинов сохранялось более лояльное, нежели у византийцев, отношение к Римской церкви, которое имелось и киевских церковнослужителей, поддерживавших принципы карпатской кирилло-мефодиевской традиции. Кроме того, многие древнерусские князья были связаны с западноевропейскими княжескими и королевскими родами династическими узами. Поэтому могло иногда проявляться желание «русских князей» показать Западу некую свою независимость от Константинополя.

За это греки стремились ослабить влияние раннего русского христианства, близкого к карпаторусской кирилло-мефодиевской традиции,

культ св. Николая стал вытеснять почитание святого Климента, а значение Софийского собора как главного храма Киевской Руси постепенно стало вытеснять такое же значение Десятинной церкви, напавшей им о Карпатской Руси.

Позже, после XIV века, Московская Русь тем более не хотела вспоминать о Карпатской Руси, ибо мадьяры на то время уже приняли католичество, а Юго-Западная Русь отходила под влияние Польши.

А как могла великая Москва допустить даже мысль, что имеет свое духовное начало из «каких-то Угорских (мадьярских) земель, если и сама часто бывала оккупирована»? Выход был найден позже в норманнской теории: начало Руси было объявлено не через Карпатскую Русь, а через Север – из Новгорода!

Польская Речь Посполитая, цепко державшая в своих объятиях половину Малороссии и Галичину, также формировала историю Киевской Руси под себя! А потому не могло быть речи, чтобы поляки допустили начало Руси с Московского Севера. В Малороссии считалось, что слово Русь произошло только от киевской речки Рось. Киевская Русь, внушалось людям поляками, началась в лоне Великой Польши-Речи-Посполитой, а не из презренных Угорских-мадьярских гор или из ненавистной Северной Московии.

Так Великая Русь (Киевская и Московская) постепенно стала забываться, а потом и вовсе забыла о Карпатской Руси как о духовно-национальном мосте, через который пришли на Киевскую и Московскую Русь христианство и славянская письменность. Но самое главное, Московская Русь потеряла Карпатскую Русь как духовно-историческое звено, связующее ее с Византией, преемницей которой она стала – III Рим.

Сама же Карпатская Русь, в отличие от Великой Руси, превращенной врагами в XX веке в Советский Союз, помнит до сего дня о своих русьских-русинских корнях. Но потом большевики каленым железом вытравливали и из карпатских русинов «русскость» и православность уже в пределах СССР, оккупировав и силой присоединив часть исторических земель Карпатской Руси в 1944-1946 годах.

Ослепленная большевиками, уже не русская, а российская историческая наука, также похоронила русинов в центре Европы как свидетелей связующего звена Москвы с Византией. Такая уж судьба у свидетелей – жить в опасности быть похороненными врагами-норманистами.

Та же самая ослепленность постигла и украинскую историческую науку, сотканную из примитивных различных мифов и политических новоимперских домыслов, где придуман миф о Великой Украине (от Татр до Кавказа и от Новгорода до Крыма), а этноним «русин» объяв-

лен, с одной стороны, только бывшим украинским, а с другой – почти запрещен к упоминанию. Вот откуда у русинов Закарпатья и сегодня такие же проблемы с украинскими националистами, какие были с мадьярами, чехами и с большевиками СССР и норманистами в России.

Жаль, что подобные наши местные слепцы-антирусины считаются даже патриотами Украины, но реально разрушают международный имидж страны.

Весь мир уже восстал против нарушения прав русинов в Украине. Пробуждается и Россия. В августе месяце 2006 года ООН строго и настойчиво порекомендовала Украине признать права и свободы подкарпатских русинов Закарпатья. Этого же требуют и условия вступления Украины в СОТ.

Итак, русины все равно добьются своего признания и реализации своих конституционных прав и свобод, а антирусины спешно уже думают менять свои янычарские одежды на прорусинские.

Мы же, русины, и после признания и регистрации нашей русинской национальности (и как коренного народа в Закарпатье), останемся и далее такими же этномирными и веротерпимыми, какими мы были последние 1100 лет. Такими знают нас Россия, Европа и Америка. Такими знает нас и лучшая часть граждан Украины.

Уж если быть справедливым к фактам истории, где русины имели государственность с 1918 до 1946 года, т.е. раньше независимой Украины на 50 лет, то известное приветствие должно бы звучать так: Слава Руси-Украине и Матери ее Карпатской Руси! А Москве быть Третьим Римом, если только она восстановит свою национальную память и попытается найти утерянное духовно-историческое звено – Карпатскую Русь и живых свидетелей древней неразделенной русскости русинов Закарпатья!

Сайт подкарпатского общества имени Кирилла и Мефодия <http://karpatorusyns.org>

Я русинь быль, емь и буду... А.Духнович

Михаил ДРОНОВ

ИЗ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКО- РУСИНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ (до 30-х гг. XX в.)¹

Белорусы и русины не имеют общего этнического пограничья. Несмотря на это, у них много общего. И те, и другие принадлежат к восточному славянству. О предполагаемом родстве двух народов свидетельствует даже общий корень в их современных этнонимах – *рус-*. В данной связи примечательно, что первоначально этноним *русины* бртовал на большей части территории Древней Руси, а не только в Карпатском регионе². Не стали исключением будущие белорусские земли. К слову, русином себя называл относимый сегодня к белорусам восточнославянский первопечатник полочанин Франциск Скорина (до 1490 – не позднее 1551)³. Наименование русинами белорусов в отдельных случаях можно встретить даже применительно ко второй половине XIX века⁴. Хотя справедливости ради отметим, что на русинских территориях в то же время был более распространен этноним *руснаки*⁵.

Во избежание терминологической неразберихи следует отметить, что как белорусы, так и русины в нынешнем понимании явились продуктом определенных национальных проектов, имеющих хронологические точки отсчета и не всегда полностью распространяющихся на декларирующиеся «своими» этнические массивы. Было бы прегрешением против истины искать белорусское или русинское национальное самосознание в знакомом нам виде у деятелей прошлого. Особенно у тех из них, которые жили в донациональную эпоху или сознательно препятствовали формированию этих народов как самостоятельных единиц восточного славянства – т.е. сторонников польскости и западнороссийства в белорусском случае, русофильства (москвофильства) и украинофильства в русинском. Примечательно, что в разных регионах и с разной силой эти альтернативные концепции дают о себе знать до сего дня. Поэтому, учитывая, что «сознательные» белорусы и русины не исчерпывают всех потенциальных представителей этих народов, для упрощения повествования здесь и далее под белорусами и русинами мы будем подразумевать носителей соответствующих языковых и этнографических характеристик вне зависимости от их собственных этнонациональных представлений.

Для лучшего понимания этноязыковой дистанции между белорусами и русинами, думается, сперва имеет смысл обратиться к изысканиям выдающегося украинского языковеда Юрия Шевелёва (1908-2002). Согласно выводам последнего, сложению украинского и белорусского языков (как диалектных массивов) предшествовало существование двух родственных диалектных групп – северной и южной. Слияние южной группы с южной частью северной стало основой украинского языка, дальнейшее развитие северной части северной группы – белорусского⁶. Именно это хорошо объясняет своеобразие северного (полесского) наречия украинского языка. В этом контексте интересно, что, хотя сам Шевелёв относил говоры, понимаемые нами как русинские, к юго-западному наречию, некоторые ученые начала прошлого века (к примеру, А.И. Соболевский (1856/7-1929) считали речь Угорской Руси, т.е. главной части русинского ареала, северномалорусской⁷. Вопреки географической удаленности Карпат и Полесья, в пользу этого спорного мнения могли бы говорить исследования переселенческих процессов. Так, поразительные параллели между топонимикой Закарпатья и Житомирщины приводит ужгородский историк Сергей Федака⁸. Предполагать северноукраинский или непосредственно белорусский корень можно даже в истории конкретных подкарпатских русинских родов, генеология которых сравнительно хорошо изучена⁹.

Такие же невидимые нити связывают с северными украинцами и белорусами и географически к ним более близкую прикарпатскую часть русинской этнической территории – лемков. Именно белорусов видел в первых восточнославянских поселенцах Шляхтовой, одного из самых западных сел Галицкой Лемковщины¹⁰, Николай Малиняк (1851-1915)¹¹. О пришельцах белорусах из-за Припяти, принимавших участие в этногенезе лемков, говорит также известный исследователь лемковской культуры Иван Красовский¹².

Богатый материал предоставляет имеющее уже длительную историю сравнение фольклора белорусов и русинов, которое свидетельствует о близкородственности многих элементов.

Все это говорит о достаточно древних, хотя пока что весьма приблизительно сформулированных белорусско-русинских связях и параллелях.

Правда, неверно и преувеличивать близость белорусов и русинов. Почти как парадокс вошла в историю науки попытка крупного галицкого этнографа Владимира Гнатюка (1871-1926) применить некоторые формальные сходства между переходными украинско-белорусскими говорами и речью воеводинских русинов для доказательства восточнославянскости последней¹³. Сегодня очевидно, что, в отличие от большинства русинских диалектов и литературных языков, в структуре

«бачваньского русского языка» доминируют западнославянские (конкретно восточнословацкие) элементы¹⁴. Далеко не все общие черты в материальной и духовной культуре обоих народов целесообразно объяснять методами диффузионизма: что-то можно отнести к общей славянской архаике, особенно хорошо сохранившейся как раз в Карпатах и Полесье, а что-то, вполне вероятно, могло возникнуть параллельно, изолированно друг от друга.

Важной предпосылкой белорусуско-русинских культурных контактов, несомненно, явилась принадлежность подавляющего большинства белорусов и абсолютного большинства русинов к миру *Slavia Orthodoxa*, причем конкретно к той его части, которая непосредственно граничит с миром *Slavia Romana*. Вплоть до Брестской унии 1596 г. (а по мнению канадского историка Александра Барана, и позднее) Мукачевская епископская кафедра подчинялась Киевской митрополии¹⁵, в которую также входили материнская по отношению к Мукачевской Перемышльская епархия (распространявшая свою юрисдикцию на Лемковщину) и все белорусские епархии. Принадлежность к единой церковной организации предопределяла хотя бы относительное единство культуры образованного слоя разных восточнославянских регионов – духовенства. Несомненно, были взаимные встречи (например, в центрах духовности и образования) и обмен кадрами. Так, бывший мукачевский православный епископ Петроний после ухода с кафедры в начале XVII в. странствовал по Белой Руси¹⁶. Подобные явления не приостановились и в период унии, несколько удалившей Мукачевскую епархию от северных единоверцев в юрисдикционном плане¹⁷. К примеру, в 1687-1688 гг. мукачевский епископский трон занимал белорус Рафаил Ангел Гаврилович¹⁸. Естественно, активно проникали за Карпаты и религиозные издания, в т.ч. из Вильны¹⁹.

Лемки, вплоть до разделов Польши остававшиеся с белорусами в рамках единого государства, особенно на объединяющей конфессиональной почве, имели по сравнению с угорскими русинами еще лучшие возможности для взаимных встреч и сотрудничества.

Более отчетливые контакты, уже с большим протонациональным привкусом, относятся к началу XIX в. и связаны со светской интеллигенцией. Например, сын шляхтича с Минщины, известный собиратель и популяризатор славянского фольклора Зориан Доленга-Ходаковский (настоящее имя Адам Черноцкий, 1784-1825) поддерживал отношения с проживавшими в России уроженцами Угорской Руси Петром Лодием (1764-1829), Василием Кукольником (1765-1821), Иваном Орлаем (1770-1829). С последним он был особенно дружен²⁰. Небольшой фрагмент их переписки был опубликован в «Летописи Московского общества истории и древностей российских»²¹, а позднее переиз-

дан во Львове Илларионом Свенцицким (1876-1956)²². Важно отметить, что именно указанные карпатороссы по сути первыми познакомили образованное общество России с фактом проживания за Карпатами русинов.

Связи с белорусской темой можно особенно проследить у сына В. Кукольника литератора Нестора Кукольника (1809-1868). Некоторое время он проживал в Вильно, а одним из его ближайших друзей был белорус, выдающийся композитор Михаил Глинка (1804-1857)²³. Изучением связей писателя с представителями различных национальных движений успешно занимается таганрожский исследователь Александр Николаенко, прямо утверждающий об интересе Кукольника к истории Белоруссии²⁴.

В свете белорусско-русинских культурных контактов возникает очень важный и по-своему интригующий вопрос: что в это же время знали друг о друге представители белорусского и русинского простонародья? Теоретически познания отдельных индивидов могли определяться собственным опытом. Верующие белорусы и русины могли сталкиваться в традиционных центрах восточнохристианской духовности – сравнительно мало удаленных от белорусского региона Почаеве, Киеве и других местах, куда, несмотря на политическую границу, не зарастала народная тропа из русинских земель. По всей Российской империи и, следует думать, также Белоруссии, ходили всевозможные ремесленники и торговцы из Австро-Венгрии, например, спишские дротари. Лучше узнать друг друга помогали походы российской армии (1799-1849), в которой были представители разных этносов, в т.ч. белорусы. Особенно продуктивной в этом познании стала первая мировая война, в результате которой российские военные провели значительную часть времени в русинских регионах, а солдаты русины австро-венгерской армии имели возможность ближе присмотреться к пестрому населению России, находясь в плену. То же касается и русинских беженцев, снимавшихся с родных мест вместе с отступавшей на восток царской армией.

Местом живых белорусско-русинских встреч, начиная с последних десятилетий XIX в., стали США. И российские подданные белорусы, и австро-венгерские русины в поисках заработка массово эмигрировали на американский континент. Численность первых в некоторые периоды превышала численность эмигрантов великороссов²⁵. Русины, а именно выходцы из Угорской Руси и самых западных поватов Галиции (лемки), в свою очередь, численно опережали восточных галичан, у которых более широко распространилась и впоследствии победила украинская идентичность. Учитывая тогдашнюю незаконченность национальных процессов и бытование тесно связанных с религией (или об-

рядом) общевосточнославянских представлений, этнические белорусы и русины, таким образом, составляли в дореволюционное время большинство американских «русских». Поскольку в начале 90-х гг. XIX в. русинов было значительно больше, выходцы из западных российских губерний стремились к перешедшим в Америке в православие карпатороссам, идейным вождем которых был о. Алексей Товт (1854-1909). Летописец «Американской Руси» протопресвитер Петр Коханик (1880-1969) пишет о «православных русских из Минской, Киевской, Черниговской²⁶ и других областей», обратившихся с просьбой о духовном окормлении к о. Товту²⁷. Как, несколько блуждая в терминологии, отмечает Коханик, «в тех местах, где братья русские (из Российской империи – М.Д.) составляли меньшинство по сравнению с карпатороссами, они присоединялись к их готовым русским приходам, а в тех местах, где они чувствовали себя значительно сильнее, они начинали основывать свои русские приходы»²⁸. Под русскими из России в данной цитате следует подразумевать, главным образом, белорусов и малорусов. Хотя из этого же отрывка следует и определенная культурно-языковая дистанция, побуждавшая последних при благоприятных обстоятельствах отделяться от русинских и создавать собственные церковные приходы. Специфика белорусско-русинских связей за океаном еще ждет своего исследователя. Крайне интересно выяснить, были ли какие-то взаимные контакты между уже «сознательными» белорусами и русинами, особенно на фоне того, что белорусы в эмиграции нередко прекрасно уживались с украинцами, в т.ч. в рамках единых украинско-белорусских организаций²⁹.

Наверное, самый пик взаимных встреч и контактов белорусов и русинов пришелся на межвоенный период. Лемковщина и западнобелорусские земли составили бастион восточнославянских территорий соответственно на юго-востоке и северо-востоке возрожденной Речи Посполитой. Интеллигенция и тех, и других неминуемо встречалась на почве организаций «общерусской» ориентации и, шире, в рамках солидарности национальных меньшинств Польши. С того же периода лемки и белорусы активно сотрудничали на ниве православия, массовые переходы в которое униатов лемков относятся как раз к межвоенным годам. К слову, до сегодняшнего дня священники-белорусы не редкость на лемковских приходах Польской православной церкви.

После прихода к власти большевиков многие белорусы оказались вдали от родины, в т.ч. в славянской Чехословакии. Большинство эмигрантов направлялось в ее крупные центры, располагавшиеся преимущественно на западе республики. Туда же, в Прагу, Брно и др. города, в связи с централизацией государства устремлялись русины из Под-

карпатской Руси и Восточной Словакии. Их пути там иногда пересекались.

Например, до основания пражского прихода Пряшевской греко-католической епархии верующих греко-католиков духовно окормлял белорус о. Трофим Семяцкий³⁰. Примечательно, что пражские русины, в целом дистанцировавшиеся от принятых в России форм византийского обряда и добивавшиеся, чтобы все было «по-своему» (т.е. по-подкарпатски), доверяли Семяцкому, вероятно, даже больше, чем другим неподкарпатским священникам³¹. В жизни прихода он участвовал и позднее, в т.ч. в период, когда настоятелем стал будущий вспомогательный епископ Пряшевской епархии Василий Гопко (1904-1976).

В межвоенный период свои белорусы появились и в местностях с преобладающим русинским населением. Например, в 20-30-е гг. на Подкарпатской Руси проживала и вела активную общественно-политическую деятельность уроженка Витебской губернии Екатерина Брешко-Брешковская (Вериго) (1844-1934), российская революционерка-народница, известная как «бабушка русской революции»³².

Авторитет на Пряшевщине сыскал православный священник и народный целитель о. Омелянович, который, по словам исследователя И. Шелепца, гордился своим белорусским происхождением. После второй мировой войны он издал катехизис для украинских начальных школ региона³³.

Белорусом, вероятно, также являлся уроженец Виленщины греко-католический священник Роман Янкевич (1902-1951)³⁴. Белорусские корни можно предполагать у литератора русского зарубежья Николая Мазуркевича, некоторое время проживавшего в Восточной Словакии. Возможно, со временем мы узнаем и новые белорусские имена в связи с Подкарпатской Русью и Пряшевщиной.

И снова коснемся народного восприятия белорусов и русинов друг другом. Интересное свидетельство об этногеографических представлениях западных полешуков до 1939 г. приводит минский языковед Федор Климучук. Так, коренные жители Западного Полесья различали в рамках некоей «русской» (восточнославянской) общности наряду с собой («местными русскими») - носителями брестско-пинских и северноволыньских говоров) еще порядка десятка групп. В т.ч. они знали «австрийцев» - галичан, буковинцев и закарпатцев. Само данное обозначение, да еще именно в рамках «русских», на наш взгляд, - свидетельство более близкого знакомства с «австрийцами» в течение и после первой мировой войны. Также их часть, а конкретно галичане – украинцы Восточной Галиции и русины-лемки Западной, как уже было сказано, вновь оказались в межвоенный период в рамках одного государства с полешуками и белорусами. По словам Ф. Климучука, «в 20-е

- 30-е годы XX в. (*полецуки – М.Д.*) знали о Закарпатской Руси»³⁵, что, вероятно, являлось отзвуком формального статуса автономной республики у Подкарпатской Руси в составе I ЧСР. Таким образом, определенная информация о русинах у полещук была. Есть все основания по аналогии предполагать, что была она и у их северных соседей – собственно белорусов³⁶.

На основании даже поверхностного знакомства с межвоенной русинской периодикой различных национальных ориентаций можно прийти к выводу, что о белорусах, как населении не идентичном ни великорусам, ни украинцам, уже знали и широкие слои русинов. Этому, видимо, поспособствовало создание БССР и доходившие известия о национальной жизни белорусов в соседней Польше.

Приведенный нами краткий обзор, естественно, не претендует на полноту освещения интересующей проблематики. Тематика конкретно белорусско-русинских (вне контекста широких белорусско-малорусских или белорусско-украинских) культурных контактов по ряду причин (в первую очередь, исторической и географической) не удостоивалась отдельного внимания исследователей. Вместе с этим, культурные контакты белорусов и русинов, изначально имеющих множество общих и близких черт, заслуживают глубокого изучения, в т.ч. для лучшего понимания места обоих народов в рамках славянства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Доклад на международной научной конференции «Словацко-славянские языковые, литературные и культурные связи» (Пряшев, 5-6 октября 2006 г.). Краткий вариант был прочитан на научно-практической конференции «Русинская культура. История и перспективы» (Ужгород, 29 октября 2006 г.).

2. См. известную статью Георгия Геровского: *Геровский Г.* О слове «русин» // Пути истории. Общерусское национальное, духовное и культурное единство на основании данных науки и жизни. Под ред. О.А. Грабаря. Т. I. Нью-Йорк, 1977. С. 5-6. См. ее переиздания в: Украина – это Русь. Литературно-публицистический сборник. Под ред. М.И. Турыницы. СПб., 2000. С. 125-127; *Суляк С. Г.* Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004. С.190-192. Квинтэссенцию украинофильских взглядов на проблемы восточнославянской этнонимии, заметно сужающих ареал этнонима *русини*, см. в работе: *Наконечний Є.* Украдене ім'я: Чому русини стали українцями. Львів, 2004.

3. *Котлярчук А.С.* Самосознание белорусов в литературных памятниках XVI-XVIII вв. // Русь – Литва – Беларусь. Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. По материалам международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Н.Н. Улащика (Москва, 31 января 1996 г.). М., 1997. С. 85.

4. См., например: Западные окраины Российской империи. Под ред. М. Долбилова, А. Миллера. М., 2006. С. 170.
5. *Чучка П.* Українське питання в дзеркалі власних назв Підкарпатської Русі // Закарпатська Україна у складі Чехословаччини (1919-1939). Збірник матеріалів 6-ої наукової карпатознавчої конференції. Пряшів, 2-4 вересня 1998. Пряшів, 2000. С. 309.
6. *Шевельов Ю.* Исторична фонологія української мови. Харків, 2002. См. доступную интернет-версию, использовавшуюся и нами: <http://litopys.org.ua/shevelov/shev08.htm> (проверено 04.10.2006).
7. *Геровский Г.* Язык Подкарпатской Руси. Пер. с чешского. М., 1995. С. 13.
8. *Федака С.* Закарпаття у I тисячолітті // Альманах Українського Народного Союзу 93. Парсипані, Нью-Джерсі, 2003. С. 94-95. Приводим по: *Найнавер К.* Від Кельтської Русинії до Київської Русі. Ужгород, 2006. С. 9, 57. Из ошибочной ссылки, данной Камилом Найпавером, неясна датировка указанного альманаха (1993 или 2003).
9. Например, предки епископа Мукачевского Андрея Бачинского (1732-1809) пришли из тогдашней Литвы на Галичину, откуда позднее их часть переселилась на Угорскую Русь. См.: http://mysite.com.ua/xdem3430/pagesxdem3430/1_1.html (проверено 04.10.2006).
10. Точнее, этноязыкового острова - Руси Шляхтовской.
11. *Курило Т.* Лемки с над Руского Потока // Календар «Лемка» на звичайний рок 1935. Перемышль, б.г. С. 149.
12. *Красовський І.* Прізвища галицьких лемків у XVIII ст. Львів, 1993. С. 12-13.
13. *Шелепець Й.* Діалектологічні дослідження В. Гнатюка // Науковий збірник Музею української культури в Свиднику. Т. 3. Пряшів, 1967. С. 90.
14. *Дуличенко А.* Воеводинские русины и их язык: история, статус, перспективы // *Slavica Tarnopolensia*. 1995, № 2. С. 18.
15. *Баран О.* Впливи Київської і Галицької митрополій на Закарпатті // Українські Карпати. Матеріали міжнародної наукової конференції «Українські Карпати: етнос, історія, культура» (Ужгород, 26 серпня – 1 вересня 1991 р.). Ужгород, 1993. С. 50-51.
16. *Пекар А.В., ЧСВВ.* Нариси історії Церкви Закарпаття. Рим-Львів, 1997. Т. I. С. 181.
17. После заключения Ужгородской унии (1646) Мукачевская епархия попала в зависимость от Ягерского римско-католического епископа.
18. *Пекар А.В., ЧСВВ.* Указ. соч. С. 185.
19. См., например: Šelepec J. Vychodoslovanské tlače do r. 1800 v ŠVK Prešov. Prešov, 1989. S. 14, 25 (№ 45).
20. *Дей О.І., Малаш Л.А.* Піонер слов'янської фольклористики та його українські записи // Українські народні пісні в записях Зоріана Доленги-Ходаковського. Київ, 1974. С. 26-27.
21. Летопись Московского общества истории и древностей российских. Кн. III. Ч. III. С. 60-62. Приводим по: Дей О.І., Малаш Л.А. Указ. соч. С. 27.

22 См.: Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. I. Сношения Карпатской Руси с Россией в 1-й половине XX века. Собрал И.С. Свенцицкий. Львов, 1905. С. 25-30.

23. *Николаенко А. Н.В.* Кукольник // Русин (Кишинев). 2005, № 1. С. 122, 130.

24. *Николаенко А.* Учитель и его ученики // Русин (Кишинев). 2006, № 3. С. 170.

25. *Нитобург Э.Л.* Русские в США. История и судьбы 1870-1970. Этноисторический очерк. М., 2005. С. 28-29.

26. Примечательно, что если жителей юга преимущественно белорусской Минской губернии авторы начала века относили к малорусам, население северной части формально малорусской Черниговской губернии (ныне – западных районов Брянской области Российской Федерации) почти повсеместно атрибутировалось как белорусское. См., напр.: *Котлярчук А.* На сумежжы трох славянскіх культур: беларусы Бранскага краю // Беларусіска-Албарутеніска. Кн. 17. Беларуская дыяспара як пасрэдніца ў дыялогу цывілізацый. Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый» (Мінск, 21-25 мая, 4-7 снежня 2000 г.). Мінск, 2001.

27. *Коханик П., протопресвітер.* Начало истории Американской Руси // Прикарпатская Русь под владением Австрии. Trumull, Connecticut, 1970. С. 500.

28. Там же. С. 501.

29. См., например: *Снапковский В.* Белорусская эмиграция // Белоруссия и Россия: общества и государства. М., 1998. Использувавшаяся нами интернет-версия: <http://www.yabloko.ru/Themes/Belarus/belarus-31.html> (проверено 04.10.2006).

30. Подробнее о Т. Семяцком см. в: *Василий, ЧСВ, диакон.* Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. Рим, 1966. С. 740-741.

31. В частности, к такому мнению можно прийти, знакомясь с документами Инициативного комитета по основанию греко-католической parroхии (прихода) в Праге. Верующие одобрили предложение, чтобы до приезда «своего» священника богослужения проводил о. Семяцкий. См.: *Archív Gréckokatolíckeho biskupstva v Prešove, Bežná agenda, Spisy, inv. č. 442, sign. 213.*

32 *Пон И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. С. 125.

33 *Šelepec J.* Literárny život ruskej, ukrajinskej a bieloruskej emigrácie na východnom Slovensku // Ruská a ukrajinská emigrácia na východnom Slovensku v rokoch 1919-1945. Harbuľová L., Ňachajová M., Babotová L. (eds). Prešov, 2006. S. 58.

34 *Babjak J., SJ.* Zostali verní. Osudy gréckokatolíckych kňazov. Košice, 1999. S. 57-59.

35 *Климчук Ф.Д.* Этногеографические представления полешуков (Западное Полесье до 1939 г.) // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983. С. 40.

36 Ориентируясь на языковые данные, большинство исследователей прошлого относило западных полешуков к малорусам. В настоящее время они в значительной степени приняли белорусскую национальную идентичность.

Людмила НЭСТАСЕ

АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ ЩУСЕВ (8 октября 1873 г. – 24 мая 1949 г.) СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Кишинев середины XIX в. представлял собой небольшой захолустный городок на окраине царской России. Осенью здесь вязли в грязи, а весной и летом – в песке и пыли редкие прохожие. Ночью все погружалось во мрак. Единственным украшением города был зеленый наряд живописных окрестностей с их садами и виноградниками.

Фактически город разделялся на две части: верхнюю и нижнюю. Верхняя имела правильную планировку, сравнительно прямые и широкие улицы, застроенными каменными домами с черепичными крышами. Много было домов оригинальной конструкции, с верандами и ограждениями, высокими крышами, наружными лестницами, ставня-

Семья А.В. Щусевых. Кишинев, 1879.

ми. Под сенью домов отдыхали, неспеша раскуривая трубки, зажиточные молдаване, греки, болгары, армяне, евреи. Некоторые из них еще помнили ссыльного русского поэта - великого Пушкина, который, «лирой северной пустыни оглашая», писал отсюда Баратынскому:

«Сия пустынная страна
священна для души поэта;
она Державиным воспета
и славой русскою полна».

Нижняя же часть города хаотично была застроена глинобитными домами, крытыми дранкой или камышом.

Чтоб лучше представить Кишинев того времени, нужно привести высказывания, взятые из юбилейного сборника 1912 г. Вот что рассказывают его страницы: «Кишинев, губернский город, расположен на правом берегу реки Бык, одного из притоков Днестра. В 1834 г. последовало утверждение плана нового города, и с этого времени Кишинев стал делать быстрые успехи в отношении своего благоустройства и внешнего вида. В Кишиневе 115 тыс. жителей. Учебных заведений ... 19 с программой и правами средних. Главная улица Александровская».

Со временем Кишинев превращается в торгово-промышленный и интеллектуальный центр Бессарабии, причем здесь хорошо сочетаются местные традиции и новая культура, пришедшая из России. Большое влияние на духовную жизнь кишиневского общества оказали пребывание здесь А.С. Пушкина и деятельность членов Южного общества декабристов П. Пестеля, М. Орлова, В. Раевского и других.

26 сентября 1873 г. по старому стилю на одной из тихих улиц (Леовской) в верхней части города в небольшом доме, построенном Виктором Петровичем Щусевым, родился его третий сын, которого назвали Алексеем. И не мог представить себе тогда глава семьи, что из его пяти детей именно этот сын принесет славу и хвалу Щусевской семье, что именно ему будет принадлежать честь стать одним из самых выдающихся советских зодчих.

Детство и юность Алеша Щусев провел в этом тихом городе, в родительском доме с фруктовым садом и большим двором, где «толпы мальчишек часто играли в мяч, а зимой в снежки, а в жаркие летние дни купались в саду под тенью больших ореховых деревьев». («Автобиография»).

Алексей Викторович любил «тихий и милый» город, в котором вырос. Это была верная и трогательная привязанность. В молодости, будучи студентом Академии художеств, он ежегодно приезжал сюда на каникулы, а в последние годы своей жизни с энтузиазмом работал над послевоенным восстановлением Кишинева, следил за качеством архитектуры сооружаемых там зданий.

Отец Алексея Щусева Виктор Петрович работал вначале в суде, имел чин надворного советника. Последней из его служб была должность смотрителя городской больницы. От первого брака у него осталась дочь Мария, позже получившая образование врача и работавшая в земстве.

Мать – Мария Корниловна Зозулина была второй женой Виктора Петровича. Она была женщиной образованной, владела несколькими иностранными языками, следила за литературой...

От второго брака у Виктора Петровича было четверо сыновей: Сергей, Петр, Алексей и Павел. Все дети получили высшее образование: Мария стала врачом, Сергей – почвоведом, последователем школы Докучаева, у него много научных трудов по агрономии и почвоведению; Петр окончил Военно-медицинскую Академию в Санкт-Петербурге. Став членом Русского географического общества, он исколесил много стран мира. Павел, по специальности инженер путей сообщения, мостостроитель, стал членом-корреспондентом Академии архитектуры.

В 1891 г. Алексей Щусев окончил Кишиневскую гимназию и твердо решил поступить в Санкт-Петербургскую Академию художеств, считавшуюся в то время крупнейшей и лучшей в России художественной школой. А. Щусев занимался в мастерских архитекторов Г. Котова и Л. Бенуа, воспитавших целую плеяду русских зодчих. Одновременно он посещал живописные классы И. Репина и А. Куинджи, преподавательская деятельность которых благотворно влияла на формирование учащейся молодежи академии. Одновременно со Щусевым в живописных классах учились И. Грабарь, Д. Кордовский, Н. Рерих, А. Рылов, Ф. Малявин и др.

В 1897 г. А. Щусев блестяще защищает свой дипломный проект загородной виллы по классу профессора Л. Бенуа. В том же году его награждают золотой медалью, и ему предоставляется право на творческую командировку за границу.

16 месяцев, проведенных в путешествии по городам Англии, Франции, Италии, Африки, обогатили архитектора массой впечатлений, наглядно познакомили с памятниками мирового зодчества.

В Париже он посещает частную Академию Жюльена, совершенствуя в ней свое мастерство рисовальщика. Из поездки Щусев привозит множество живописных этюдов архитектурных памятников Европы, акварельных зарисовок колоритных фигур африканцев в национальных одеждах и морских пейзажей.

Первым самостоятельным заказом, который Алексей Щусев получил по возвращении в Петербург, была перестройка жилого дома на набережной реки Фонтанки, напротив Инженерного замка. Дом этот,

сохранившийся до настоящего времени, решен Алексеем Викторовичем в раннепетровском стиле, столь типичном для Петербурга.

К этому же периоду творчества А. Щусева относятся его архитектурные опыты, связанные с Кишиневом, где он проектирует и строит ряд особняков, используя при этом своеобразный природный материал – молдавский котелец.

Один из них в Долине Чар (Роз) был спроектирован в 1897 г. по просьбе гимназического друга А. Щусева Михаила Викентьевича Карчевского, брата будущей жены архитектора. Это двухэтажный загородный коттедж с большой верандой и башенкой. Дом хорошо сохранился.

Другая работа Алексея Викторовича в Кишиневе – одноэтажный дом на углу улиц Пушкина и Бернардацци, выполненный по заказу того же Карчевского. Архитектура дома носит восточный характер, модный в то время.

К началу 90-х годов относится работа А. Щусева по росписи трапезной Киево-Печерской лавры. Во время своих приездов в Киев Алексей Щусев встречался с художниками Виктором Михайловичем Васнецовым и Михаилом Васильевичем Нестеровым, авторами росписи Владимирского собора в Киеве, над которой они работали в то время. М. Нестеров случайно увидел работу Алексея Щусева в трапезной, и она произвела на него большое впечатление. С этих пор между Щусевым и Нестеровым завязались тесные дружеские отношения, продолжавшиеся до самой кончины Нестерова. Его кисти принадлежит прекрасный портрет А. В. Щусева, находящийся сейчас в собрании Третьяковской галереи.

В 1908 г. А. В. Щусев был избран действительным членом Археологического общества, и вслед за этим ему была поручена одна крайне сложная и ответственная работа: восстановление старинного памятника на Волыни. Это был древний разрушенный храм XII в. в Овруче. Две стены его совсем завалились. Надо было произвести не реставрацию, а реконструкцию, что и удалось Щусеву в полной мере. Работа Щусева в Овруче была освещена в монографии И.Э. Грабаря «История русского искусства»: «Архитектор А. Щусев поставил себе целью включить существовавшие развалины стен в тот храм, который должен был явиться после реконструкции. При этом в новые стены ему удалось включить не только остатки стоящих еще стен, но все те конструктивные части их – арки, карнизы и даже отдельные группы кирпича, которые были найдены в земле иногда на значительной глубине. При этих раскопках, которыми руководил П.П. Покрышкин, удалось по расстояниям, отделявшим каждую группу кирпича от стен, с безусловной точностью определить высоту их на стене и, таким образом, постепенно выросли стены целого храма».

В работе над восстановлением церкви св. Василия в Овруче А.В. Щусев проявил талант исследователя, археолога и вдохновенного художника-архитектора.

В это время Алексей Викторович близко сошелся с Н.К. Рерихом, которого хорошо знал по академии, а позже по Училищу поощрения художеств, где Рерих был директором. Щусев некоторое время преподавал в этом училище.

Н. Рерих часто бывал у Алексея Викторовича и с большим интересом следил за работой по Почаеву. Он настолько увлекся проектом А. Щусева, что взялся выполнить роспись. Однако этому не суждено было осуществиться, и Н.К. Рерих выполнил только эскиз мозаичного обрамления южного портала. Дружба Н.К. Рериха и А.В. Щусева продолжалась многие годы. Когда в 1926 году в США основалось Общество друзей музея имени Рериха, среди почетных советников и покровителей культуры стран Запада и Востока был и А.В. Щусев.

Свои знания истории архитектуры А. Щусев использует, выполняя заказы на строительство церквей Марфо-Мариинской общины в Москве (1908-1912 гг.), церкви в с. Кугурешть в Бессарабии (1912 г.), храма-памятника на Куликовом поле (1912 г.). В этот же период А. Щусев подготовил проект гостиницы и церкви в г. Барии (Италия) (1910-1913 г.), Троицкого собора в Почаеве (1906 г.), храма-музея в имение Натальевка Харьковской губернии (1908-1912 гг.), которые характеризуют Щусева как созревшего архитектора.

В 1910 г. А. В. Щусев за свои работы, получившие высокую оценку в архитектурных кругах, получает ученое звание академика архитектуры, присужденное ему Советом Академии по баллотировке, и избирается пожизненным членом Совета Академии художеств.

В русском павильоне на художественной выставке 1914 г. в Венеции архитектор использовал мотивы московский архитектуры XVII века. В связи с открытием русского павильона «Санкт-Петербургские ведомости» 30 мая 1914 г. писали: «Построен он архитектором Щусевым в русском стиле XVII в. Сперва казалось странным перенесение такого стиля на венецианскую почву, хотя она и привыкла к пестроту. Возникло опасение, что наш павильон не будет гармонировать с пейзажем. На самом деле этого нет. Павильон уютно прячется между громадными деревьями, густая зелень которых образует для него вполне подходящий фон и рамку. Архитектурные линии просты, ясны, нет ничего лишнего, а серо-синеватая окраска стен приятна по тону. Когда после него переходишь к павильонам других наций, то разница в художественности обликов сразу бросается в глаза, ибо наш павильон - сильная застройка, говорящая об определенной национальности...»

В отчетах о выставке зарубежная пресса называла А.В. Щусева «одним из самых интересных русских мастеров». Этот павильон в Венеции существует и теперь и используется для устройства российских выставок. Кстати, мебель для павильона была выполнена в России, в Москве, по рисункам А.В. Щусева.

Казанский вокзал является одним из выдающихся творческих достижений А.В. Щусева. В связи с постройкой вокзала Щусев покидает Петербург, где он провел годы своей юности, учения и первых творческих исканий, и в 1913 году переезжает в Москву. Ему было в то время 40 лет.

Многие годы труда были отданы А.В. Щусевым этой постройке. Работа по Казанскому вокзалу как нельзя лучше отражает характерные особенности Щусева-архитектора. Прежде всего, это упорный труд и неустанные искания. Щусев продумывал и перерабатывал много раз и проект в целом, и его детали, не жалея времени и сил, предьявляя к себе самые строгие требования. Он был великим мастером в своем искусстве и обладал выдающимся талантом, тонкой эмоциональностью и громадными знаниями.

Начало постройки Казанского вокзала относится к 1913 году. Постройка нового здания Казанского вокзала была намечена правлением Московско-Казанской железной дороги в виду расширения торговых сношений с Востоком. Московско-Казанская железная дорога осуществляла связи Москвы со Средней Азией через Казань, Урал и Сибирь. Новое здание в своем архитектурном оформлении должно было отражать эту мысль, т. е. дать как бы ворота из Москвы на Восток. Это было наиболее грандиозное по тем временам архитектурное сооружение общественного назначения. Впервые в своей практике А.В. Щусев обра-

Здание Казанского вокзала.

тился к широкой ансамблевой организации архитектурного пространства. Композиционное решение сооружения в виде живописного сочетания разномасштабных и разнородных зданий восходит к традиционным «хоромным» строениям древнерусской архитектуры. Неисчерпаемая фантазия архитектора проявилась в обильном декоративном убранстве фасадов и интерьеров.

Разнообразные формы оконных проемов, их затейливые резные обрамления в стиле московского барокко конца XVII в., живописные очертания кровли создавали впечатление необычной, «сказочной» архитектуры. Интересным было оформление интерьера ресторана, построенного по типу древнерусских палат. Здесь зодчий обратился к синтезу архитектуры и изобразительного искусства, привлекая для выполнения эскизов живописных панно известных русских художников А.Н.Бенуа, Г.Е. Лансера и других. Строительство вокзала, начатое в 1913 году, было прервано первой мировой войной и закончилось уже в советское время.

В переломном для России 1917 году А.В. Щусев был признанным профессиональным архитектором с установившимися творческими воззрениями, его имя пользовалось широкой известностью. События этого года стали переломным этапом в его творческой деятельности. А.В. Щусев был среди той части художественной интеллигенции, которая безоговорочно посвятила свой труд и талант служению народу.

В 20-х годах Щусев отдает много сил и энергии общественной и педагогической деятельности. С 1918 г. он преподает в Высших художественно-технических мастерских в Москве, в 1921 г. избирается председателем Московского архитектурного общества, с 1926 по 1929 гг. является директором Третьяковской галереи и создает при ней кабинет архитектуры.

Творческая мысль архитектора в эти годы сосредоточивается на одной из самых актуальных проблем времени – реконструкции городов в соответствии с их новым социальным содержанием.

В архитектурной мастерской Моссовета, возглавляемой И.В. Жолтовским и А.В. Щусевым, в 1918-1923 годах разрабатывается один из первых планов реконструкции столицы – «Новая Москва».

В 20-е годы Щусев также участвует в архитектурных конкурсах, направленных на поиски новых социальных типов сооружений и их художественного образа. Он проектирует для Москвы ряд сооружений общественно-делового назначения – Центральный телеграф, Госбанк, Библиотеку им. В.И. Ленина и др.

Ориентируясь на современные материалы и конструкции, эстетические возможности которых наглядно демонстрировали конструктивисты, А.В. Щусев проектирует свои сооружения в сдержанных и ла-

коничных формах. Таково построенное в 1928-33 гг. по его проекту здание Наркомзема на Садовом кольце в Москве (ныне Министерство сельского хозяйства).

Отдельные его проекты – Центральный телеграф, санаторий в Мацесте – публикуются в печатном органе конструктивистов, журнале «Современная архитектура» как наиболее удачные примеры архитектурной мысли того времени.

В этот же период пиком деятельности А.В. Щусева стала работа по созданию Мавзолея В.И. Ленина, продолжавшаяся в общей сложности около семи лет. Проектирование и строительство этого памятника прошло три этапа напряженного творческого поиска. В январе 1924 г. был построен временный деревянный мавзолей, замененный в мае того же года вторым, более монументальным деревянным сооружением, в 1930 г. на том же месте был воздвигнут каменный мавзолей. Четкий и ясный силуэт, крупный масштаб архитектурных членений, сдержанное цветовое решение сделали мавзолей композиционным центром исторического ансамбля Красной площади.

В последующие годы А.В. Щусев много проектирует и строит для Москвы, Баку, Батуми, Ташкента, Тбилиси. Ведущей в его творчестве остается тема градостроительства, тема реконструкции старого и создания нового облика современного города. В связи с начавшейся по генеральному плану 1935 г. реконструкцией Москвы Щусев активно выступает в печати по различным проблемам благоустройства столицы, разрабатывает варианты планировки и застройки ее центральных площадей и магистралей; площадей Революции и Свердлова, улицы Горького, Ленинградского проспекта и других. По проектам А.В. Щусева строятся: здание гостиницы «Москва», Москворецкий мост, жилые дома на Ростовской и Смоленской набережных. В Батуми и Баку сооружаются гостиницы «Интурист».

В 30-х и 40-х годах А.В. Щусев проектирует и строит в Тбилиси Институт марксизма-ленинизма (1933-1938 гг.), а в Ташкенте – Государственный театр оперы и балета им. А. Навои (1933-1947 гг.). Работая над этими проектами, он пристально изучает местную национальную архитектуру, стремясь органично связать свои сооружения с традиционными художественными представлениями народов этих республик. За архитектуру этих двух зданий А.В. Щусев был удостоен Государственных премий.

Годы Великой Отечественной войны стали новым рубежом в творчестве зодчего. По мере освобождения захваченных врагом территорий в нашей стране развертывалась огромная созидательная работа по восстановлению и реконструкции разрушенных городов. В 1943 году был организован ряд архитектурных мастерских, приступивших к раз-

работке генеральных планов реконструкции крупнейших городов. Одну из них возглавил А.В. Щусев. Он работал над восстановлением городов Туапсе, Кишинева, Истры, Новгорода, центра Сталинграда и Киева.

За выдающиеся заслуги в области архитектуры А.В. Щусев в 1943 году был избран действительным членом АН СССР. Три года спустя за оформление интерьера Мавзолея В.И. Ленина он был удостоен Государственной премии. В 1946 году Щусев возглавил созданный по его инициативе Музей русской архитектуры (ныне Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева), в котором была собрана ценная коллекция чертежей, гравюр, рисунков выдающихся русских зодчих.

В этот же период архитектор продолжал начатую им еще задолго до войны работу по проектированию комплекса зданий для АН СССР. Под его руководством и при личном участии в мастерской Академпроекта создаются многочисленные проектные предложения, разработка которых велась на основе интерпретации классических архитектурных форм и композиций.

Архитектор А.В. Щусев на восстановлении Кишинева. 1947 г.

В 1947 году А.В. Щусев проектирует высотное здание на Дорогомиловской набережной, строительство которого в перспективе предполагало полную реконструкцию прилегающей территории. Многоярусная башня здания становилась активным композиционным элементом в панораме города и набережной Москвы-реки.

Последней работой, завершившей творческий путь мастера, был проект станции метро «Комсомольская-Кольцевая». Символично, что в конце своей деятельности зодчий вновь обращается к архитектурному ансамблю площади трех вокзалов, дополнив его новым подземным сооружением. Основная тема оформления станции – победа русского оружия – раскрывается в мотивах декора, в мозаичных панно, украшающих ее своды, выполненных по эскизам художника П.Д. Корина. Так же, как и в ансамбле Казанского вокзала, в проекте станции метро Щусев уделяет много внимания синтезу архитектуры с пластическими видами искусства. В 1952 г. за архитектуру этого сооружения А.В. Щусеву уже посмертно, в четвертый раз была присуждена Государственная премия.

Художественное наследие этого замечательного мастера, нашего земляка, человека яркой индивидуальности и могучего творческого темперамента, вошла в сокровищницу достижений русской и мировой культуры.

новости * новости * новости * новости * новости * новости

В конце прошлого года состоялось выездное заседание редколлегии международного исторического журнала «Русин» в г. Ужгороде. На нем была согласована тематика номеров журнала на 2007 г. В члены редколлегии был принят известный общественный деятель Закарпатья Михаил Шарга.

Константин Куцов

ПАВЕЛ ФЕДОР (1884-1952): ШТРИХИ К ОБЩЕСТВЕННОЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Выдающийся педагог, краевед, литератор и общественный деятель Павел Федор принадлежит к той плеяде представителей закарпатской интеллигенции межвоенного периода, чье имя необоснованно забыто сегодня. Трудно разобраться, что послужило причиной этому: то ли ярко выраженная русофильская позиция П. Федора, не вписывающаяся в современную концепцию исторического развития Закарпатья, то ли клеймо «буржуазного националиста», поставленное в свое время советскими исследователями. Однако, факт остается фактом – на сегодняшний день о жизни и деятельности П. Федора практически ничего не известно. Что же касается кратких очерков о нем, опубликованных в современных карпатоведческих энциклопедических изданиях и биографических словарях, то они лишь поверхностно освещают, а во многом даже искажают исторический портрет Павла Федора. Предлагаемое читателям исследование также не претендует на звание безукоризненного жизнеописания этой выдающейся личности, а является лишь скромным предвестником более масштабного и комплексного труда.

Павел Федор родился 14 января 1884 года в с. Новое Место комитата Абауй-Торна (нынешняя Восточная Словакия) в семье крестьянина Степана Ивановича Федора и Юлианы Товт¹. В родном селе он окончил народную школу, после чего продолжил образование в школе города Гуменного (1895-1899) и Пряшевской учительской семинарии (1899-1903). Как утверждает биограф П. Федора, известный ученый-литературовед Елена Рудловчак, в семинарии будущий педагог учился успешно и как круглый отличник получал повышенную стипендию².

Получив специальность преподавателя, молодой П. Федор в 1903 году был направлен в с. Габура, где занял место учителя церковной школы, а в 1907 году он был переведен на должность учителя народной школы в с. Пчелиное и работал там до 1920 года³.

Создание независимой Чехословацкой Республики и вхождение в ее состав Подкарпатской Руси открыло более широкие возможности

для профессиональной самореализации талантливого педагога. С этой целью, а также желая дать своим детям (*которых в семье П. Федора было семеро – К.К.*) достойное образование, он в 1920 году подал прошение о назначении в Ужгород.

В Ужгороде Павел Степанович работал сначала учителем городской школы (1920-1921)⁴, позже – заместителем инспектора школ Ужгородского округа (1921-1922)⁵, а с 5 сентября 1922 года перешел в Реферат школ и народного просвещения Гражданской (Краевой) управы Подкарпатской Руси в качестве референта отдела руководства школьными общинами⁶, позже – отдела хозяйственно-экономического обеспечения народных школ⁷. В июле 1937 года П. Федор был переведен в Хуст на должность референта школ Хустского, Тячевского и Раховского округов⁸.

Однако еще задолго до переезда в Хуст Павел Степанович успел зарекомендовать себя как активный общественный деятель и просветитель Подкарпатской Руси.

Будучи убежденным русофилом, П. Федор в марте 1923 года был в числе основателей «Русского культурно-просветительного общества им. А. Духновича»⁹ (*наиболее влиятельной русофильской организации Подкарпатской Руси 20-30-х гг. XX века – К.К.*). Уже через полгода (27 декабря 1923 г.) он был введен в состав руководства «Общества...» как заместитель члена правления¹⁰. Однако, его наиболее активная деятельность в этой организации началась лишь с 1925 года, когда на очередном собрании он был избран членом Центрального правления «Общества...» и секретарем «Организационно-просветительной секции» (ключевого звена «Общества» – К.К.)¹¹. Ярким свидетельством успешной деятельности П. Федора на этой должности стало издание «Народной Библиотеки» – серии научно-популярных сборников по вопросам сельского хозяйства, культуроведения и религии, направленных на поднятие культурного уровня сельского населения Подкарпатской Руси (на протяжении 1925-1926 гг. было издано 10 выпусков «Н.Б.» – К.К.)¹². В 1926 году П. Федор был избран членом Президиума «Общества...», а до 1938 года он еще и руководил несколькими его секциями (библиотечной, хоровой и т.д.)¹³.

Помимо общественной деятельности в «Обществе им. А. Духновича» в 20-30-х гг. Павел Федор был председателем общества («Свободное сельское учение» (1928-1938), членом правления «Подкарпаторусского народно-просветительного союза» (1929-1934), секретарем Ужгородского отделения общества «Русский народный университет» (1936-1938), членом «Дружества карпаторусского народного театра» (1937-193), ответственным редактором журнала «Зоря» (1930-1934), членом редакционных комитетов журнала «Карпатский свет» (1928-

1933), газет «Карпаторусский голосъ» (1932-1934), «Нашъ карпаторусский голосъ» (1935), «Нашъ путь» (1935-1938)¹⁴.

Еще с начала 20-х годов П. Федор был членом «Учительскаго товарищества Подкарпатской Руси» (УТПР), уже в середине 30-х годов занимал должность заместителя председателя УТПР, а в 1935 году на П. Федора были также возложены обязанности главного редактора официального органа УТПР – журнала «Народная школа»¹⁵.

В политическую жизнь Подкарпатской Руси Павел Степанович вошел в середине 20-х годов как член проправительственной «Республиканской земледельческой партіи Подкарпатской Руси»¹⁶ и по ее квоте на протяжении 1927-1934 гг. входил в состав правления «Центральной Русской Народной Рады» (*координационного органа всех русофильских объединений Подкарпатской Руси – К.К.*)¹⁷.

Однако невыполнение правительством Чехословацкой Республики гарантий относительно Подкарпатской Руси, данных еще в 1919 году, изменило политические взгляды П. Федора, и уже в 1935 году он вместе со Стефаном Фенциком основал оппозиционную «Русскую национально-автономную партію» (РНАП). На учредительном собрании в марте 1935 года П. Федор был избран «деловымъ председателемъ» РНАП¹⁸.

Параллельно с общественно-политической деятельностью в этот период Павел Федор реализовался и как творческая личность. Его творческое наследие довольно обширно и включает в себя художественные произведения, публицистику, научно-популярные исследования по вопросам краеведения, литературоведения, педагогики, учебники и учебные пособия для начальной школы.

Еще в 1925 году известный литературовед Дмитрий Вергун называл П. Федора в числе наиболее плодотворных русскоязычных авторов Подкарпатской Руси¹⁹. Именно в 1925 году была издана первая солидная работа молодого автора – учебник «Карпаторусский букварь» (соавтор И. Добош), выдержавший впоследствии еще три издания²⁰. В последующие годы П. Федором было издано еще несколько учебников – читанки «Народная школа» (1930) и «Светъ» (1931, 1938; соавтор М. Василенко), пособие «Сборникъ произведенийъ Александра Сергеевича Пушкина и краткое руководство къ ихъ исполнению» (1936)²¹. Его перу также принадлежит ряд содержательных теоретических статей, касающихся вопросов педагогики и психологии: «Оркестръ и народное воспитаніе» (1930), «Воспитаніе въ государственномъ духе» (1936), «Психологія детей въ разные періоды детства» (1936), «Значеніе игры въ детстве» (1937) и др.²²

Среди научно-популярных работ Павла Федора, посвященных вопросам литературоведения и краеведения, следует в первую очередь

отметить брошюры «Краткій очеркъ деятельности А.И. Добрянскаго» (1926), «Очерки карпаторусской литературы со второй половины XIX столетія» (1929), «Федоръ Федоровичъ Аристовъ» (1931)²³, получившие широкий резонанс как в культурной и научной среде Подкарпатской Руси, так и за ее пределами²⁴.

Широким был и круг интересов Павла Федора – литератора. Им в частности были изданы «Сборникъ поэзіи мысли» (1929), пьесы «Несчастливая судьба» (1927), «Скромность побеждаетъ» (1929), «Верховинець» (1935), несколько рассказов морально-педагогического содержания, опубликованных в периодике, большое количество стихотворений и рассказов для детей, напечатанных в учебниках и читанках²⁵. Свои художественные и публицистические произведения Павел Федор часто подписывал псевдонимами «Цирохинъ», «Бородатый Бердаръ», криптонимами «П.Ф.», «П.С.». Отдельные поэтические произведения писателя печатались в переводе на чешский язык²⁶, а к некоторым своим стихотворениям автор собственноручно написал музыку²⁷. Как утверждают биографы, П. Федором были также написаны пьеса «Лишний студентъ» и роман «Царь-мужикъ», которые остались в рукописях²⁸. О судьбе этих произведений на сегодняшний день, к сожалению, ничего не известно.

Следует также отметить, что художественное творчество П. Федора никогда не находило однозначной оценки среди литературных критиков и вызывало как восхищение, так и осуждение.

Возвращаясь к вопросу общественно-политической деятельности Павла Федора, следует отметить, что, проживая с 1937 года в Хусте, он практически от нее отошел и именно поэтому не принимал участия в событиях, связанных с вопросом реализации автономии Подкарпатской Руси в составе Чехословацкой Республики, происходивших на протяжении 1938 года. Лишь после Венского арбитража, когда значительная часть края отошла к Венгрии, а автономное правительство Подкарпатской Руси, возглавляемое А. Волошиным, переехало в Хуст, Павел Федор вместе с группой местных русофилов, сохранивших лояльность к Чехословакии, основал здесь «Центральную Русскую Народную Раду»²⁹, которая заявила о своей оппозиции к украинофильскому правительству А. Волошина, однако, в скором будущем ее деятельность, как и деятельность иных, не лояльных к украинофилам организаций, была запрещена³⁰. Самого же Павла Федора украинофильская пресса обвинила в шпионаже, а чуть позже, в декабре 1938 года, он был уволен со службы³¹.

После установления венгерской власти на всей территории края (март 1938 года) Павел Федор вернулся в Ужгород. Новой властью он был отправлен на пенсию³², однако еще некоторое время продолжал

заниматься общественной деятельностью. В январе 1940 года Павел Федор был в числе создателей «Учительского товарищества карпатского края» – организации, которая по сути стала правопреемницей УТПР³³. Тогда же был создан журнал «Народна школа», главным редактором которого до 1941 года был Павел Федор³⁴. В этот период он также опубликовал несколько учебников для начальной школы: «Первый цвет детской мудрости для I класса народной школы» (1939, 1940), «Другой цвет детской мудрости для II класса народной школы» (1939, соавтор М. Василенко), «Читанка для II класса народной школы» (1942, соавтор М. Василенко), был членом редакционной комиссии учебника «Грамматика угрорусского языка для средних учебных заведений» (1940)³⁵. На общественно-политическом уровне Павел Федор в этот период поддерживает отношения с С. Фенциком. В 1940 году Фендик предложил правительству Венгрии назначить П. Федора депутатом Венгерского парламента³⁶. Предложение С. Фендика было проигнорировано, однако это спасло П. Федора от неминуемых репрессий после прихода в 1944 году на территорию края советских войск.

О дальнейшем периоде жизни Павла Федора практически ничего не известно. Он умер 2 марта 1952 года в Ужгороде и был похоронен на кладбище Кальвария.

Прискорбно, но смерть одного из выдающихся культурно-просветительных деятелей прошлого осталась незамеченной в среде интеллигенции советского Закарпатья, а интерес к его жизни и творчеству у исследователей возник лишь через полстолетия. Надеемся, что публикация данного очерка усилит интерес историков и литературоведов к личности и творчеству Павла Степановича Федора.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рудловчак О. Федор Павел Степанович / Матеріали до Словника культури українців Чехословаччини // Дукля. Річник XXXVII. 1989. № 4. С. 76.

2. Там же. С. 76.

3. Хланта І.В. Літературне Закарпаття у ХХ столітті: біобібліографічний покажчик. Ужгород, 1995. С. 735.

4. Там же. С. 735.

5. Рудловчак О. Названная работа. С. 77.

6. Адресарь Подкарпатской Руси. Часть 1: Гл. городъ Ужгородъ. Uzeorod, 1924. С. 67.

7. Школьный реферат цив. управи П. Руси (розделена урядовое агенды) // Учитель. Рочникъ IX. 30 марта 1928. Чис. 2-3. С. 45.

8. Назначенія // Народная школа. Год издания XVII. Январь 1938. № 5. С. 23.

9. Члены общества // Деятельность общества им. А. Духновича 1922-1926. Подъ редакціей С.А. Фендика. Ужгородъ, 1926. С. 110.

10. Протоколь, составленный дня 27 декабря 1923 г. въ Ужгороде на Первомъ очередномъ собраніи культурно-просветительнаго общества имени А. Духновича // Там же. С. 14.

11. Списокъ Центрального правленія русскаго культурно-просветительнаго общества имени Ал. Духновича въ 1925 году // Там же. С. 37.

12. Народная библиотека / [Составитель П. Федоръ] / Изданіе культурно-просветителн. общества имени Александра Духновича въ Ужгороде. Ч. 1. Ужгородъ, 1925. 16 С.; Ч.2. Ужгородъ, 1925. 16 С.; Ч.3. Ужгородъ:Школьная Помощь, 1925.16 С.; Ч. 4. Ужгородъ, 1925. 16 С.; Ч. 5. Ужгородъ, 1925. 16 С.; Ч. 6. Ужгородъ, 1925. 16 С.; Ч. 7. Ужгородъ, 1925. 20 С.; Ч. 8. Ужгородъ, 1925. 14 С.; Ч. 9. Ужгородъ, 1926. 16 С.; Ч. 10. Ужгородъ, 1926. 15 С.

13. Рудловчак О. Названная работа. С. 77.

14.Ліхтей І.М., Керецман В.Ю., Керецман Н.П. Діяльність громадських організацій // Нариси історії Закарпаття. Т. 2. (1918-1945) / Відповідальний редактор І. Гранчак. Ужгород, 1995. С. 413-429; Ліхтей І.М. Періодична преса Закарпаття 20-30-х рр // Там же. С. 402-413.

15.Ліхтей І.М. Названная работа. С. 409.

16. Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. С. 381.

17. Каминскій І. Центральная Русская Народная Рада // Земледельскій календарь на годъ 1935 / Составиль М. Демко. Ужгородъ, 1934. С. 35.

18. Русская національная автономная партія РНАП // Календарь на 1937 годъ / Изданіе Русской національно-автономной партіи. Ужгородъ, 1936. С. 34.

19. Вергунъ Д. Литература Подкарпатской Руси // Восемь лекций о Подкарпатской Руси / Переводъ съ чешскаго Д. Вергуна. Прага, 1925. С. 37.

20. Карпаторусскій букварь / Составили И. Добошь, П. Федоръ / Изданіе Учительскаго товарищества Подкарпатской Руси. Ужгородъ, 1925. 120 С.

21. Народная школа: читанка. Часть 1 для 2-3-хъ учебныхъ годовъ / Под редакціей П.С. Федора. Ужгородъ, 1930. С. 160; Светъ: книга для чтенія 2-3 школьныхъ годовъ / составили П.Федоръ, М. Василенко. Мукачево, 1931. 167 С.; Сборник произведеній Александра Сергеевича Пушкина и краткое руководство къ ихъ исполненію/ Предисловіе П. Федора. Ужгородъ, 1937. 60 С.

22. Федоръ П.: Оркестръ и народное воспитаніе // Зоря. Год X. 15 июня 1930. Чис. 5-6. С. 1-4; Воспитаніе въ государственномъ духе // Народная школа. Годъ изданія XV. Февраль 1936. № 6. С. 1-5; Психологія детей въ разные періоды детства // Народная школа. Годъ изданія XVI. Октябрь 1936. № 2. С. 1-4, ноябрь 1936. № 3. С. 2-3; Значеніе игры въ детстве // Народная школа. Годъ изданія XVI. Январь 1937. № 5. С. 1-4, февраль 1937. № 6. С. 4-6.

23. Федоръ П.: Краткій очеркъ деятельности А.И. Добрянскаго: Лекція, читанная 19 марта 1926 года. Ужгородъ: Школьная помощь, 1926. 19 С.; Очерки карпаторусской литературы со второй половины XIX столтія. Ужгородъ, 1929. 76 С.; Федоръ Федоровичъ Аристовъ (Къ 25-летию его научно-літературной деятельности). Ужгородъ, 1931. 27 С.

24. Разулов В. Ф.Ф. Аристов и Карпатороссия. Берегово, 2001. С. 68-69.

25. Федоръ П.: Мысли: стихи. Ужгородъ, 1929. 47 С.; Несчас тная судьба:

нар. Пьеса въ 4-хъ действияхъ. Ужгородъ, 1927. 87 С.; Скромность побеждаетъ: Пьеса въ 2-хъ действияхъ. Ужгородъ: рафія Г. Миравчика, 1929. 30 С.; Верховинець: Народная пьеса въ 3-хъ действияхъ. Ужгородъ, 1935. 64 С.; Пьянство – гибель народа // Народная бібліотека. Ч. 1. С. 11-14; Три совета // Русскій Народный календарь общества «Александра Духновича» на обыкновенный годъ 1927 / Под редакцію І. Каминскаго. Ужгородъ, 1926. С. 106-114; Популярный учитель // Календарь культурно-просветительнаго общества имени Александра В. Духновича на обыкновенный годъ 1942. Ужгородъ, 1941. С. 91-97.

26. Pozdravení Rusinů: Výbor z literatury podkarpatoruské 1920-1935 / Uspořádal a přeložil A. Āartl. Bratislava, 1936. S. 30.

27. Подъ прапоръ русскій / М.: П. Федоръ, Не журися / М.: П. Федоръ // Верховинець. С. 63-64.

28. Рудловчак О. Названная работа. С. 78; Поп И. Названная работа. С. 381.

29. Магочій П.-Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848-1948). Ужгород, 1994. С. 190.

30. Болдижар М.М., Лемак В.В. Політичні партії та об'єднання автономної Підкарпатської Русі // Нариси історії Закарпаття. Т. 2. (1918-1945). С. 304.

31 Ярость мазепинцевъ // Карпаторусскій Голось. № 2. 28 ноября 1938. С. 1; П. Федоръ безъ службы // Там же. № 8. 6 декабря 1938. С. 1.

32. Рудловчак О. Названная работа. С. 77.

33. Народна Школа. Годъ 1. Январь 1940. С. 8.

34. Там же. С. 9.

35. Первый цветъ детской мудрости для І. класса народной школы / Изданіе Регентскаго комиссаріата въ Унгваре. Унгваръ, 1939. 112 С.; Другій цветъ детской мудрости для ІІ. класса народной школы / Изаніе Регентскаго комиссаріата въ Унгваре. Унгваръ, 1939. 120 С.; Читанка для ІІ. классы народной школы / Выданія Регентскаго комиссаріата Подкарпатской Территоріе. Унгваръ, 1942. 140 С.; Грамматика угрорусскаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній / Изданіе Регентскаго комиссарскаго управленія въ Унгваре. Унгваръ, 1940. 114 С.

36. Офіцинський Р. Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939-1944). Київ, 1997. С. 45.

Валерий ПАДЯК

ПОЭТУ АНДРЕЮ КАРАБЕЛЕШУ – 100 ЛЕТ

Андрей Карабелеш... Он ворвался в карпаторусинскую литературу как метеор, разрезая ночное пространство на две части. Своей поэзией он сразу восхитил сердца многих читателей и обратил на себя внимание академической критики: о нем писали Илья Эренбург, Иван Ольбрахт, Федор Аристов, Дмитрий Вергун, Евгений Недзельский... 22-летний юноша, простой сельский парень из небогатой семьи, стал символом талантливости русинской творческой интеллигенции, способной создавать высокохудожественные образцы, да еще и на языке А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Блока...

Его поэзия знаменовала собой преемственность творческих традиций будительства второй половины XIX столетия, представленного в карпаторусинской истории именами русофилов Александра Духновича, Александра Павловича, Анатолия Кралицкого, Адольфа Добрянского, Ивана Сильвая, Евгения Фенцика, Юлия Ставровского-Попрадова и других.

Казалось бы, такое многообещающее начало предопределило творческий и жизненный путь А. Карабелеша, сделает его светлым, счастливым и триумфальным. Но путь его, вопреки ожиданиям, оказался сложным и трагическим. Он словно сглазил, когда в 23 года провозгласил свой поэтический манифест: *«Мой рок – страдать на жизненном пути...»*. Жизненных испытаний, которые ему довелось пережить, хватило бы с лихвой на десятерых. И только верховинская твердая натура, сила воли и сила дух и его поэтическая муза, зрелая, мужественная, помогли ему не покориться судьбе. Он ушел из жизни, как гладиатор – убитый, но не побежденный.

Андрей Васильевич Карабелеш родился 24 сентября 1906 года в селе Тибава на Подкарпатской Руси (ныне Свалявский р-н Закарпатской области). Отец его был лесником в угодьях графа Шенборна.

В начальную школу А. Карабелеш ходил в Тибаве. Потом многодетная семья переехала в соседнее село Малая Мартынка, где отец накануне первой мировой войны построил скромный деревянный дом. Оба села в памяти поэта оставили самые светлые чувства. Отсюда пролегла его дорога в большой мир. И сюда он всегда возвращался отдохнуть душой:

В село забытое, родное
Привел меня житейский путь,
На лоно милое, святое
Пришел я тихо отдохнуть.
Меня измучил мир лукавый,
Измучил ропот вековой;
Изжитый, бедный и усталый
Пришел к тебе я, дом родной.

(«В родном селе», 1928)

В 1918 году талантливый юноша поступил в Мукачевскую гимназию, среди преподавателей которой было много русских интеллигентов, бежавших из России после Октябрьской революции. Именно здесь он знакомится с лучшими образцами русской классической и современной литературы. Под влиянием прочитанного пробует писать. Его первые образцы творчества на русском языке относятся к 1923–1924 годам, когда ему было 17-18 лет. Он был учеником 7-го класса гимназии и боготворил поэзию А.Пушкина, М. Лермонтова, В. Жуковского, Ф. Тютчева, С. Надсона, А. Блока, С. Есенина, А. Кольцова, В. Маяковского и других русских поэтов. Интерес к русской литературе в душе поэта А. Карабелеша не угаснет уже никогда.

После окончания гимназии А. Карабелеш обучался в Ужгородской духовной греко-католической семинарии, но, будучи студентом последнего курса, в 1929 году покинул стены этого заведения. Он чувствовал, что иные цели влекут его больше, чем духовный сан:

Мой рок – страдать на жизненном пути,
С горючим ветром, с бурей состязаться,
Как вечный странник, лишь идти, идти,
Вперед, вперед, сквозь тучи пробираться,
Без страха, без тоски в живой груди!..

(«От меня...»)

Дебютировал А. Карабелеш в 1928 г. сборничком „Избранныя стихотворенія“. Удивляло в стихах все: и способность возвышенно передать красоту карпатской природы, и интерес к сюжетным зарисовкам, лаконичным образам, прозрачность и ясность выражаемых мыслей, умение создать лирическое настроение, философское видение проблемы. Стихи приятно удивляли совершенством мысли и слова, образа и рифмы. Но больше всего на Подкарпатской Руси удивлял блестящий, почти безупречный русский язык А. Карабелеша.

В его стихотворениях прослеживается влияние русской классики, ее лучших представителей. Тут и свободолобивые мотивы А. Пушкина, и бунтарский дух стихов М. Лермонтова, и народно-песенные мо-

тивы А. Кольцова, и философское созерцание природы Ф. Тютчева, и мотивы легкой грусти есенинских стихов.

Все это, благодаря его таланту, органически вплелось в контекст его поэтических образов, сформировало в его сознании стойкий образ России. Одновременно (в условиях значительного влияния русской политической эмиграции на общественную жизнь Подкарпатской Руси) выпестовало в его воображении картины идеального общерусского единения, не подтвержденного практикой жизни и знанием реалий сталинского режима. Автор вдохновенно и решительно в своем сознании расширил границы родины – «русского края», где все народы от берегов Попрада и Тисы до берегов Тихого океана – «родные славяне», «нераздельный род». И в последующие годы эта тема была одной из важнейших в творчестве поэта:

Не сами мы! от Тисы и Попрада,
До дальних золотых сибирских гор,
До тихих вод, живет одна плеяда,
Везде один народ на весь простор.
(«Люби свой край!»)

Выход в свет в 1929 году поэтического сборника «В лучах рассвета» (336 страниц) принес поэту заслуженную славу. Книга выводила поэта на самые высокие орбиты карпаторусинской литературы. Сочный русский язык, оригинальность тем, лаконизм в создании образа сделали его поэзию узнаваемой и незабываемой. Автор демонстрировал свою открытость любой национальной культуре как чистым источникам познания. Он поместил в сборнике переводы произведений европейской литературы – английской («Euthanasia. Подражание Байрону»), венгерской («С мадьярского») и особенно любимой им немецкой («Что я нашел?») И.-В. Гете и «Весна» необозначенного автора).

Вместе с тем, весь сборник буквально пронизан русской темой. Это обозначено идейностью общерусского духовного единения, о чем говорилось выше. Это прослеживается и в тематическом подборе стихотворений, объединенных в циклы-разделы, эпиграфы к которым подобраны из русской литературы. Например, раздел «Священная лира», в котором подобраны стихи о поэте и поэзии, открывается строками из А. Пушкина: «Но лишь божественный глагол До слуха чуткого коснется...». К разделу «Религиозные темы» подобран эпиграф из А. Кольцова: «Спаситель, Спаситель! Чиста моя вера...», к разделу «Вечная сила» – эпиграф из В. Жуковского: «Сколь сладостно твое явленье!», к разделу «Разочарование» – эпиграф из Ф. Тютчева: «И в чуждом неразгаданном ночном Он узнает наследье родовое» и т.д.

Русская тема проявляется и в живом интересе автора к русской литературе, из которой он черпал вдохновение:

В часы уныний и страданий,
Когда я духом угасал
И средь напрасных ожиданий
Уныло, молча увядал, –

Томясь желанием и жаждой
Цветущих, свежих, новых сил,
В минуту каждую, в час каждый,
К тебе я молча приходил.

И с жизнью я тогда мирился,
Невольно вспоминал тебя, –
И ты страданием томился,
Надеясь, веря и любя.

(«У Лермонтова»)

А. Карабелеш закончил философский факультет Карлового университета в Праге. Вернулся в родной край и работал учителем в горожанских (неполных средних) школах Волового (нынче Межгорье) и Свалявы, а далее профессором в гимназиях Хуста и Мукачева. В 1935 году женился на чешке Павле Михаличковой, воспитывал двоих детей.

Во время оккупации Подкарпатской Руси хортистской Венгрией в 1939 году был обвинен в нелояльности к венгерским властям и 17 недель провел в заключении, освобожден по амнистии. Уехал к семье в Моравию, где в г. Литомысль установил контакт с подпольной антифашистской организацией. Обучал членов организации русскому языку. Участники сопротивления тайно слушали радиопередачи из Москвы и передавали обнадеживающую информацию местному населению, распространяли антифашистские листовки.

Был арестован гестапо 25 июля 1941 года и отправлен в фашистский концлагерь. Прошел Матхаузен, Бухенвальд, Ашерслебен, Шенебек, Саксенхаузен, Ораниенбург, Литомержице.

С 1945 года, освободившись из концлагеря, работал директором гимназии в г. Свитава в Моравии, а в 1953 году переехал в г. Пряшев на востоке Словакии, где живут русины. Тут преподавал русскую литературу на философском факультете Кошицкого университета. В это время появились две книги его стихов и прозы – «На смертельном рубеже» (1953) и «В Карпатах» (1955), где он поведал о пережитом в концлагерях. Писал, как и прежде, на русском языке.

В 1955 году (впервые за последние 17 лет) Карабелеш посетил родные края – тогда уже Закарпатскую область Украины. Был тепло встре-

чен местной интеллигенцией, молодежью, которая продолжала высоко ценить его талант.

Посещение родных краев вызвало в нем также немало негативных эмоций, связанных с последствиями укоренения сталинского режима и советской системы администрирования и хозяйствования в Закарпатье. Безуспешно пытался опубликовать в Чехословакии эти свои впечатления.

В 1957 г. он был изгнан из украинской секции Союза писателей Словакии, а в Ужгороде в периодической печати было опубликовано несколько заказных статей, принижающих талант А. Карабелеша, его роль в развитии карпаторусинской литературы.

Тогда же по состоянию здоровья А. Карабелеш вышел на пенсию и снова возвратился в Чехию. Летом 1964 года неизлечимо больной раком желудка он вернулся на родину. Умер 4 сентября 1964 года в Мукачево и похоронен на местном кладбище. Рукописи писателя до сих пор не востребованы литературоведами и историками.

Только в 2006 году, к 100-летию со дня рождения писателя и спустя полстолетия с момента выхода последней прижизненной книги А. Карабелеша, в Ужгороде появился однотомник его избранных произведений. Книгу «Избранное» составил и написал литературно-критический очерк литературовед, кандидат филологических наук Валерий Падяк. Инициировал издание земляк поэта, доктор философских наук, народный депутат Украины предыдущего созыва, первый секретарь Закарпатского обкома КПУ Иван Мигович. Специально для этой книги портрет А. Карабелеша выполнил заслуженный художник Украины Василий Скакандий. Издатель подарил часть тиража библиотекам Закарпатской области.

Журнал консервативной мысли

"Золотой Лев":

www.zlev.ru

Геннадий ЛУКИНЫХ

«ЗАКАРПАТСКИЙ ЕСЕНИН» ЗВУЧИТ НА ПЕРМСКОЙ ЗЕМЛЕ

На древней земле Закарпатья я впервые побывал летом 1983 года, когда мне, студенту Пермского музыкального училища, только исполнилось 18 лет. Это был двухнедельный пеший туристический поход по лесным Карпатам от Ясиня до Мукачева. Вместе со мной в составе небольшой группы путешествовала и моя мама – преподаватель русского языка и литературы. Нам, жителям Урала, давно хотелось побывать в Карпатских горах, которые мы невольно сравнивали с родными местами. Мы были тогда просто очарованы красотой и величием Карпат с их высокогорными перевалами и таинственно манящими лесами,

студеными речками и цветущими полонинами. Но главное богатство края – это, конечно же, его гостеприимные и трудолюбивые люди.

С юных лет параллельно с музыкой я увлеченно занимаюсь изучением языка, литературы и истории славянских народов. Из дореволюционных энциклопедий и трудов по русской истории, собранных у моего деда – пермского библиофила Гавриила Лукиных, я впервые узнал о русинах – самобытной ветви восточных славян, издревле обитающих на северных и южных склонах Карпат. С тех пор мои историко-культурные интересы тесно связаны с Закарпатьем, народ которого, несмотря ни на какие катаклизмы, чудесным образом выжил...

Итак, путешествуя летом 1983 года по Закарпатью (Подкарпатской Руси), я искренне полюбил этот край и его жителей, которые, как много столетий назад, так и в наше время считают себя русинами и сохраняют свой народный язык. Но еще тогда, побывав в музеях Мукачева и Ужгорода, в Мукачевском женском монастыре, увидев представленные в них литературные издания, я обратил внимание на то, что большинство книг, журналов и газет досоветского Закарпатья издано на русском литературном языке (в дореволюционной орфографии) и в гораздо меньшей степени на русинском.

Бесспорно, писатели и поэты той эпохи предпочитали русский язык народному в силу уже сложившейся в крае литературной традиции. Кроме того, национально-культурное возрождение Подкарпатской (Угорской) Руси во второй половине XIX века носило ярко выраженный русофильский характер. Примером вышесказанному является литературно-общественная деятельность виднейших представителей карпаторусской словесности – А. Духновича, А. Павловича, А. Кралицкого, Е. Фенцика и других писателей. Как известно, в межвоенный период их идеи продолжило «Русское культурно-просветительное общество имени А.В. Духновича», которое имело в городах и селах края намного больше сторонников и активистов, чем общество «Просвіта», занимавшееся пропагандой чуждых для русинов идей, привнесенных извне.

В литературу Подкарпатской Руси в 30-40-е годы прошлого столетия пришло немало молодых, полных творческих сил и прогрессивных идей поэтов и писателей, писавших на русском языке. Они активно взялись за оживление традиции русского слова в сложном водовороте литературно-общественной жизни Закарпатья того времени, связанное в том числе и с так называемым «языковым вопросом».

Поэт Дмитрий Онуфриевич Вакаров (1920-1945) прожил короткую, но очень яркую жизнь. Уроженец села Иза (известного своей верностью православию), выпускник Хустской гимназии, учившийся также в Пражской русской гимназии, а затем в Будапештском университете на отделении славянской филологии по специальности «русская словесность», он был одним из известнейших представителей литературного движения в досоветском Закарпатье.

Родное село Иза и его жители были главным источником вдохновения для поэта, и именно они были прообразами многих его произведений. Дмитрий Вакаров слагал проникновенные лирические стихотворения, прекрасно ложившиеся на музыку, злободневные публицистические произведения, писал рассказы из народной жизни, фольклорно-этнографические заметки и фельетоны, посвятив все свое творчество родному краю и его людям.

Д. Вакаров, прекрасно зная народный язык, писал, следуя традиции, на русском литературном языке, который полюбил еще во время учебы в Хустской гимназии, и считал, что им должен владеть каждый, кто считает себя интеллигентом. Известно, что любовь к словесности ему и многим другим гимназистам привил П.В. Линтур – преподаватель русского языка и литературы и руководитель литературного кружка, в деятельности которого активное участие принимал Дмитрий. Безусловно, именно «Хустская литературная школа» стала отправной точкой в его творчестве, расцвет которого пришелся на конец 30-х – начало 40-х годов, когда поэт стал постоянно выступать со своими

произведениями на страницах ужгородских изданий «Карпаторусский голос», «Русское слово», «Русская правда».

В годы учебы в Будапештском университете Д. Вакаров, вступив в ряды антифашистского подполья, активно участвовал в борьбе против венгерских оккупантов, захвативших в 1939 году Подкарпатскую Русь (с 1919 года входившую в состав Чехословакии), за что в 1944 году был арестован хортистским режимом и после судебного процесса в Мараморош-Сигете отправлен в известный своими ужасами концлагерь Дахау, а затем в каземат смерти Шемберг, где его жизнь трагически оборвалась 7 марта 1945 года...

Я познакомился с творчеством Дмитрия Вакарова в 2000 году, когда, будучи со своей супругой Викторией на отдыхе в Закарпатье, приобрел книгу «Дмитрий Вакаров. Сочинения» (Ужгород. Карпати, 1986). Увлеченно прочитав эту книгу, я открыл для себя немало замечательных стихотворений Д. Вакарова (в том числе «романсовых»). И еще в Закарпатье у меня возникла идея создания музыкальных произведений на его стихи. Написанный в 2001-2002 годах цикл «Три романса на стихи Дмитрия Вакарова» я посвятил памяти замечательного поэта – певца Карпатского края. Несколько экземпляров этого цикла я послал на родину поэта: в мемориальный музей в селе Иза, в историко-краеведческий музей его имени в Хусте, на вокальное отделение Ужгородского музыкального училища и в областную филармонию.

В Перми «Три романса на стихи Дмитрия Вакарова» есть в учебных заведениях – на вокальном отделении музыкального училища и института искусства и культуры, в нотно-музыкальном отделе и фонде областной библиотеки имени А.М. Горького. Отдельные сборники я дарил также нашим вокалистам – солистам областной филармонии и академического театра оперы и балета имени П.И. Чайковского. Насколько я знаю, многие студенты-вокалисты и исполнители заинтересовались моими романсами, и не только на стихи Д. Вакарова.

Мое композиторское творчество связано с романсом с 1999 года, когда я написал свои первые произведения в этом жанре. Сочинять я начал еще в 1992 году, по окончании Уральской государственной консерватории имени М.П. Мусоргского (1991). Будучи художественным руководителем вокального ансамбля «Кантус-квартет» Пермской филармонии и регентом мужского певческого ансамбля Успенской церкви, я в те годы писал в основном духовную и камерную музыку, обработки церковных напевов и народных песен, главным образом русских, а также украинских, белорусских и русинских. Творчество «Кантус-квартета» знакомо любителям пения а capella во многих городах России и странах Европы: за 12 лет существования коллектив побывал в Дании, Франции, Чехии, Словакии.

Неоднократно участвуя в международных конкурсах и фестивалях в Чехии и Словакии, наш квартет в 1995, 1996 и 1998 годах посещал с концертами Ужгород. Думаю, что закарпатские меломаны помнят эти концерты, с успехом проходившие в зале областной филармонии, бывшем Народном доме имени А.В. Духновича и областном художественном музее имени И. Бокшая. Участвовали мы и в богослужениях в православном кафедральном соборе, куда нас приглашал известный подвижник духовно-национального возрождения края протоиерей Димитрий Сидор. Неоднократно в концертах «Кантус-квартета» звучали в моей обработке национальные гимны «Я русин был, есмь и буду» и «Подкарпатские русины» на стихи А.В. Духновича, «Молитва православных» Д. Сидора, а также народные песни русинов Закарпаття.

Но уже в 2000 году и опять-таки в Ужгороде (!) мы начали выступать в частных домах дуэтом с супругой (я – в качестве пианиста и вокалиста), исполняя русские романсы. Дело в том, что Виктория Лукиных – прекрасная исполнительница старинных и городских романсов. Впоследствии мы назвали наш коллектив «Романтик-дуэтом», основным жанром которого, естественно, стал русский романс. Сейчас «Романтик-дуэт» творческого объединения «Пермская лира» – популярный в Прикамье коллектив среди любителей романса и лирической песни. Дуэт является лауреатом и дипломантом Всероссийских конкурсов (2005, 2006), лауреатом Международного конкурса старинного русского романса имени Изабеллы Юрьевой (2006, Таллин).

Значительное место в репертуаре «Романтик-дуэта», наряду с популярными старинными и городскими романсами, занимают романсы и лирические песни, написанные мною на стихи русских поэтов XIX–XXI веков. В Перми у меня вышло несколько авторских нотных альбомов: «Музыка для сердца» (2002), «Нездешней любовью согрет...» (2004), а летом 2006 года – «Лирический альбом», в котором представлены мои лучшие романсы, написанные в 2001–2006 годах, в том числе и на стихи Д. Вакарова. «Три романса на стихи Дмитрия Вакарова» написаны на лирические стихотворения поэта: «Гитара» (Будапешт, 22–25 сентября 1942 г.), «Звезды и очи» (Иза, 9 апреля 1940 г.) и «Люблю гулять в глухих местах...» (Прага, май 1939 г.). В этих романсах я стремился достичь стилистического разнообразия, чтобы сделать их привлекательными для исполнителей разных направлений: «Гитара» написана в стиле городского романса, «Звезды и очи» – в классической традиции, а «Люблю гулять в глухих местах...» («Романс») – в современном романсово-песенном стиле.

«Романс» был впервые исполнен «Кантус-квartetом» на премьере программы «Очарованье песни» 24 апреля 2002 года. В исполнении

«Романтик-дуэта» романсы на стихи Д. Вакарова впервые и весьма успешно прозвучали в моей авторской программе «Пермский романс» 5 декабря 2003 года. «Люблю гулять в глухих местах...» – наиболее любимый и часто исполняемый нами романс – неоднократно исполнялся также совместно с известным пермским скрипачом Игорем Ожиговым и был очень тепло принят публикой на премьере программы «А любовь, как песня...» 19 ноября 2004 года. Романсы на стихи Д. Вакарова довольно часто исполняются нами в концертных программах в Перми и городах Прикамья. Звучали они и в новой программе «С любовью к романсу...», премьера которой и презентация моего «Лирического альбома» состоялась в октябре 2006 года в Органном концертном зале Пермской филармонии.

К слову сказать, в концертах «Романтик-дуэта» перед исполнением своих произведений я неизменно вкратце рассказываю об авторах стихов, в том числе и о Дмитрии Вакарове. Многие, кто подходит к нам после концертов, удивляются, что стихи поэта из далекого, «заграничного» Закарпатья звучат в музыке уральского композитора. Кроме того, и наши пермские поэты, на литературных вечерах которых мы периодически выступаем, также с удивлением узнают о романсах Г. Лукиных на стихи русина Д. Вакарова, который писал к тому же на русском языке! Да, к сожалению, поэзия «Димы» малоизвестна в России, чему, на мой взгляд, есть несколько причин.

После присоединения в 1945 году Закарпатья (Подкарпатской Руси) к СССР, а точнее к УССР, имя Д. Вакарова «раскручивалось» в сугубо политических целях, и из него пытались посмертно сделать эдакого революционного поэта-бунтаря, чуть ли не борца за установление в крае Советской власти! Нонсенсом является также посмертное принятие Вакарова в Союз писателей Украины и тем самым де-факто превращение его в украинского поэта (?). Так что чему удивляться, что творчество «закарпатского Есенина» малоизвестно в России – ведь его имя и стихи звучали в основном в пределах УССР, главным образом, в Закарпатье, да и то зачастую в украинском переводе.

Мне кажется, Дмитрий Вакаров, писавший на русском языке и, как большинство русинов Закарпатья, мечтавший связать судьбу своего народа с Россией, относится, бесспорно, к русской литературе. О сути же патриотизма поэта можно судить по дарственной надписи Д. Вакарова на книге, которую он подарил своему учителю П. Линтуру: «Нашему Петру Васильевичу на память о том, как мы в малой стране начали строить Великую Родину».

На мой взгляд, Дмитрий Вакаров – прежде всего талантливый лирический поэт, и поэтому не случайно в Закарпатье на его стихи написано, насколько я знаю, немало вокальной музыки, которая исполня-

ется в концертах и на мероприятиях, посвященных памяти автора. Я искренне надеюсь, что и мои романсы на стихи Д. Вакарова заинтересуют закарпатских исполнителей и еще будут звучать на Родине поэта. Кстати, поскольку в Пермском крае эти произведения в исполнении «Романтик-дуэта» уже нашли своего слушателя, я собираюсь продолжить работу над лирикой Д. Вакарова и, возможно, напишу еще ряд романсов на его стихи.

Хочется верить, что традиция русского литературного слова, верным продолжателем которой был Дмитрий Онуфриевич Вакаров, будет привлекать к себе все больше талантливых сторонников на древней закарпатской земле. Слово же, звучащее в песне, романсе, – это верный признак того, что язык и культура народа живы, несмотря ни на какие границы. Именно такой, на мой взгляд, является русская культура Закарпатья – Подкарпатской Руси.

новости * новости * новости * новости * новости * новости

Русины официально признаны на Закарпатье!

Закарпатский областной Совет на сессии 7 марта 2007 г. принял решение признать русинов коренной национальностью на Закарпатье. 71 депутат из 75 проголосовал «за», два - «против», двое - «воздержалось». Во втором пункте решения депутаты облсовета обратились к президенту, Верховной Раде Украины и премьер-министру с требованием признать русинов на законодательном уровне по всей Украине.

Как рассказал в интервью ИА «REGNUM» о.Димитрий Сидор, «перед вынесением вопроса на сессию мы провели персональную работу с большей частью депутатов. А на самой сессии мы положили всем депутатам и администрации по учебнику "Грамматика русинского языка". В каждой книге было написано обращение к председателю областного Совета с требованием признания русинов. Но перед этим националисты предпринимали все усилия, чтобы воспрепятствовать принятию решения. Они даже распространили соответствующую бумагу, в которой записали, что "признание русинов нарушает Конституцию Украины". Такое безумство позволило нам обратиться в суд, так как в августе прошлого года ООН приняла конвенцию о запрещении дискриминации народов, где пункты 16 и 20 касаются отдельно Украины. В этом документе сказано, что Украина должна признать русинов, поскольку есть "отчетливые данные, которые отделяют русинов от украинцев"».

Полный текст интервью: www.regnum.ru/news/793245.html

В связи с начатой официальным Киевом очередной антирусинской кампанией Общественная организация «Русь» приняла заявление (см. на стр. 145).

Organizația
obștească

Republica Moldova
2001, mun. Chișinău,
str. M. Kogălniceanu, 24

РУСЬ

ОБЩЕСТВЕННАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

Республика Молдова
2001, г. Кишинев,
ул. М. Когăлницеану, 24

Тел.: (3732) 27-02-84

Факс: (3732) 27-15-15

E-mail: info@rusyn.md

Заявление Общественной организации «Русь» по поводу начавшейся на Украине кампании против русинского движения

Русины были, есть и будут!

Правление Общественной организации «Русь» поздравляет наших братьев - русинов Закарпатья с успехом на пути возрождения русинской идентичности. Мы приветствуем гражданское мужество и национальное сознание депутатов Закарпатской областной Рады, позволивших себе, вопреки административному и политическому давлению официального Киева признать существующую реальность. Хотя главное, кем мы, русины, сами себя считаем. Мы никогда не забывали, что мы русины.

Вы прорвали заговор молчания, установленный властями ряда государств Европы после 1918 г. Вы открыто сказали это в государстве, которое пытается подавить наше русинское сознание, стереть нашу историческую память.

Вызывает недоумение импотенция официального Киева по части признания существующих национально-политических реалий Украины, правды ее этнической истории, стремление извратить историю Руси.

Публичное признание давно известных истин покажет, что русины не являются малочисленным, несчастным и всеми игнорируемым этносом. У нас есть достойное место в истории славянских и других европейских народов.

Мы осуждаем развернутую шовинистическими силами Украины шоу-кампанию по искусственной политизации вопроса о нашем праве на публичную национальную самоидентификацию, признанном международным сообществом.

Попытки подавить русинское сознание имеет место и в других государствах. Кампания официального Киева направленная на подавление русинского Возрождения распространяется и на Молдавию. Мы хорошо понимаем Вас и желаем Вам стойкости и мужества в борьбе за наше правое дело.

Русины были, есть и будут!

Принято на заседании правления Общественной Организации «Русь».
26 марта 2007 г. г. Кишинев, Республика Молдова.

Президент
Общественной организации «Русь»

С.Г. Суляк

СЧАСТЬЕ, КОГДА НАС ПОНИМАЮТ

Защищена первая диссертация по истории русинов

В одном из мировых центров этнокультурных исследований, московском Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, состоялась защита кандидатской диссертации нашего земляка С.Г. Суляка «Русины Молдавии: основные этапы этнической истории». Сергей Суляк – журналист, редактор и издатель ряда газет, в научных кругах известен как глава Общественной организации «Русь», автор книги «Осколки Святой Руси» и главный редактор международного исторического журнала «Русин». На вопрос о том, как прошла защита диссертации по теме, замалчиваемой уже лет сто, Сергей Георгиевич ответил:

- Знаете, очень благожелательно, хотя принято считать, что большинство ученых не склонны к разработке табуированных тем.

- Неужели Вам не бросили ни одного черного шара?

- За присвоение мне степени кандидата исторических наук действительно высказались все члены Ученого совета, что, говорят, само по себе удивительно. Но дело не в этом. Хотя в советские времена этноним «русин» был выведен из научного оборота, и все научные исследования по русинской тематике были свернуты, поскольку сам факт признания существования русинов мог осложнить формирование украинской социалистической нации, российские ученые, оказывается, знали о сути вопроса. В Институте этнологии работала Т.Ф. Аристова, дочь Федора Аристова, автора многочисленных научных трудов по истории и культуре населения Карпатской Руси, в том числе трехтомного исследования «Карпаторусские писатели». После революции он подвергался преследованиям. Хотя Татьяна Федоровна только в 90-х годах смогла продолжить дело отца, она и прежде не скрывала его трудов. Поэтому тематика моей диссертации сотрудникам института оказалась в общем знакомой. Они задавали весьма квалифицированные вопросы, но не экзаменовали меня, а интересовались сутью дела, и это, чего скрывать, было приятно. У нас получилась содержательная дискуссия.

- Вас не спросили, как вышли на запретную русинскую тему?

- Спрашивали, и не раз. Причин, отвечал я, две. Во-первых, я сам родом из русинов, хочу знать историю пращуров. А главное, пришло время раскрыть полную, без игнорирования, умолчаний и «белых пятен» историю коренного русского населения Молдавии. И знаете, уче-

ные меня поняли. В отзыве кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова было отмечено, что «новаторская в методологическом и научно-познавательном плане, посвященная проблематике, на протяжении семи десятилетий табуированной в СССР и поныне остающейся таковой в Украине, диссертация С.Г. Суляка заслуживает высокой оценки». Положительными оказались и отзывы оппонентов. В ходе обсуждения работы прозвучало много интересных предложений, которые позволят углубить дальнейшую разработку истории русинов. Защита показала то, что русинская тема, русинская этнокультурная идентичность интересуют научную общественность России.

- Защищались ли исследователи других стран по русинской тематике?

- За последнее десятилетие интерес к культуре и языку русинов возрос. Несколько десятков талантливых исследователей защитились по темам русинской культуры, языка, литературоведения, музыковедения и социологии. Среди них Олена Дуць-Файфер, которая в 1997 году защитила диссертацию в Ягеллонском университете, Польша, Ленора Декарло (Флоридский государственный университет, США, 1998 г.), Александр Тойч (Гейдельбергский университет, ФРГ, 2001 г.), Ева Михна (Ягеллонский университет, 2001 г.), Марк Штейгер (Университет им. Людвига-Максимилиана, ФРГ, 2002), Богдан Горбаль (Вроцлавский университет, Польша, 2005 г.). Недавно Анна Плишкова впервые защитила в Институте славистики им. Яна Станислава Словацкой Академии наук диссертацию на русинском языке и получила степень габилитированного (полного) доктора философии.

По истории русинов моя диссертация, видимо, первая. И это диссертация по истории русинов Молдавии!

- Итак, Сергей Георгиевич, какие выводы следуют из факта Вашей успешной защиты диссертации по истории русинов?

- Сама по себе защита научной диссертации не отменяет политических табу, довлеющих над умами администраторов науки некоторых государств. Но русины были, есть и будут независимо от успеха или неудач диссертантов. Русинская идентичность признана в Словакии, Сербии, Румынии, Венгрии, Польше. 7 марта 2007 года областная Рада Закарпаття приняла решение о признании национальности «русин» на территории области. Без истории коренного русского населения нашей республики всегда будет односторонней и неполной история Молдавии. Академии наук Молдовы пора приступить к планомерной, финансируемой государством разработке этой темы.

Записал Петр ШОРНИКОВ

ОТЗЫВ

Ведущей организации – Московского Государственного университета, исторического факультета кафедры этнологии о диссертации С.Г. Суляка «Русины Молдавии: основные этапы этнической истории», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07.

Выбор С.Г. Суляком настоящей темы диссертации представляется закономерным в силу ее научной актуальности в контексте текущих процессов этнокультурного возрождения русинов, а также необходимости дальнейшего исследования этнической истории украинцев и русских Молдавии, молдаван, гражданской истории Молдавии, Украины и России. Оригинальный характер исследования, предпринятого диссертантом, явствует уже из того, что оно представляет собой первую за последние 100 лет после трудов этнографа П. Несторовского в 1905-1910 годах специальную работу, посвященную изучению истории и культуры русинов Молдавии, чьим самоназванием являлся этноним *руснаки*.

Судьбы русинской идентичности являют собой пример табуирования научных исследований государственной властью. Российское правительство до революции по внешнеполитическим мотивам предпочитало рассматривать руснаков как часть малороссов, правительство Румынии, чьи войска оккупировали Бессарабию в 1918 г., проводило политику румынизации населения этой исторической области, разрушало самосознание руснаков. После 1944 г. тот же курс игнорирования русинской этничности выдерживало руководство СССР, озабоченное консолидацией украинской советской нации.

Другой фактор новизны данного исследования заключается в использовании автором гораздо более широкой, чем это принято в российской этнологии, источниковой базы, включающей наряду со славяно-молдавскими летописями непереуведенные на русский язык труды молдавских летописцев, обширный фонд редких и труднодоступных даже для ученых трудов румынских и дореволюционных российских исследователей.

Убедительно обоснование научной актуальности избранной темы, данное диссертантом. Она обусловлена самой логикой научного познания. Попутная, осуществляемая параллельно с историей молдаван, разработка вопросов истории и культуры русинов, как отмечает С.Г. Суляк, началась еще в советский период. Историки, археологи, этнографы в той или иной степени затрагивали русинскую тему еще в 70-е – 80-е годы XX в. Представляется справедливым мнение диссертанта о том, что в настоящее время игнорирование русинской этно-

культурной идентичности официальными кругами, а также научными сообществами Украины, России, Белоруссии, не имеет научных оснований. Изучение истории и культуры русинов будет способствовать созданию более полной и непротиворечивой картины восточнославянского этногенеза, этнической истории украинцев, молдаван, русских, а также региональных групп титульных этносов Польши, Словакии, Румынии.

Научной новизной отмечен также представленный диссертантом анализ русинского этногенеза. Заслуживает внимание положение о том, что в конце I тыс. до н.э. - первой половине I тыс. н.э. в Северном Причерноморье и Восточном Прикарпатье происходила не полная, а лишь частичная смена населения и, таким образом, скифы и ираноязычные сарматы могут быть отнесены к числу предков антов и, следовательно, русинов. То обстоятельство, что север Карпато-Днестровского региона, очерченный зоной распространения памятников археологической пражско-корчаковской культуры, входил в зону первичного славянского этногенеза, дает основания утверждать, что предки русинов появились на территории современной Молдавии еще в VI в. н.э.

Шагом по пути познания этногенетических процессов, охарактеризованных диссертантом как этническая предыстория русинов, является более полная аргументация высказывавшегося в науке и ранее положения о том, что имя *анты*, трактуемое как «жители окраин», могло быть позаимствовано древними авторами у аланов южнорусских степей, для которых восточные славяне являлись насельниками окраины их мира. Наличие в русских летописях наименований Ясский Торг применительно к существующему и ныне г. Яссы можно признать свидетельством длительного этнокультурного взаимодействия славян с аланами либо наличием групп аланов в этом регионе в период, предшествующий их включению в состав Древнерусского государства.

Вкладом диссертанта в решение вопросов древнерусского этногенеза является выяснение того, что термин, трактуемый ныне как племенное самоназвание либо внешний этноним - *хорваты*, на древнеиранском языке означает «пастух», «страж скота», и наименование насельников между Карпатами и Днестром – тиверцев, которые, согласно «Повести временных лет», были «суть толковины», представляет собой характеристику их хозяйственно-культурного типа, поскольку в русинском языке слово «толока» означает пастбище. Знание русинских языковых особенностей позволило диссертанту предложить логичное объяснение слова «толковины»: наряду с пахотным земледелием древнерусское население Пруто-Днестровского региона занималось скотоводством. Тиверцы, которых князь Олег в 907 г. взял с собой в поход против греков, были пастухами. Логично также высказан-

ное в этой связи мнение диссертанта о том, что наличие этой языковой параллели подтверждает преемственную этнокультурную связь тиверцев с русинами. Наименования «бродники» и «галицкие выгонцы» также характеризовали род занятий различных групп русинов – отгонное скотоводство.

Представляется неоспоримым мнение С.Г. Суляка о том, что русины обладали собственной государственностью. В IX-X вв. их предки тиверцы, уличи и белые хорваты входят в состав Древнерусского государства и включаются в процесс формирования древнерусской народности. Свидетельством тому является исчезновение из обихода племенных наименований. Именно в этот период возникает для всех насельников Руси общее самоназвание *русин* с ударением, вероятно, на первом слоге; оно встречается во многих русских летописях. Этот этноним сохранился до сих пор в Закарпатье, Словакии, Польше, Сербии, Румынии, Молдавии и других государствах, где проживают потомки насельников Древней Руси. Долгое время он сохранялся и в Московской Руси.

Таким образом, первой государственностью русинов, как полагает диссертант, следует признать Древнерусское государство. В XI-XII вв. на землях, где прежде проживали белые хорваты, тиверцы и уличи, складывается Галицкое княжество, занимавшее северо-восточные склоны Карпат и контролировавшее территорию между Днестром и Прутом до Дуная. Оно пережило татаро-монгольское нашествие и просуществовало до конца XIV в. Опытом волошко-русинской государственности автор считает Молдавское княжество. Как удалось ему показать, в волошской колонизации восточных и северных склонов Карпат с середины XIV в. приняли участие русины Семградской Руси. Они вместе с русинами Пруто-Днестровского междуречья и создали в 1359 г. православное Молдавское княжество. Приведенные в диссертации данные археологии, исторической топонимики, лингвистики убедительно подтверждают летописные сведения о двуэтничном волошко-русинском характере Молдавского княжества в XIV-XVII вв.

Для изучения этногенетических процессов в Юго-Западной Руси чрезвычайно важны систематизированные в диссертации сведения об оттоке русинов на запад, в Карпаты, и на север под давлением печенегов и половцев еще в XI-XII вв. С.Г. Суляк прослеживает, как на Внутривосточном плато потомки тиверцев и уличей положили начало Семградской Руси. В 40-е гг. XIII в. еще больший отток населения на север Галицкого княжества, за Карпаты, и на Нижний Дунай вызвало татаро-монгольское нашествие. В современной Юго-Восточной Польше появились предки этнографической группы русинов – лемков.

Новым в историографическом плане и обоснованным диссертантом явилось положение о том, что Древнерусское государство и Галицко-Волынское княжество не включали всех населенных русинами областей. Власть киевских и галицких князей не распространялась на русинов Семиградья и Подкарпатской Руси, а также на бродников и галицких выгонцев Карпато-Днестровских земель. Лишь временно входила в Галицко-Волынское княжество Холмская Русь. Тем не менее, насельники этих земель идентифицировали себя как русины; их историческая, культурная, религиозная принадлежность к русскому миру не вызывает сомнений. Несмотря на проживание вне русской государственности, они вносили свой вклад в общерусскую историю и культуру и участвовали в военно-политических мероприятиях русских князей (поход против татар 1223 г.). Очевидно, понятия «Русь», «Русская земля» некорректно ограничивать, как полагает диссертант, только территорией Древнерусского государства. Эта констатация дает основания для пересмотра общепринятого в науке положения о решающей роли государственности в формировании народностей в раннем средневековье.

Справедливо и положение автора о русинах как разделенном народе. Начало этому процессу положили экспансия волохов, мигрирующих из-за Дуная в Семиградье, и раздел Галицко-Волынского княжества между Польским королевством и Великим княжеством Литовским и Русским. Но русины, где бы они ни жили, стремились сохранить свое самосознание.

Закономерным образом история русинов Молдавии дана в контексте их истории в областях Западной Руси, когда к концу XVIII – началу XIX в. часть православных русинов оказалась под властью католической династии Габсбургов. В силу политических причин и насильственной их ассимиляции в разных государствах утратило свою этнокультурную идентичность малочисленное русинское дворянство, а духовенство было ополячено, орумынено либо омадьарено. В отличие от поляков, венгров и румын, русинская народность в составе Австрийской империи оказалась накануне полной потери своего этнического обличья. Но русины Пруто-Днестровского междуречья, включенного в 1812 г. в состав Российской империи, конфессиональных и этнических притеснений не знали.

Удовлетворительным образом решен диссертантом вопрос о причинах ускоренной ассимиляции русинов Молдавии молдаванами в XVIII – начале XX в. Россия, правопреемница Древней и Московской Руси, не оказывала им поддержки в сохранении своей идентичности. Присоединение Молдавии к России представляло собой решение судьбы молдавского народа и в наименьшей степени русинов. Их ассими-

ляцию молдавским этническим большинством ускорила общая принадлежность к православию и социально-правовое равенство обоих этнических сообществ. И, наконец, разрушению русинского этнического сознания способствовало императивное причисление царской администрацией русинов к числу малороссов.

Убедителен также данный С.Г. Суляком анализ политических мероприятий официальной Вены и польско-католических кругов Галичины, направленных на распространение среди русинов идеологии украинизма, противопоставленной традиционной для них идеологии общерусского интегрализма. Несмотря на спровоцированный этими кругами раскол русинской интеллигенции на «москвофилов» и проавстрийских украинистов, к началу первой мировой войны русины сохраняли сознание своей принадлежности к русскому народу и ориентировались на Россию, хотя «москвофильская» часть русинской интеллигенции была австрийцами уничтожена либо заключена в концлагеря Талергоф и Терезин.

Решающим фактором перехода русинов к «скрытой» этничности, как удалось показать диссертанту, явилось непризнание русинской идентичности властями СССР, проводившими политику консолидации украинской советской нации. Сохранение потомками русинов Молдавии памяти о своем русинском происхождении и специфических русинских черт своей культуры, также раскрытое в диссертации, свидетельствует о возможности возрождения русинского этноса.

Периодизация этнической истории русинов Молдавии, данная в диссертации, представляется обоснованной. В упрек диссертанту следует поставить слишком большое внимание, уделенное им происхождению русинов, особенно их предыстории, и освещению общих, не только русинских, вопросов этнической истории и меньшую проработку вопросов, например, ассимиляции русинов Молдавского княжества в XVIII в. Очевидно, в связи с общей неразработанностью этой проблематики в молдавской историографии диссертанту не удалось статистически проиллюстрировать переход русинов от положения одного из государствообразующих этносов княжества к положению этнического меньшинства.

Пониманию этнических процессов в среде русинов помог бы более углубленный анализ их культурных особенностей и традиций, нежели представленный в четвертой главе диссертации. Судя по материалам этой главы, русины Молдавии сохраняют еще очень многое в своем быту, наряду с особенностями языка, а самое главное – свое самосознание. Пока еще есть возможность «захватить» все это при более масштабном полевом обследовании русинского населения, нежели представленном в работе, и, кроме того, есть возможность сопоставления

экспедиционных данных с материалами исследований по украинцам, в целом по русским и особенно более близким к русинам – южнорусским, а также и молдаванам, поскольку существует многочисленная этнографическая литература по этим народам.

Тем не менее, новаторская в методологическом и научно-познавательном плане, посвященная проблематике, на протяжении семи десятилетий табуированной в СССР и поныне остающейся таковой в Украине, диссертация С.Г. Суляка заслуживает высокой оценки. Она может быть представлена к защите на соискание ученой степени кандидата наук.

Автореферат диссертации и опубликованные по ее теме работы отражают основные положения представленного диссертационного исследования С.Г. Суляка.

Диссертация С.Г. Суляка соответствует требованиям, предъявляемым ВАК РФ, диссертант заслуживает присвоения ученой степени кандидата исторических наук.

Отзыв подготовлен д.и.н., профессором кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Л.Б. Заседательевой, обсужден и утвержден на заседании этой кафедры.

Зав.кафедрой этнологии исторического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Д.и.н., профессор А.А. Никищенко

новости * новости * новости * новости * новости * новости

В конце 2006 г. Общественная организация «Русь» вручила книги, полученные по линии правительства Москвы, русским гимназиям сел Булгак и Свердяк Рышканского района Республики Молдова.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛОВАЦКО-СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ» (ПРЯШЕВ, 5-6 ОКТЯБРЯ 2006 г.)

В начале октября в словацком Пряшеве состоялась международная конференция, посвященная 10-летию преподавания в Пряшевском университете белорусского и болгарского языков. Мероприятие, организованное кафедрой славистики Института русистики, украинистики и славистики и Литературным фондом Словацкой Республики в Братиславе, прошло под непосредственным патронатом посольств Белоруссии и Болгарии.

Всего на конференции было заслушано 44 выступления ученых из Словакии, Белоруссии, Болгарии, Венгрии, России и Украины. После пленарного заседания работа проходила в трех секциях – языковедческой (5-6 октября), литературоведческой (6 октября) и докторантской (6 октября).

Несмотря на то, что организаторы сформулировали предмет конференции как «словацко-славянские связи», поставив отчетливый акцент на болгаристике и белорусистике, не осталась без внимания также русинская проблематика. Это и неудивительно, т.к. именно Пряшев традиционно является столицей русинского национального меньшинства Словакии.

Так, в языковедческой секции прозвучало выступление Веры Ковачовой* из Ружомберка «Словацко-украинские языковые связи и их отражение в сотацких диалектах Северо-Восточного Земплина». Поясним, что, несмотря на присутствие в названии прилагательного украинский, в данном случае речь идет о взаимных контактах словацкого и русинского диалектных ареалов.

Говорилось о русинах и на заседании литературоведов, вместившем в себя не только собственно литературоведение, но также задекларированные в названии конференции иные культурные связи. В частности, учительница из Свидника Ингрид Ильчиско постаралась осветить тему «Исторические мотивы в творчестве Й.М. Гурбана и А. Кралицкого», а автор этих строк представил свое видение истори-

ко-культурных контактов белорусов и русинов («Из истории белорусско-русинских культурных связей»).

Не менее богатой на русинские темы была докторантская (т.е. аспирантская) секция. Именно в этой секции прозвучало выступление докторантки кафедры украинистики Марты Бенько «Фонетическая система и морфологическое строение украинских говоров верхнего течения реки Цырохи». Как и в случае с названием доклада В. Ковач, под «украинскими говорами» в терминологии этой молодой ученой следует понимать русинские говоры. Другая докторантка, Алена Блихова из Института региональных и национальных исследований Пряшевского университета, выступила с темой «Русинско-словацкие языковые контакты».

Таким образом, можно констатировать, что прошедшая конференция, несмотря на свой широкий славистический характер, пополнит новыми позициями и библиографию русинистики. Конкретно это произойдет в первой половине 2007 г., когда, по заверениям организаторов, материалы научной встречи будут изданы в виде отдельного сборника.

* При передаче женских форм фамилий граждан Словакии мы придерживаемся сохранения их структуры в случае носительниц словацкой или русинской идентичности и их приведения в стандартный для русского языка вид в случае носительниц украинской идентичности. Принимая во внимание факт, что мы не знакомы с г-жой Ковачовой и не располагаем информацией о ее национальном самосознании, мы сохраняем словацкое написание ее фамилии.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ХРОНОЛОГИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РУСИНОВ В СЛОВАКИИ» (СВИДНИК, 12-13 ОКТЯБРЯ 2006 г.)

Несмотря на официальное признание Словацкой Республикой русинов, это национальное меньшинство, в отличие от других национальностей страны, до сих пор не имеет собственного музея. Расположенный в Свиднике т.н. Музей русинско-украинской культуры, как

известно, имеет подчеркнута украинофильскую направленность, т.е. игнорирует современное национальное самосознание большинства восточнославянского населения Пряшевской Руси.

Выходу из сложившейся ситуации, а также решению других актуальных вопросов была посвящена конференция, проведенная организацией «Русиньска оброда на Словеньску» (сокращенно – РОС) в теплые октябрьские дни в свидницком отеле «Губерт». Финансовую поддержку активистам для этой благородной и необходимой цели оказало Министерство культуры Словакии.

Главным предметом первого дня мероприятия стало русинское образование, а конкретнее, его самый начальный этап – русинские ясли. Присутствовавших педагогов заинтересовали выступления представительницы Краевого управления образования Бибианы Шабековой, журналистки Сильвии Лисиновой и др. В дискуссионных выступлениях также были затронуты и некоторые иные темы: например, проблематика пряшевского Русского дома (Штефан Секерак) и непростые послевоенные судьбы польских лемков (Федор Гоч).

Не менее, если не более продуктивным, выдался второй день конференции, который открыл председатель РОС Владимир Противняк. В обсуждении исторических и музейных тем приняли участие такие известные специалисты, как Александр Дулеба (Исследовательский центр словацкого общества по вопросам иностранной политики), проф. Штефан Шутай (Словацкая академия наук), проф. Петер Шворц (Пряшевский университет) и один из крупнейших русинистов современности проф. Иван Поп, прибывший в Свидник из далекого чешского Хэба. Не было недостатка и в участниках дискуссии после прочитанных рефератов. Свои материалы также прислали заявленные участники, которые не смогли приехать: Ярослав Цоранич (Пряшевский университет) и Станислав Конечни (Словацкая академия наук). С их кратким содержанием присутствовавших ознакомил главный организатор конференции Ян Калиняк.

Участники конференции в итоговом документе выразили следующие предложения и пожелания:

1. Чтобы Словацкая академия наук систематически уделяла внимание исследованиям в области национальной и церковной истории, языка, литературы, искусства и народной культуры русинов;

2. Т.к. исторической родиной для живущих в Словакии русинов является именно Словакия, Министерству культуры СР и Министерству образования СР необходимо сосредоточиться на специфике этой национальности и надлежащим образом разрешить проблему финансирования в областях культуры, образования, научных исследований и музейного дела;

3. Безоплагательно создать Музей русинской культуры в Свиднике; на уровне РОС направить предложение по созданию музея Министерству культуры СР; избрать кандидата на должность официального представителя музея совместно Министерством культуры СР, Словацким национальным музеем и РОС;

4. Подготовить материал о последовательности действий при создании дошкольных заведений с русинским языком воспитания;

5. Создать при РОС комиссию по историческим исследованиям и языковую комиссию;

6. Пересмотреть массмедийную политику по отношению к русинскому теле- и радиовещанию: увеличить время вещания и количество редакторов, расширить вещание на всю Словакию, перейти на систематические ежемесячные трансляции в телевещании.

Дополнительный вес прошедшей конференции придало присутствие парламентария с русинскими корнями Ярослава Иванчо, третьего секретаря посольства России в СР Игоря Колесенкова и некоторых других авторитетных гостей.

Как нам стало известно, свидницкая встреча не прошла напрасно: министр культуры СР Марек Мадярич недавно заверил русинских активистов, что Музей русинской культуры официально появится в начале года. Непонятно пока лишь то, где он разместится – в Свиднике или Пряшеве*.

Подготовил Михаил ДРОНОВ

Участники конференции в Свиднике.

* От редакции: как стало известно, такой музей уже открылся.

Александр ГЕГАЛЬЧИЙ

РУССКАЯ ПРЕМИЯ И ПОДКАРПАТСКАЯ РУСЬ

В свой очередной и – увы – нечастый приезд на родину я еще раз обратил внимание, что в столице бывшей многонациональной Подкарпатской Руси, в бывшей Мекке многоголосого советского туристического хаджа по Карпатам, в бывшем центре некончающихся музыкальных и театральных гастролей, научных и партийных съездов и конференций больше не существует газеты на русском языке. И это в независимой Украине в демократическом 2005 году! Между тем в тяжелом, еще послевоенном 1920-м в области выходило 22 венгерские, 9 русинских, 10 русских, 5 еврейских, 4 украинских, 4 чешских, 3 чешско-русинских, 2 русско-вергерских, 1 венгерско-русинско-чешская газеты. Вот тебе и многовековое мадьярское иго, вот тебе и полукOLONиальная, как было принято говорить с 1945 по 1991 годы, провинция буржуазной Чехословакии!

Соклассница по ужгородским русским средним школам, в которых я учился, с горечью поделилась, что была вынуждена отдать внука в украинскую школу, потому что русская осталась всего одна, да и там припугнули ее, что с русским языком внук потом ни в один университет не поступит. Как и все закарпатские русские из советского времени, то есть до недавнего времени и я, моя приятельница не знала, например, что в 1937 году, несмотря на уже разгоравшуюся великорейховскую русофобию, за русскую грамматику Е. Сабова здесь проголосовало 313 школ, а за украинскую И. Панькевича – 114. Украинский политический активист был вынужден тоскливо отметить, что «русиньы Закарпаття в конце 30-х годов еще не ощущали себя украинцами».

Так может быть наконец-то на бывших задворках Австро-Венгрии, а теперь на самой окраине наследницы бывшей Советской и Российской империи, которая эти задворки в 1945 году торжественно отхватила и свободно к себе присоединила, говорят на исконном русинском языке?

«Нет! Русинского языка, как и русинской нации, в природе не существует. А имеется лишь горстка отщепенцев, так называемых «политических русинов» и примкнувших к ним безродных космополитов и прочих москалей, которые хотят неконституционным путем восстановить историческую справедливость. Они даже попытались в 1991 году

провести референдум об автономии Подкарпатской Руси в составе Украины. И 78% несознательных жителей Закарпатской области за эту идею проголосовало».

Оформили, правда, эту мечту под давлением бывших секретарей ЦК КПУ из Киева как «самоуправляемую территорию». Потом и получили из столицы через губу разъяснение, что в свободной Украине каждая область – это «самоуправляемая территория».

Вот как-то так и получилось, что в начале третьего тысячелетия в географическом центре Европы, в уникальном историческом узле, где слилось и перемешалось восточное и западное славянство, оказались на грани вымирания языки сегодняшних национальных меньшинств – русский и русинский.

Оказалось также, что эта проблема волнует не только меня, старого русского, в смысле не «нового русского», а и некоторых моих добрых друзей и знакомых, которых удерживает в Подкарпатской Руси некая эфирная связь. «Эфирная» – слово устаревшее и некоторым молодым людям уже совсем непонятное. Поэтому дополнилось оно совсем уж современным и конкретным словом «виртуальная». Это уже из Интернета, то есть из всемирной электронной паутины, которая не признает и не требует границ между своими государствами-серверами, расами и нациями, прописанными в двоичных кодах. В Интернете пока еще, если ты не террорист и не педофил, можно мечтать обо всем. Даже о независимой Подкарпатской Руси. Виртуальной, конечно. Потому что если будешь мечтать о настоящей, то, несмотря на все твои пароли, вычислить в Интернете тебя как покушающегося на новый мировой порядок для специалиста из службы безопасности и бывшего хакера – нет проблем. Зато мечтать можно как на древнем, хоть и не до конца кодифицированном русинском языке, так и на хоть и не запрещенном, но кому-то очень нежелательном русском.

К августу 2005 года стало ясно, что языковые мечты хорошо бы подкрепить и чем-то осязаемым, например, литературной премией из презренного металла. История пока умалчивает, где и в какой миг появилось название нашей премии – Русская. Как-то не удосужились все рассуждения протоколировать. Но оно всем закоперщикам идеи в конце концов очень понравилось, особенно потому, что и по-русински слово зазвучало тоже точно и звонко - «Руська премія».

Проверили в поисковиках на Интернете – и в РАМБЛЕРЕ, и в GOOGLE – ничего подобного не нашли. Ради важности создали «Международный фонд «Русская премия» - я все же живу теперь не только и не столько в Закарпатье, но большей частью в Праге и в самолете. И соучастники – на Украине, в Словакии, Германии, Швейцарии. Хоть все мы – граждане виртуальной Подкарпатской Руси. И гостей, посе-

тителей у нас на сайте www.volny.cz/premija-ru за год с небольшим побывало более 2800 из 40 стран. Польша, Чехия, Россия, Канада – это понятно. Но как пробиваются к нам русины из Египта, Малайзии, Азербайджана, Швеции? Неисповедимы пути Господни!

С названием премии вышло несколько казусов

Во-первых, печальная ситуация с русским языком сложилась не только у нас, но и на всем огромном постсоветском пространстве, на территориях, отошедших победителям в третьей мировой, слава Богу, холодной войне. И там тоже есть нормальные люди, которые воспринимают унижение крупнейшего славянского языка, как личную трагедию. Поэтому уже в сентябре 2005 года фонды развития «Институт евразийских исследований» и «Кавказский институт демократии» провозгласили об учреждении Русской премии для русских писателей Кавказа и Средней Азии. К сожалению, нас об этом не оповестили, и пока наши тезки с многоуважаемым Ч. Айтматовым во главе думали-думали, рожали «лонг-лист номинантов», рожали «шорт-лист номинантов» «Русской премии» (о, великий русский язык!), мы уже вручили и призы, и медали, и выпили всю водку... Тезки на нас, неведающих, обиделись. Зря. Вторая, или «большая» Русская премия, кстати, уже расширилась на все бывшие нерусские губернии. Мы искренне желаем ей всяческих успехов, а сами скромно продвигаемся по всему всемирному виртуальному пространству.

Во-вторых, есть несколько взглядов на понятие «русский». Не наш, а второй взгляд, принадлежит, например, завзятому украинскому журналисту Я. Ядловскому, который по случаю вручения первой Русской премии договорился 26.12.05 в Укринформе до следующего: «...До речі, не слід плутати слово «русський» і «російський». Перше є давнім синонімом слова «український». Колись Україна називалася Руссю, а теперішні українці - русинами /русами, руснаками і т.д./. І мовою вони розмовляли руською, тобто українською, а не російською. Отож і «Руська премія», вочевидь, у перекладі на сучасну мову означає «Українська премія»...

Что тут сказать?!...

Скажем лучше о лауреатах

Иван Петровций. Классик русинской литературы. Переводчик и знаток Бодлера, Франка, Пушкина, Лермонтова, Петефи, Верлена, Гюго, Аполлинера, Костолани, Ййеша. Творец современного русинского языка. Обращается с языком смело, вызывающе, иногда грубо, пробуя на излом, но ни в коем случае не небрежно. Пока ученые успевают подобрать и кодифицировать 10 слов, он выдумает и опробует 20. Сколько потом из них будет признано – не его забота. Он спешит. Печет на своей печи озорные «эротические» (кто-то говорит матерные

- клевет) спиванки и воюет со всеми врагами Подкарпатской Руси. Битвы эти часто напоминают атаки Дон Кихота. Однако, с трудом избежал суда за оскорбление в стихах президента и государственных символов Украины. У служащих местной Фемиды хватило гражданского мужества похоронить это дело.

Владимир Бедзир. После физфака в Ужгороде и окончания ВГИКа оказался в российской глубинке, где как раз в устах и в глотках новых и старых русских фантазмагорически изменялся, взрывался, самовоспламенялся, сгорал и возрождался на переломе страны и тысячелетий великий русский язык. Вобрал в себя это чудо или чудище, вылил на небесный лист и поплыл по нему, по России, по Русинии, оставляя за собой «Историю про невезучую курицу», «Держи карман шире», «Дело с многими иксами», «Козью-ностру», «Фантазию для смычка без канифоли».

Василь Магола. Инженер Ужгородского механического завода, с которого ездить приходилось главным образом на строительство подлодок в Питер, менеджер, предприниматель, торгаш - и вдруг, в oh какие небогатые 2000-е годы, - артист Закарпатского народного хора, поэт. Этакий Гоген с Подкарпатской Руси. Получил премию за верность русинскому языку и русинской отчизне. И вот за этот стих:

Русинська загадка для діточок

Што таке – на стовпі „Галя” ?

Угадай, брате муй, українцю.

Што таке – у кременцуну анцуг ?

Удагай, заклятий ты німцю.

Што таке – шандарь і пендрик ?

Угадай ты, пічений мадяре.

Што таке малинький погарчик ?

Угадай ты, мацкалю Іване.

Де в Мукачеві „Красна голка” ?

Най угадать словак і чех.

А поляк най мені отвітить,

Ко такий є Валенса Лех ?

Де ся діла румуне границя ?

Што із Луга тече у Бичків.

Президент із якої Державы

На Говерлі пуд корча сів ?

Ко вгадав, тот зо мнов щи ся бавить !

Ко не знає - русина йзів.

Феликс Кривин. Да-да, тот самый. Русский писатель, еврей - как он сам представляется. Жив курилка. Живет, с одной стороны, по соседству с пустыней Неgev, а с другой – рядом, в нашей виртуальной

Подкарпатской Руси, о которой пустыне и рассказывает. Отличился тем, что в 1955-1998 годах жил в городе Ужгороде и тако-о-ое здесь натворил... а также за разговоры и настроения о Подкарпатской Руси в повестях, рассказах, диаложках и ужимках. Без него русский язык XX века был бы неполным (см. Антология сатиры и юмора России XX века. Том 18. М: Изд-во ЭКСМО-Пресс. 2001, а также наш сайт - www.volny.cz/premija-ru/krivin). Немаловажно мнение этого много выдававшего человека о ситуации вокруг русинов: «...считаю, что уничтожение этой нации, систематически предпринимаемое господствующими режимами, - большой ущерб для мировой культуры».

Премия существует на добровольные частные пожертвования и зависит от предпринимательских успехов ее доброжелателей. Поэтому мы вынуждены искать и другие источники для поддержания дела на плаву. Не особо надеясь на «неправительственные» организации, мы последовательно исследуем историю с золотом Российской империи, к которому были причастны и мои сибирские предки, воевавшие и за Колчака, и против него, и русины из огромного Чехословацкого корпуса, прокатившегося по революционной России и смывшего большую часть оного золота. И прибавшего его к берегам – а как же иначе! – виртуальной Подкарпатской Руси. Если и вам известно что-либо об этой захватывающей дух истории – пишите на premija-ru@volny.cz

Место послесловия: 7 марта 2007 года Закарпатский областной Совет принял историческое решение признать на территории Закарпатской области национальность «русин». «За» - 71, «против» - 2, «воздержались» - 2. Такова реакция депутатов на многолетние, настойчивые и толерантные требования общественности признать право русинов быть народом.

Официальный сайт депутата

Государственной Думы России

Андрея Николаевича Савельева:

<http://www.savelev.ru>

Уважаемые читатели! В журнале «Русин» № 3 (5) за 2006 год мы опубликовали ряд биографий известных общественно-политических, религиозных, военных и культурных деятелей Молдавии. С этого номера мы вводим новую рубрику «В помощь учителю». В этом номере мы публикуем некоторые справочные материалы по истории нашего края.

Бессарабия - историческая область, расположенная между реками Днестр, Прут, низовьями Дуная, Черным морем и р. Ракитна, по которой проходила граница между Б. и Северной Буковиной. До начала XIX в. Б. называлась южная часть Пруто-Днестровского междуречья. В IX-XI вв. данная территория входила в состав Древнерусского государства. Набеги кочевников (печенегов и половцев) вызвали отток населения на север. Но и после этого Пруто-Днестровское междуречье было зависимым от Галицко-Волынского княжества. Здесь продолжало жить многочисленное древнерусское население. Местное население, т.н. «выгонцы галицкие», приняло участие в битве на Калке (1223). Согласно данным русской летописи, они прибыли на 1000 лодьях, т.е. их было не менее 30-40 тыс. чел. «Выгонцы» - скорее всего, название рода занятий местного населения. Ранее летописцы называли представителей жившего здесь древнерусского племени тиверцев «толковинами». Одно из значений слова «толока» - выгон, сельское общее пастбище, поле под паром, на которое пускают скот. То есть в данном случае слова «выгон» и «толока» – синонимы, как и производные от них: «толковины» и «выгонцы». Речь идет о сформировавшемся на территории Юго-Западной Руси особом хозяйственно-культурном типе населения, которое наряду с земледелием активно занималось и скотоводством.

В течение второй половины XIII – первой половины XIV в. территория Б. частично входила в состав Золотой Орды. Со второй половины XIV в. Днестровско-Прутское междуречье становится частью *Молдавского княжества*. В 1484 г. турки захватили крепости Килию и Белгород (переименован в Аккерман), в 1538 г. - Тигину (Бендеры), в 1595 г. – Смил (Измаил), в 1715 г. - Хотин, превратив их в райи – территории, находящиеся под прямым управлением турецких военных властей. В XVI в. на юге Бессарабии были поселены татары-ногаи. Эта местность получила название Буджак (по-турецки – угол).

По условиям Бухарестского мирного договора 1812 г. Пруто-Днестровское междуречье вошло в состав России. Количество жителей в крае к 1812 г. несколько уменьшилось за счет ликвидации турецких

гарнизонов и ухода ногайцев из Буджака. В течение XIX в. происходили некоторые изменения границ Б.: по Адрианопольскому мирному договору 1829 г. к Б. отошло устье р. Дунай, по Парижскому мирному договору 1856 г. дельта Дуная передавалась Турции, а юго-западная часть Б. вошла в состав Молдавского княжества, зависимого от Турции. После русско-турецкой войны 1877-1878 гг. по Берлинскому трактату 1878 г. юго-западная часть Б. была возвращена России.

С 1812 по 1828 г. Б. была областью на особом положении с сохранением местных особенностей в управлении. С 1816 по 1823 г. область была в ведении подольского генерал-губернатора. С 1823 по 1874 г. область находилась под верховным управлением новороссийских генерал-губернаторов, носивших до 1828 г. титул «наместников Бессарабской области», а с 1828 г. – «новороссийских и бессарабских генерал-губернаторов». С 1828 г. утверждена Бессарабская область на общем основании, в 1865 г. Бессарабское областное правление было переименовано в губернское правление, и в 1873 г. сама область была переименована в губернию. Бессарабская губерния делилась на уезды: Хотинский, Бельцкий, Сорокский, Оргеевский, Кишиневский, Бендерский, Аккерманский, Измаильский.

Присоединение Б. способствовало ее экономическому и культурному развитию. Б. стала одной из наиболее развитых аграрных губерний России. За 1814-1911 гг. валовое производство зерна увеличилось в 25 раз. Главным предметом вывоза была пшеница. Также экспортировались ячмень, льняное семя, кукуруза. В начале XX в. Б. производила сороковую часть зерна в масштабах европейских губерний России, его экспорт составлял 10-14% от общероссийского. В другие губернии, а также в Москву и Санкт-Петербург вывозились яблоки, груши, сушеные сливы (чернослив), абрикосы. Причем сушеные плоды по качеству не уступали заграничным. Б. занимала первое место в России по виноделию. По данным на 1889 г., в Б. под виноградники было занято 59266 десятин земли; в 1891 г. – около 65 тыс. Со второй половины 1910 г. в России начался экономический подъем, который продолжался вплоть до первой мировой войны. В Б. резко увеличилось количество средних и мелких предприятий. В 1913 г. их было 3270 против 1287 в 1909 г. Посевные площади зерновых культур увеличились в 1909-1913 г. на 9% и составили в 1914 г. 2346 тыс. десятин. Средний валовой сбор зерна увеличился с 112 млн. пудов в 1905-1909 гг. до 150 млн. пудов в 1910-1914 гг., т.е. на 34%. Увеличилось число торговых предприятий: с 23,5 тыс. в 1909 г. до 28,3 тыс. в 1912 г.

Выросло население края. Его увеличение происходило как за счет естественного прироста, так и за счет притока переселенцев из-за границы и других российских губерний. В 1812 г. в крае проживало, по

разным оценкам, от 240 тыс. до 334 тыс. чел. Численность населения Б. возросла с 1812 по 1858 г. в 3,7 раза, в Хотинском уезде – в 11,5 раза. В середине XIX в. наиболее населенными были Кишиневский и Хотинский уезды. По переписи 1897 г. в Б. проживало (распределение населения по языку): молдаван – 920 919 чел. (47,58%), русских (великорусов, малорусов, белорусов) – 537 943 чел. (из них великороссов – 155 774 чел., малороссов – 379 698 чел.). К малороссам были причислены и русины, потомки древнерусского населения Карпато-Днестровских земель, второе по численности после молдаван коренное население края. Их к началу XX в. было, по сведениям российских этнографов, не менее 250 тыс. чел. (1/8 населения губернии). Они проживали в основном на севере и северо-востоке губернии (Хотинский, Сорокский и Бельцкий уезды). Также в Б. проживали евреи, болгары, гагаузы, цыгане, поляки, немцы и представители других национальностей.

Самой многочисленной политической организацией в крае был Союз русского народа. В мае 1909 г. Бессарабское отделение Союза русского народа состояло из 7 отделов и 55 подотделов, в которых числилось 18,5 тыс. чел. Кроме того, север Б. охватывал Почаевский (Вольнский) отдел Союза русского народа. В 1908 г. его численность достигла 104 289 тыс. чел. Его центром был Почаев. Верой и правдой служили царю и молдавские националисты.

С началом первой мировой войны Б. оказалась вблизи от линии фронта. В результате австро-германского наступления на Восточном фронте в 1915 г. северные уезды Б. (Сорокский и Бельцкий) стали вплотную примыкать к театру военных действий, а по Хотинскому уезду стала проходить линия фронта. Большое количество крестьян этих уездов оставили свои села и эвакуировались в глубь Б. и в другие губернии. В 1916 г. русские войска заняли Луцк, Черновцы, Станислав, очистили от неприятеля север Б., форсировали Днестр, Прут. К апрелю 1916 г. в русскую армию было призвано 250 тыс. бессарабцев, на окопные работы – 72 тыс. чел. В этом же году Румыния, которая до этого долго колебалась и вела длительные торги между противоборствующими сторонами, выступила на стороне Антанты. Участие Румынии в боевых действиях ухудшило положение русской армии. Предпринятое в августе 1916 г. румынское наступление на Трансильванию оказалось неудачным. В сентябре немецко-болгарские и австро-венгерские войска перешли в контрнаступление, спустя несколько месяцев разгромили основные силы румынской армии и оккупировали большую часть страны. Россия была вынуждена открыть еще один фронт протяженностью 600 км. К концу 1916 г. здесь располагалась 1/4 часть вооруженных сил России (35 пехотных и 13 кавалерийских дивизий). Вся Б. стала прифронтовым районом.

Война внесла глубокие изменения в экономическую жизнь края. За три военных года на одну треть уменьшилось количество торгово-промышленных предприятий. С другой стороны, увеличилась закупка продовольствия. За три года войны у населения было закуплено для нужд армии до 70 млн. пудов зерна, в т.ч. в 1916 г. – 30 млн. пудов. Это составляло 6% общих заготовок по стране. Б. поставляла зерна государству больше, чем пять европейских губерний: Курская, Орловская, Пензенская, Оренбургская, Рязанская вместе взятые. На особом совещании правительства по продовольственному вопросу говорилось, что «Бессарабия находится на особом положении в стране. Она в значительной мере обслуживает продовольственные и фуражные нужды армии».

Революционное брожение, Февральская и Октябрьская революции разложили русскую армию. Восточный фронт начал разваливаться. 26 ноября (9 декабря) 1917 г. правительство Румынии заключило в Фокшанах перемирие с австро-германским блоком.

В конце декабря 1917 г. в частях русской армии на Румынском фронте началось формирование отрядов для отправки на Дон в Добровольческую армию Юга России. Несмотря на противодействие со стороны командующего Румынским фронтом генерала Щербачева и румынского командования, было сформировано три бригады добровольцев. После приказа Щербачева о роспуске бригад полковник *М.Г. Дроздовский* отказался распустить сформированную им в районе г. Яссы бригаду. Бригада Дроздовского численностью более 1000 чел. прошла путь свыше тысячи километров по территории, занятой румынами, немцами и большевиками, на соединение с Добровольческой армией. На базе бригады была сформирована дивизия, командиром которой стал генерал Дроздовский. После его смерти дивизия получила название Дроздовской. Она стала одним из лучших соединений Белой армии. Последним командиром Дроздовской дивизии был уроженец Тирасполя *Антон Васильевич Туркул*.

В декабре 1917 г. румынские королевские войска вторглись в пределы Б., захватили г. Леово и ряд сел. Одновременно продолжались бесчинства по отношению к русским войскам Румынского фронта. Советское правительство направило румынскому правительству две ноты, где требовало положить конец бесчинствам и наказать виновных. Большевистское правительство во главе с Лениным с самого начала заняло жесткую позицию по бессарабскому вопросу, что привлекло к нему симпатии населения края. К началу января Советская власть победила почти во всех городах и местечках Б. В начале января 1918 г. полк трансильванцев, сформированный из бывших австро-венгерских военнопленных, при содействии украинской Центральной Рады был направлен для захвата г. Кишинева. Однако, по прибытии на станцию

эшелон был разоружен армейскими частями, подчинявшимися Кишиневскому Совету. Подтянув войска, в ходе трехдневных (10-12 января) боев румыны захватили Кишинев. 16 января началась бои под Бендерами. Противнику удалось занять город только 25 января. Румынским захватчикам в оккупации Б. помогали воинские части Центральной Рады. Несмотря на демарши Советского правительства, Румыния продолжала военные операции по оккупации Б. и разоружению частей старой русской армии.

В северной части Б. сильное сопротивление интервентам оказывали части 8-й старой русской армии и отряды, сформированные местным населением. По договоренности с Румынией австро-венгерские войска в конце февраля 1918 г. захватили север Б., где они находились до распада Австро-Венгрии.

Стремясь обосновать «законность» захвата Б., румынские власти оказали давление на «Сфатул Цэрий» (Совет страны), начавший работать в ноябре 1917 г. и не имевший реальной власти. Стремясь изменить его состав в свою пользу, румынские военные власти расстреляли ряд лиц из его состава и вне его - «красных» и «белых», одинаково отрицательно относившихся к румынам. Его состав был пополнен сторонниками объединения с Румынией. 24 января 1918 г. «Сфатул Цэрий» провозгласил независимую Молдавскую Народную Демократическую Республику. 9 апреля было проведено голосование за «условное» присоединение к Румынии. Крестьянская фракция и другие группы депутатов отказались голосовать за это решение. В зал заседания были введены румынские войска. Голосование стали проводить поименно. Но и в этих условиях из 162 депутатов только 86 депутатов проголосовало за присоединение. Добиваясь официального признания аннексии Б. на предстоящей мирной конференции в Париже, румынские власти решили арестовать и выслать из Б. всех членов «Сфатул Цэрий», которые открыто выступали против оккупации. Но и эти меры не принесли желаемого результата. 10 декабря оккупанты попытались собрать «Сфатул Цэрий» для принятия решения о «безусловном» присоединении края. Однако им не удалось собрать кворум: они собрали менее 40 депутатов. Эта группа депутатов во главе с П. Халиппой без какого-либо формального голосования объявила о «безусловном присоединении» Б. к Румынии. Незаконное решение вызвало протест большой группы депутатов, которые в акте протеста заявили, что считают эти постановления «Сфатул Цэрий» «в виду допущенных явных правонарушений, граничащих с обманом, недействительными, незаконными».

Против аннексии выступило большинство населения края. Ярким примером борьбы за освобождение Б. явились *Хотинское* и *Бендерское* восстание 1919 г. Они были подавлены румынской армией.

В Б., по сведениям румынских властей, за первые 8 лет оккупации были казнены 15 512 человек гражданского населения. В 1924 г. 29 депутатов румынского парламента, представлявших Б. (в большинстве бывшие лидеры «Сфатул Цэрий», продавшие Б. королевской Румынии), направили румынскому королю послание, в котором, в частности, писали: «В течение шести лет Бессарабия управляется такими методами, какими сегодня не могут быть управляемы даже черные колонии в Африке». Но эти меры мало что дали. Профессор Ясского университета О. Гибу в докладе на имя министра просвещения Румынии в 1936 г. писал: «По духу своему Бессарабия теперь несравненно более русская, чем в 1918 г... И сейчас в городах почти все охотнее говорят по-русски и читают чаще всего русскую прессу, всячески препятствующую утверждению румынизма». Из 58 газет, появившихся в крае в период с 1917 по 1927 г., 34 выходили на русском языке. В 1933 г. сигуранца (тайная политическая полиция в королевской Румынии) констатировала: «Румынизация Бессарабии, особенно городов и местечек, задерживается... Бессарабская душа, которая все еще живет в видении старой России, не может быть достаточно близкой национальным стремлениям объединенной Румынии». В Северной Буковине и Б. проводилась насильственная румынизация. В январе 1938 г. королевский наместник Б. генерал Чуперкэ издал приказ, запрещавший говорить в присутственных местах на русском языке. Повсюду весели таблички с надписью «Vorbiți numai românește!» («Говорите только по-румынски»).

За 22 года оккупации Б. покинуло не менее 500 тыс. человек (свыше 16,5% населения). В Советский Союз бежало свыше 100 тыс. человек. Были созданы «общества бессарабцев» в СССР, Германии, Австрии, Франции, Бельгии, Чехословакии, Люксембурге. Главной целью этих обществ было разоблачение бесчинств оккупантов в крае.

16 сентября 1924 г. на юге Б. началось восстание за воссоединение с Советским Союзом. Центром восстания стало с. Татарбунары. 22 сентября восстание было подавлено. Были арестованы 1617 участников, около 500 были брошены в тюрьму. Над ними был устроен так называемый «процесс 500».

В 1924 г. из политических соображений была создана Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика (МАССР) в составе Украинской ССР. Инициатором этой идеи была группа бессарабцев во главе с *Г.И. Котовским*. В состав МАССР вошло 11 районов Левобережья Днестра. Ее столицей сначала была Балта, а с 1929 г. - Тирасполь.

26 июня 1940 г. советское правительство обратилось с нотой к румынскому правительству, в которой предлагало возвратить Советскому Союзу Б. и Северную Буковину. Румынское королевское правитель-

ство в ноте от 28 июня 1940 г. приняло предложение советского правительства. Б. и Северная Буковина вошли в состав СССР. 2 августа 1940 г. на VII сессии Верховного Совета СССР был принят Закон об образовании союзной Молдавской Советской Социалистической Республики. В состав МССР были включены г. Кишинев и 6 уездов Б.: Бельцкий, Бендерский, Кагульский, Кишиневский, Оргеевский и Сорокский. Аккерманский и часть Измаильского и Хотинского уездов, в которых преобладало малоросское и русинское население, были переданы Украинской ССР. Также к МССР были присоединены г. Тирасполь и 6 районов МАССР: Дубоссарский, Каменский, Рыбницкий, Григориопольский, Слободзейский и Тираспольский.

27 августа 1991 г. парламент республики провозгласил Молдавию «суверенным независимым и демократическим государством» - Республикой Молдова.

Лит.: Адрес-календарь Бессарабской губернии на 1912 год. Кишинев, 1911; Бессарабия. Историческое описание. Посмертный выпуск исторических изданий П.Н. Батюшкова. СПб., 1892; Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднепровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев, 1979; История Молдавской ССР. Т. I. Кишинев, 1965; История Молдавской ССР. Т. II. Кишинев, 1968; История Молдавской ССР с древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1984; Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев, 1979; Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974; Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004; Суляк С.Г. Сын самодержца всея Руси // Русин № 2. Кишинев, 2005; Суляк С.Г. Русины в период первой мировой войны и Русской Смуты // Русин № 3. Кишинев, 2006; Тимошук Б.А. Славяне Северной Буковины VI-IX вв. Киев, 1976.

Буковина (т.е. страна бука) - историческое название территории, входящей ныне в состав современной Черновицкой области Украины и области Сучава Румынии. Б. в I тысячелетии была населена восточнославянскими племенами тиверцев, уличей и белых хорватов. В X-XII вв. большая часть Б. входила в состав Древнерусского государства, в XII – первой половине XIV в. - в Галицко-Волынское княжество. Во второй половине стала центром формирования Молдавского княжества. В 1774 г. большая часть территории Б. была присоединена к Австрии. Часть Северной Б. по Бухарестскому мирному договору 1812 г. отошла к России и вошла в состав *Бессарабии*.

По состоянию на 1887 г. население австрийской части Б. составляло 627786 чел. Из них 42% были русинами (руснаками), 32,5% - румына-

ми, 8% - немцами, 12% - евреями, 3% - поляками. Русины в основном были крестьянами, а помещики - румынами. Православных был 71%.

Первая половина XIX в. ознаменовалась рядом крестьянских восстаний, в основном в предгорных районах, на Гуцульщине. В 1840-х гг. произошло восстание, которое возглавил *Лукьян Кобылица*. Во время революции 1848 г. приглашенный в числе других представителей Б. в Вену Л. Кобылица выступил в парламенте за автономию Б. и передачу земли крестьянам. В 1849 г. по австрийской конституции Б. была преобразована в самостоятельную административную единицу, названную герцогством Буковинским. В 1850 г. Буковина получила право иметь свой сейм (сойм) в Черновцах. В 1854 г. была образована отдельная краевая управа. Но на деле институты автономии находились в руках румын и немцев. В 1860 г. австрийское правительство провозгласило объединение Б. с Галицией, что постепенно свело на нет и без того скромные права и создало предпосылки для полонизации края. По февральскому «патенту» 1861 г. Б. было вновь предоставлено право созыва краевого сейма в Черновцах, фактически упраздненного при объединении с Галицией. По конституции 1867 г. в парламенте Австро-Венгрии Б. было предоставлено 11 мест (сельским общинам из них - 3).

Деятельность большинства русинских организаций Б. носила общерусский характер и была направлена на актуализацию исторической памяти о принадлежности русинов к русскому народу. Украинофильских организаций было немного, и они не пользовались широкой поддержкой населения. На Б. на страхе австрийских властей перед «москвофильским» движением («москвофилами») украинисты называют представителей русинского движения) вначале пытались играть румынские националисты. Они не брезговали доносами на «москвофилов». Но когда после русско-турецкой войны (1877-1878) княжества Валахия и Молдова получили независимость, а затем в 1881 г. было образовано Румынское королевство, среди румын Б. усилилась тяга к объединению. Поэтому австрийское правительство в свою очередь попыталось разыграть против румынских националистов украинскую «народовскую» карту. С помощью властей в 1884 г. «народовцы» захватили руководство в «Русской Беседе», а в 1885 г. прибрали к рукам руководство в «Русской Раде».

Накануне первой мировой войны австро-венгерские власти приняли ряд мер по ликвидации русского (русинского) движения Австрийской Б.. По голословным обвинениям в шпионаже в пользу России и государственной измене австрийскими властями было закрыто большинство русских организаций Б., а их имущество было конфисковано и позже продано с торгов.

В начале первой мировой войны австро-венгерские власти начали террор против русинского населения. Тысячи буковинцев за «русофильские» симпатии были посажены в тюрьмы, концентрационные лагеря Талергоф и Терезин. Множество простых крестьян, горожан, священников были убиты австро-венгерскими солдатами без суда и следствия.

После распада Австро-Венгрии 3 ноября 1918 г. в Черновцах состоялось Буковинское народное вече. Оно провозгласило «объединение не только с большевистской Украиной, но и с большевистской Москвой». В ноябре 1918 г. в Б. были введены румынские войска. В ноябре 1919 г. в Черновцах восстал 113-й Буковинский полк, состоявший в основном из русинов. Восстание началось с антирумынской демонстрации. Бросив против восставших 4 полка, румынское командование подавило восстание. Под суд были отданы 149 солдат, из них 7 приговорены к смертной казни, остальные - к каторжным работам от 4 до 20 лет

В 1940 г. Северная Б. была передана СССР и вошла в состав УССР. На ее территории создана Черновицкая область, к которой была присоединена часть Хотинского уезда Бессарабии.

Лит.: Добржанський О. Національний рух українців Буковини другої половини ХІХ - початку ХХ ст. Чернівці, 1999; Суляк С.Г. Осколки Святої Русі. Очерки етнічної історії руснаків Молдавії. Кишинев, 2004; Суляк С. Русини в період першої світової війни і Руської Смути // Русин. № 1 (3). Кишинев, 2006.

Гайдуки (по-сербски «хайдук» (хайдутин), имеет тот же корень, что и *гайдамак* (от тур. *haudamak* - нападать) - участники антифеодального и антиосманского движения в Болгарии, Сербии, Валахии и Молдавии в XV-XIX вв. Г. участвовали в Первом сербском восстании 1804-1813 гг., в русско-турецкой войне 1877-1878 г.

В *Молдавском княжестве* Г. известны с XV в., первоначально их называли «разбойниками» В молдавских грамотах второй половины XV в. встречается термин «разбой», которым обозначали открытые выступления крестьян против феодалов. В источниках, касающихся Молдавии, слово «гайдук» впервые упоминается в середине XVII в. В 1665 г. секретарь английского посольства в Константинополе Рико в своих путевых заметках написал и о гайдуках, называя их также разбойниками. Он указал, что «простолюдины из Семиградии, Молдавии, Венгрии и других земель» называют их «хайдуки».

Численность отрядов Г. была небольшой – 10-20 чел. Совершив налет на имение какого-нибудь боярина, они быстро уходили в другое место или укрывались в селе среди крестьян. У Г. сложились свои обычаи и обряды. Вступивший в отряд приносил клятву верности товарищам. Свои отряды Г. собирали обычно весной. Зимой они возвраща-

лись к мирным занятиям. Против Г. применялись карательные меры. Если в XV – середине XVI в. «тать» и «разбойник» мог выкупиться, то с конца XVI в. он подлежал, согласно закону, смертной казни. С 1634 по 1646 г. при дворе молдавского господаря Василия Лупу было казнено 20 тыс. «разбойников».

Сохранились некоторые имена предводителей отрядов Г. первой половины XVII в.: Дмитрий Попоця, Григорий Реул, Ионашко Рацул и др. Ко второй половине XVII в. усиливается движение Г. на севере Молдавии. Здесь Г. было легче скрываться от преследователей за границей, они могли получать помощь от *опришков*. В конце 50-х гг. здесь действовал отряд Детинки. На его поимку был послан отряд служилых людей во главе с боярином Бучоком. Движение Г. ширится в период русско-турецких войн XVIII в. Часто отряды Г. вступали добровольно в русскую армию. В этот период среди предводителей Г., нападавших на боярские усадьбы, известны Штефан Бужор, Никита Унгурану, Кондураки и др.

Продолжается движение Г. и после присоединения *Бессарабии* к России. Наиболее частые упоминания о Г. встречаются после 1820 г. Урсул и Кирджали, действовавшие со своими отрядами в Валахии и Запрутской Молдавии, после поражения патриотического движения греков Гетерии и восстания Тудора Владимиреску в Валахии перешли в Бессарабию. Здесь они начали грабить имения бессарабских помещиков, дома купцов и монастыри. Оба были пойманы властями. Кирджали был передан турецким властям и казнен ими в Яссах в 1824 г. В 30-х гг. особенно был известен отряд Тодора Тобултока. Его неоднократно арестовывала полиция, но ему удавалось совершать побеги. В начале 40-х гг. известность получают отряды Баргана и Грозеску. Первый действовал в Кишиневском уезде, в окрестностях местечка Ганчешты (ныне г. Хынчешты), второй - на юге Бессарабии. Во второй половине XIX в. движение Г. в Бессарабии, благодаря действиям властей, прекращается.

Г. воспеты в народных песнях, легендах, сказаниях, в произведениях А.С. Пушкина, Х. Ботева, К. Негруци, А. Руссо, В. Александри, Б.П. Хашдеу и др.

Лит.: Драгнев Д.М. Гайдуки – народные мстители. Кишинев, 1962; История Молдавской ССР Т. I. Кишинев, 1965.

Дунайское казачье войско было сформировано в 1807 г. на юго-востоке *Бессарабии* (в Буджаке) из бывших запорожцев. В 1775 г. после ликвидации Запорожской Сечи часть запорожцев в количестве 5000 человек под предводительством атамана Ляха перешла к туркам. Запорожцы были поселены в устье Дуная и создали там *Сечь Задунайс-*

кую. В 1807 г. в начале русско-турецкой войны командующий Дунайской армией генерал И.И. Михельсон уговорил часть сечевиков, в основном семейных, возвратиться в русское подданство. Из них было сформировано два полка - Буджакский и Усть-Дунайский, которые были названы Усть-Дунайским войском. По окончании войны часть казаков переселилась в земли Черноморского казачьего войска, некоторые остались в Буджаке, где образовали селения Акмагнит и Староказачье. Оставаясь вне службы и без прав казачества, они подчинялись гражданским властям и были переведены в государственные крестьяне. Недовольные новым положением казаки разошлись по селам Бессарабской и Херсонской губерний, некоторые, оставив поселения, вновь переселились в Турцию. Во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг. было восстановлено Усть-Дунайское войско, которое получило название «Дунайских казаков». Было сформировано два полка: пеший и конный. Полки пополнялись запорожцами и волонтерами (*молдавскими добровольцами*). Всего набралось около 300 чел. По заключении мира с Турцией поселения казаков были причислены к военному ведомству. В середине XVIII в. дунайские казаки образовали одиннадцать станиц и хуторов. Однако на основании Парижского трактата в 1856 г. часть войсковых земель отошла к *Молдавскому княжеству*. Казаки из этих поселений были переведены в другие станицы, и войско было переименовано в Новороссийское. Центром войскового управления стала станица Николаевка Новороссийская (б. местечко Байрамча). В 1858 г. казачье население обоего пола составляло более 12 тыс. чел. В 1868 г. войско было упразднено, казаки вошли в состав крестьян-собственников.

Лит.: Бессарабия. Историческое описание. Посмертный выпуск исторических изданий П.Н. Батюшкова. СПб., 1892.

Молдавское княжество - государственное образование, возникшее в середине XIV в. между Дунаем и Карпатами. Его создали местное русское население (русины) и волохи. Волохи в качестве компактной этнической группы появляются здесь в середине XIV в. Молдавское государство возникло в период усиления польско-католической агрессии против Юго-Западной Руси. В 1359 г. М. к. добилось независимости от Венгрии. О принадлежности Пруту-Днестровского междуречья М. к. известно из грамоты господаря Романа I, назвавшего себя в 1392 г. владетелем всей Земли Молдавской «от планины (*горные пастбища в Карпатах*) до моря».

В XIV в. русины составляли 39,5% жителей княжества, а восточно-романское население (волохи) - 48,7%. Во времена молдавского господаря *Штефана Великого* в уездах Сучава, Ботошань, Васлуй и Тутова

было много сел с названием «Русский» («Rusii»). Почти все воеводы начального периода молдавской истории – Драгош, Богдан I, Богдан II, Лацко и др. носили славянские имена. Румынский историк Николае Йорга считал, что преждевременная смерть Лацко помешала основать русскую династию в Молдавии.

О многочисленности русского населения свидетельствуют Новгородская и Воскресенская летописи, где перечислены русские города конца XIV - начала XV в., в том числе расположенные в Карпато-Дунайских землях, вошедших к этому времени в состав М. к.: «А по Дунаю: Дрествин, Дичин, Килия. А на усть Дунаа: Новое село, Акоюляра. На море: Карна, Каварна. А на сеи стороне Дунаа, на усть Днестра над морем: Белгород, Черн, Яськийи торг на Пруте реце, Романов торг, Романов торг на Молдове, Немеч в горах, Корочюнов камен, Сочява, Серет, Баня, Чечюн, Коломыя, Городок на Черемоше. На Днестре Хотен».

Восточные славяне оставили на территории М. к. в общей сложности 548 названий с чисто славянскими корнями и 321 название с славянским суффиксом -овци, которые имели особенно широкое распространение в Буковине (174 названия), в Северной Молдове и Северной Бессарабии (Хотинский, Сорокский, Оргеевский уезды). О том, что волохи под предводительством Богдана или Драгоша «явились на берегах Прута, нашли там еще многих россиян и поселились между ними на реке Молдаве», упоминал русский историк Н.М. Карамзин. Русский историк-эмигрант Г.В. Вернадский обоснованно назвал средневековую Молдавию Молдавской Русью.

В XIV-XV вв. в Молдавии создавались новые воеводаты - объединения сельских общин с определенными чертами, характерными для изначальной фазы государственных образований. Институты феодального общества М. к. испытали значительное русское влияние. Правитель округа в Молдавии назывался пыркалаб, но даже в XV в. в некоторых пограничных округах документы на славянском языке называли их на русский лад посадниками. Сами округа назывались державами (от слова «держать»), в молдавских же документах - цинутами (слово было образовано от молдавского «а цине» - «держать»).

После основания М. к. в Карпато-Днестровском регионе продолжали существовать крестьянские общины, главы которых носили титулы кнез, жуде, ватаман. Слово «ватаман» (атаман), полагал Г. В. Вернадский, иранского происхождения, обозначающее «предводитель». В русских землях, находившихся под прямым контролем монголов, население было организовано в общины (десятки) и группы общин (сотни и орды). Каждая из них избирала собственных старшин: сотников и ватаманов. В XV в. административная единица М. к., управляе-

мая урядником или ворником, называлась окол (от славянского «околь»). Слово «ворник» (от слова «дворник») означало боярский титул или представителя уездной администрации в селе. Правители Валашского и Молдавского княжеств назывались господарями, воеводами. Сам этноним «молдован» связан с названием реки Молдова в восточных склонах Карпат. Гидроним и топоним «Молдова» происходят от древнеславянского слова «молид», «молд» (ель).

Русины сыграли значительную роль в формировании молдавского народа. Антрополог М.С. Великанова отмечала, что в облике молдаван (жителей Республики Молдова и румынской Молдавии) присутствуют особенности, имеющие четко выраженную восточнославянскую направленность. Русины оказали огромное влияние на формирование духовной и материальной культуры молдаван. Заметны черты русинского влияния и в народной одежде молдаван.

Не менее значительно русинское влияние в молдавском языке. «Язык наш, - отметил Н.М. Карамзин, - до самого XVII века был не только церковным, но и судебным, как то свидетельствуют подлинные грамоты молдавских господарей». Русский язык был официальным языком княжества до начала XVIII в. В основном фонде современного молдавского языка около 2 тыс. восточнославянских заимствований.

Впоследствии большая часть русинского этноса вошла в состав образовавшихся молдавской и румынской народностей и утратила память о русском (русинском) происхождении. Но часть русинов, проживающая на севере и северо-востоке М. к., сумела сохранить свою идентичность. К тому времени у русинов появился внешний этноним – руснак (первоначально – русняк). Так их стали называть в противовес католикам полякам и словакам.

Учитывая смешанный состав населения и этнокультурную ситуацию в средневековой Молдавии, М. к. вполне можно назвать волошко-русским. Именно поэтому оно оказало определенное влияние на развитие культуры Великого княжества Московского и других русских земель, испытав, в свою очередь, их влияние. Русское летописание в начале XVI в. не обошлось без влияния молдавских летописей. По их образцу был выработан и шрифт первых московских печатных изданий.

Между Молдавией и Россией существовали постоянные экономические, политические, культурные связи. Молдавия неоднократно просила принять ее в русское подданство.

В конце XVI в. польские католики попытались навязать унию Молдавии. Большую роль в организации отпора католикам сыграл экзарх Константинопольского патриархата архидиакон *Никифор*, организовавший в августе 1595 г. в столице М. к. Яссах собор, поставивший преграду унии в М. к.

С начала XVI в. княжество попало в зависимость от Турции, продолжавшуюся более 300 лет. Молдавские господа постоянно пытались освободиться от османского ига. *Штефан Великий*, самый известный молдавский господарь, много лет успешно противостоял турецкой агрессии. *Дмитрий Кантемир* пытался сбросить турецкое иго с помощью Петра I в 1711 г. В 1711-1821 гг. М. к. управлялось назначавшимися турецким султаном господарями из греков-фанариотов (выходцев из квартала Стамбула – Фанара и пользовавшихся в Османской империи значительными привилегиями). В 1774 г. по Кючук-Кайнарджийскому миру северная часть М. к. – большая часть *Буковины* (кроме Хотинского уезда) была оккупирована австрийцами. По Бухарестскому мирному договору 1812 г. в состав России вошла *Бессарабия*. Остальные земли М. к. в 1859 г. объединились с Валахией в одно государство (с 1862 г. – Румыния, с 1881 г. – королевство).

Лит.: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950; Воскресенская летопись. ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856; Бессарабия. Историческое описание. Посмертный выпуск исторических изданий П.Н. Батюшкова. СПб., 1892; Антропология средневекового населения Молдавии (по материалам памятника Старый Орхей). М., 1993; История Молдавской ССР с древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1984; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992; Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руняков Молдавии. Кишинев, 2004; Iorga Nicolae. Histoires des relations russo-roumaines // Histoires des relations roumaines. Anthologie et edition augmentee par Florin Rotaru. Bucarest, 1995; Nistor Ion. Problema ucraineană in lumina istoriei. Radauti, 1997.*

Молдавские добровольцы в русской армии - жители и выходцы из *Молдавского княжества*, вступавшие в русскую армию в период русско-турецких войн XVIII – начале XIX в. с целью освобождения Молдавии от османского ига. В некоторых из этих войн (1768-1774, 1787-1791) количество молдавских добровольцев превышало 10 тыс. чел. Во время войны 1735-1739 гг. в составе русской армии действовал корпус молдавских добровольцев во главе с сыном господаря Антиоха Кантемира Константином. Во время войны 1768-1774 гг. отряды волонтеров и арнаутов формировались в различных цинутах (уездах) Молдавского княжества. Они пробивались на соединение с русской армией, наносили внезапные удары по турецким войскам. Взятие русской армии Хотина и вступление ее в пределы Молдавского княжества вызвали наплыв добровольцев. К началу 1774 г. их было в составе русских войск около 12 тыс. Молдавские волонтеры участвовали во всех крупных военных сражениях. В приказах по армии и в донесени-

ях Екатерине II командующий русской армией П.А. Румянцев отмечал храбрость волонтеров, проявленную в боях против турок. В войне 1787-1791 гг. отрядами молдавских добровольцев командовали офицеры русской службы, выходцы из Молдавии. Отличились отряды под командованием майоров Георгия Хыржэу (Гиржев, Гуржий), Иордаки, подполковников Никорицы, Кантакузино, Соболевского, Требинского, Исаева, Скаржинского и др. Среди добровольцев преобладали крестьяне, горожане, служилые люди. Бугский казачий полк, Новоказачий, Овидиопольский и др. полки состояли большей частью из жителей Молдавского княжества. Волонтеры сражались под командованием А.В. Суворова в битве близ Фокшан (800 чел.), при Рымнике (в русском войске из 7042 чел. было 956 волонтеров), участвовали в штурме Измаила (около 2 тыс. чел.). За захват у г. Браила 14 турецких судов отряд молдавских волонтеров под командованием Соболевского численностью 800 чел. был представлен Суворовым к награждению. Молдавские волонтеры воевали и во время русско-турецкой войны 1806-1812 гг. Те волонтеры, которые приняли русское подданство и переселились с семьями на территорию России, включались в состав Бугского войска. К началу войны было создано четыре Бугских полка. Другие волонтеры обязывались служить только в период войны. Из числа переселенцев и беглецов из Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии) был создан волонтерский корпус под командованием майора Пангало. К 1807 г. его численность достигла 6 тыс. чел. В Молдавии под командованием полковника Г. Кантакузино к весне 1807 г. было сформировано 3 пехотных и 3 кавалерийских полка по 500-600 чел. в каждом. К началу апреля 1807 г. количество волонтеров, набранных в Дунайских княжествах, достигло 20 тыс. чел. Волонтерские команды принимали активное участие во всех крупных военных операциях русских войск.

Лит.: История Молдавской ССР. Т. I. Кишинев, 1965; Семенова И.В. Русско-молдавское боевое содружество (1787-1791 гг.). Кишинев, 1968; Она же. Россия и освободительная борьба молдавского народа против османского ига в конце XVIII в. Кишинев, 1976.

Опришки – повстанцы, боровшиеся в XVI – первой половине XIX в. против феодально-крепостнического и национального гнета в Западной Руси (Галичина, Буковина, Угорская Русь). Название «опришки» происходит, скорее всего, от лат. «opressor» - «истребитель» (т.е. истребитель шляхты, арендаторов). Впервые упоминаются в источниках 1529 г. Движению предшествовали восстания *Мухи* в XV в. Движение возникло в Прикарпатье, затем охватило Закарпатье (Угорскую Русь) и Буковину. Опорным пунктом О. были Карпатские горы.

Действовали отряды с ранней весны до поздней осени. В XVI-XVII вв. оружием О. были луки, копья, топорики (векеры). В XVIII-XIX вв. типичным оружием О. стали пистолеты, ружья, ножи (чепелики), рогатины. Символом боевой доблести были топорики (бартки, или балты). Ядро отряда иногда состояло из родственников. Олекса Довбуш выступал вместе с братом Иваном и племянником Орфенюком, Василий Баюрак – с отцом Гнатом, братьями Петром и Гринем и племянником Василием. Предводителей своих отрядов О. называли «ватаг» или польским словом «принципал». В состав отрядов входили не только местные русские жители, но и выходцы из *Молдавского княжества* и Венгрии. К примеру, в отряде ватага И. Пысклывого, когда он напал в 1703 г. на двор Голинского в Березове, были гуцулы, бойки и волохи (выходцы из Молдавского княжества).

В середине XVI в. отряды О. действовали на Покутье (Коломыйский уезд), Саноцкой и Перемышльской землях. Во второй половине XVI в. движение охватило Западное Прикарпатье, галицко-венгерское пограничье, окрестности Язловца, Жидачова, Каменец-Подольского. Отряды О. участвовали во всех крупных народных движениях: в национально-освободительной войне середины XVII в., в выступлениях *гайдамаков* на Правобережной Украине и т.д. В мае 1648 г. О. захватили королевские замки в Новотанце, а в июле – в Саноке, они участвовали в восстании *С.И. Высочана*. В 1649-1654 гг. воевали на Лемковщине. На Подолии ими были захвачены Гусятин и Сатанов. В 1653 г. 2 тыс. О. действовали в Молдавии вместе с войском Т. Хмельницкого. Среди предводителей О. известны Иван Пысклывый (1703-1712), который подчинялся закарпатскому («волошскому») ватагу Пынте, действовавшему в Венгрии и на Покутье, *Олекса Довбуш* (1738-1745), Василий Баюрак (1745-1754), Иван Бойчук (1755-1759). Из них Пысклывый и Баюрак были казнены в Станиславове, Довбуш застрелен мужем своей возлюбленной, судьба Бойчука неизвестна.

Под руководством Олексы Довбуша движение О. достигло наивысшего подъема. После его гибели движение возглавили В. Баюрак и И. Бойчук. Последний после неудач в Галичине ушел на Запорожскую Сечь, попытался собрать отряд, но безуспешно. Несмотря на усилия польских властей задушить движение, О. продолжали действовать в Карпатах. Движение не прекращалось и после присоединения Галичины (1772) и Буковины (1774) к Австрии. В первой половине XIX в. в Галичине, на Буковине и в Угорской Руси действовало более 50 отрядов. Австрийским властям удалось подавить движение опришков.

Об опришках народ сложил много песен, легенд, преданий.

Лит.: Грабовецкий В. В. Селяньський рух на Прикарпатті в другій половині XVII - першій половині XVIII ст. К., 1962; Грабовецкий В.В.

Олекса Довбуш. М., 1959; Дракохруст Е. И. Опришки // Из истории крестьянства XVI-XIX вв. М., 1955; Субтельний О. Україна. Історія. Київ, 1993.

Русское движение Буковины начало активную деятельность в 70-х г. XIX в. Идеолог украинского национализма советский академик М.С. Грушевский признавал: «В руках москвофилов находились все национальные организации и в Галиции, и на Буковине, не говоря уже о Закарпатской Украине, а народовство конца 1860-х и затем 1870-х гг. представлено было небольшими лишь кружками, бедными и материальными средствами, и культурными силами». Первая русская организация в Буковине «Русская Беседа» («Руська Бесіда») была основана в январе 1869 г. Ее руководителем стал о.Василий Продан, кафедральный священник. На учредительное собрание пришли около 200 чел. со всех частей Буковины, из собравшихся 60 чел. было православными священниками. Вначале «Русская Беседа» была просветительской организацией. Согласно ее уставу, ее членом мог стать каждый, кто проживал в пределах Австрии и «для руського народу заслужився». Однако ни для кого не было секретом политическое значение данной организации: она была создана для противодействия антирусской и ассимиляторской политике буковинских румын. В организацию вошли люди разных политических убеждений. Большая часть из них – коренные буковинцы и выходцы из Галичины – были сторонниками единства русского народа («москвофилы», как их называли украинские националисты). Василий Продан установил тесные контакты с российским консулом в Черновцах. В 1878 г. на собрании членов «Русской Беседы» большинство собравшихся (священники и крестьяне) приняли решение, что членами организации могут быть только православные жители Австро-Венгерской империи. Это был открытый конфликт между православными буковинцами – сторонниками общерусской идеи и «народовцами»-галичанами, униатами. Правда, в следующем году этот пункт устава изменили. В. Продан руководил организацией до 1879 г.

Покинувшие «Русскую Беседу» украинцы перешли в «Руську Раду» («Русскую Раду»), которая стала в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. самой активной украинской организацией в Буковине.

Возникают молодежные организации: ученическая организация «Согласие» (1870) и «Братский союз» (1871, просуществовал до 1873). Основание университета в Черновцах в 1875 г. активизировало молодежное движение. Возникла студенческая организация «Союз». С созданием «Союза» отпала необходимость в организации гимназистов «Согласие», которая в 1877 г. перестала существовать. Большинство

членов «Союза» были сторонниками общерусского единства, за что организация подвергалась резкой критике со стороны «народовцев». Члены «Союза» поддерживали тесные связи с «Народным домом» во Львове.

В 1874 г. «Русская Беседа» начала основывать читальни и общества трезвости в ряде сел. Создавались и экономические товарищества. Ранее «Русская Беседа» установила тесные связи с «Обществом им. М. Качковского» из Галичины.

Большое влияние на общественное сознание оказывали периодические издания. В 1870 г. стал издаваться литературный журнал «Буковинская Зоря». Вышло всего 16 номеров журнала. Издание прекратилось из-за нехватки средств. Ярким выражением прорусским журналом стал «Родимый листок», который с 1879 г. издавал М. Огоновский. На его страницах провозглашалось единство буковинских русинов с русским народом, давалась информация о деятельности буковинских и галицких культурных организаций общерусского направления. В 1882 г., когда в Австро-Венгрии начался судебный процесс над одиннадцатью русинами: А. Добрянским, В. Площанским, О. Марковым, И. Наумовичем, О. Грабарь и др., то к суду привлекли и Огоновского. Его обвинили в связях с москвофилами Австро-Венгрии, пропаганде антиавстрийских и антикатолических взглядов. Огоновский был оправдан.

После политического объединения Молдавии и Валахии в единое государство Румыния (Румынское княжество) в 1862 г. и провозглашения Румынии в 1881 г. королевством среди буковинских румын усилилось движение за присоединение края к Румынии. Это привело к тому, что австро-венгерские власти стали поддерживать украинское движение в Буковине. Благодаря этому «народовцы» в 1884 г. захватили руководство в «Русской Беседе» и взяли под свой контроль «Народный Дом» и студенческую организацию «Союз». На «Народный Дом» буковинский сейм регулярно выделял деньги. «Русская Рада» до 1889 г. оставалась организацией, где одновременно пребывали и сторонники общерусской идеи, и «народовцы». В 1889 г. «народовцы» захватили руководство в «Русской Раде».

Однако русское движение продолжало развиваться. В 1888 г. Г. Купчанко начал выпускать в Вене газету «Русская правда». Газета выходила тиражом 3 тыс. экз. и распространялась в Буковине, Галичине, Угорской Руси. В этом же году в Черновцах основана молодежная организация «Буковина». Студенты этой организации носили на груди ленточки цветов российского флага (бело-сине-красные). В 1894 г. власти распустили «Буковину» по подозрению в противоправной деятельности. Через два года начала действовать новая студенческая организа-

ция «Карпать». В 1894 г. было основано «Общество русских женщин». Активное участие в основании общества принимала *О. Кобылянская*. В 1901 г. открылся «Русско-православный народный дом», в котором разместился ряд русских организаций и бурса для мальчиков. Продолжали действовать другие русские общественные объединения: политическая организация «Народная Рада» (300 чел.), «Русский православный детский приют», «Архипатриархальное общество церковных певцов». В 1905 г. в селах действовало 30 русских читален, 27 экономических товариществ. Главным печатным органом русских Буковины в 1904-1908 г. стала газета «Народная Рада». До этого таким органом была газета «Буковинские ведомости» (1895-1899). Другая газета, «Православная Буковина», в 1904 г. выходила с перерывами из-за недостатка средств и вскоре перестала выпускаться. Также издавались небольшие брошюры.

Накануне войны австро-венгерские власти предприняли ряд мер по ликвидации русского движения Буковины. Одним из «эффективных» средств борьбы стала шпиономания. С 1909 г. начинается волна арестов. Постепенно она набирает силу. В мае 1910 г. австрийские власти с подачи украинского националиста *Н. Василько*, румына по происхождению, закрыли большинство русских организаций Буковины: «Общество русских женщин», «Карпать», «Русский православный народный дом», «Русский православный детский приют», «Русско-православная читальня», «Русская дружина», а также бурсы в Черновцах и Серете. Причиной закрытия были голословные обвинения в государственной измене и политической деятельности. Имущество этих организаций было конфисковано и позже продано с торгов. Однако некоторые русинские организации («Народная Рада» и «Русский Клуб») продолжали свою деятельность.

Опорой русских организаций в Буковине были православные священники. По сведениям австрийских властей, более 20% всех священников Северной Буковины в 1913 г. продолжали поддерживать сторонников единства Руси. Священник *Кассиан Дмитриевич Богатырец* (1868-1960) был главою политической организации «Народная Рада». По-прежнему выпускались русские газеты. Наиболее популярной была «Русская правда», основанная в 1910 г. *Алексеем Геровским*. Ее редактором стал *Илларион Цурканович*. Тираж газеты составил 4 тыс. экз. Из 100 номеров, выпущенных с октября 1910 г. по август 1912 г., 16 было конфисковано. За первых полтора года газета пережила 11 судебных процессов. В 1913 г. конфисковали 36 номеров газеты. 5 января 1914 г. у братьев Геровских и в редакции «Русской правды» был произведен обыск. Были арестованы Алексей, Георгий, Ксения Геровские, их мать Алексия (дочь А. Добрянского) и редактор И. Цур-

канович. Они обвинялись в идейном руководстве над крестьянами, проходящими по Мармарош-Сигетскому процессу, контактах с графом В. Бобринским и проведении антиавстрийской пропаганды. Вскоре всех, кроме братьев Геровских, отпустили. Братьям Геровским удалось сбежать из черновицкой тюрьмы и перебраться в Россию.

Во время первой мировой войны тысячи буковинцев подверглись репрессиям со стороны австрийских властей: были посажены в тюрьмы, концлагеря, повешены и расстреляны по голословным обвинениям в шпионаже в пользу России.

Лит.: Грушевский М. Иллюстрированная история Украины. К., 2002; Добржанський О. Національний рух українців Буковини другої половини ХІХ - початку ХХ ст. Чернівці, 1999; Суляк С.Г. Осколки Святої Русі. Очерки етнічної історії руснаків Молдови. Кишинев, 2004; Суляк С. Русини в період першої світової війни і Руської Смуты // Русин. № 1 (3). Кишинев, 2006.

Сечь Задунайская была создана бывшими запорожскими казаками в 1775-1828 гг. на территории Османской империи в устье Дуная. После ликвидации Сечи Запорожской (1775) части запорожцев (около 5 тыс. чел.) переселились в дельту Дуная в турецкие владения. В мирное время занимались рыболовством. Казаки принимали участие в войне с Россией в 1809 г., будучи в составе гарнизона Рущука. В 1817 г. участвовали в походе турецких войск против сербов, в 1821 г. – против греков. Во время русско-турецкой войны в 1828 г. турецкие власти потребовали для войны 500 казаков. Кошевой атаман задунайских запорожцев *Осин Гладкий* со своим отрядом перешел под Измаилом на сторону России. После этого Задунайская Сечь была уничтожена турками. Казаки были приняты на русскую службу под названием Отдельного запорожского войска. По окончании русско-турецкой войны 1828-1829 гг. были в 1830-1832 гг. были переселены к Азовскому морю и образовали здесь Азовское казачье войско.

Лит.: Бессарабия. Историческое описание. Посмертный выпуск исторических изданий П.Н. Батюшкова. СПб., 1892.

Хотинское восстание 1919 г. - вооруженное выступление крестьян Хотинского и северной части Сорокского уездов Бессарабской губернии против румынских оккупантов. Восстание произошло в местах компактного проживания русинов и изначально носило интернациональный характер. В восстании помимо русинов и молдаван участвовали и представители других национальностей. В ночь на 19 января 1919 г. вооруженный отряд бессарабцев под командованием Г.И. Барбуцы перешел в районе Могилев-Подольского на правый берег Днестра.

тра и атаковал румынские части, освободив местечко Атаки. Соединившись с другими отрядами во главе с А. Папушей, А. Старовым, Г. Романюком, братьями Руснаками, повстанцы освободили Окницу, Секуряны, Каларашовку, Рукшин, Недобоуцы и другие населенные пункты и 23 января овладели Хотинном. За несколько дней число восставших возросло до 30 тыс. чел. Была создана Директория - временный орган, руководивший восстанием. Директория направила ноту президенту США, правительствам Франции, Англии, России, Италии, Германии и других стран, содержащую протест против оккупационного режима и сообщение о начале восстания. Директория, вопреки противодействию ряда пропетлюровски настроенных членов, объявила захват Бессарабии королевской Румынией незаконным актом и призвала население губернии к борьбе с оккупантами.

Заручившись поддержкой петлюровской украинской Директории, 26 января румынские войска перешли в наступление. В ночь на 1 февраля был оставлен Хотин. В Подолию перешли до 4 тыс. повстанцев с 40 пулеметами и 6 орудиями. На левый берег Днестра, спасаясь от репрессий, перешли также свыше 50 тыс. жителей Северной Бессарабии.

Румынские каратели, руководимые генералом Давидоглу, грабили и убивали мирное население. В с. Недобоуцы были расстреляны около 200 чел., примерно столько же в с. Рукшино. В с. Наславча каратели убили 75 и потопили в Днестре 18 чел. На станции Новоселица были расстреляны 165 чел. Жертвами дикой расправы стали 15 тыс. человек, 5 тыс. были убиты. Пять сел сравняли с землей артиллерийским огнем.

С помощью бессарабцев, переправившихся на левый берег Днестра после поражения X. в., был освобожден от петлюровцев Могилев-Подольский и очищена вся Подолия. В.А. Антонов-Овсеенко, в то время командовавший Украинским фронтом (январь-июнь 1919), вспоминал: «Весь левый берег Днестра усеян бессарабцами... Среди них не ведется никакой агитации, и в настоящее время организовать эти массы некому. Они с нетерпением ждут приближения советских войск, чтобы встать в их ряды и вместе двинуться за Днестр... Эта организация двинулась усиленно только с середины апреля; командукр, однако, не предполагал выделять особую армию из бессарабских беженцев: для такой армии не имелось достаточно испытанного кадра». Позже отряды бессарабцев были сведены в бессарабские полки Красной Армии. Бойцы этих полков сражались в составе 45-й Краснознаменной Бессарабской дивизии под командованием И. Якира. В этой дивизии знаменитый бессарабский Робин Гуд *Г.И. Котовский* командовал бригадой.

Лит.: Хотинское восстание (Сборник документов и материалов). Кишинев, 1976, Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение

и воссоединение с Советской родиной (1918-1940). Кишинев, 1970; Суляк С. Русины в период первой мировой войны и Русской Смуты // Русин. № 1 (3). Кишинев, 2006.

Черноморское казачье войско было создано в Новороссии в 1787 г. из бывших запорожцев по инициативе Г.А. Потемкина. В 1787 г. началась война с турками, и для защиты Новороссии от возможного нападения врага было создано «Войско верных черноморских казаков». Другой целью создания войска было привлечение на русскую службу бывших запорожских казаков, которые после разгрома Сечи переселились в Турцию и создали *Сечь Задунайскую*. Еще в 1783 г. Потемкин поручил Антону Головатому, Захарию Чепеге, Сидору Белому и другим запорожским старшинам набрать охотников из бывших запорожцев в количестве 1 тыс. чел. (500 конных и 500 во флотилию). Казаки под командованием атаманов А. Головатого, С. Белого и З. Чепеги участвовали в русско-турецкой войне 1787-1791 гг. С помощью казаков Потемкин в 1788 г. взял Очаков. Войско было организовано на манер Запорожской Сечи. В Олешках был основан кош (т. е. лагерь), где собралось около 12 тыс. казаков. В 1790 г. Потемкин стал «Великим гетманом черноморских казаков». Правда, казачья старшина не избиралась, а назначалась Потемкиным. Атаманом войска был назначен С. Белый. Затем войско было переименовано в Черноморское казачье войско и переселено на территорию между Южным Бугом и Днестром. Здесь было основано 25 слобод, в которых проживали 9 тыс. чел. В рядах войска было немало уроженцев *Молдавского княжества*. В ряды казаков вступали выходцы из Польши, болгары, сербы, албанцы. После смерти Потемкина (1791) в 1792-1793 гг. в целях закрепления территории на Северном Кавказе Ч. к. в. в составе 40 куреней (до 25 тыс. чел.) было переселено на Кубань с центром в Екатеринодаре. Ч. к. в. занимало оборонительную линию по правому берегу р. Кубань от ее устья до р. Лаба. В войске продолжали сохраняться некоторые внешние признаки Запорожской Сечи: формальная выборность войскового начальства, названия куреней и др. В первой половине XIX в. в его состав вошло около 70 тыс. бывших запорожцев, вернувшихся из Турции и казаков упраздненных малороссийских казачьих войск (Усть-Дунайского, Азовского, Бугского, Екатеринославского и др.). К 1860 г. население Ч. к. в. насчитывало около 200 тыс. чел. иставляло 12 конных полков, 9 пеших (пластунских) батальонов, 4 батареи и 2 гвардейских эскадрона. Казаки Ч. к. в. участвовали в Кавказской войне 1817-1864 гг. и в Севастопольской обороне 1854-1855 гг. В 1860 г. Ч. к. в. вошло в состав вновь образованного Кубанского казачьего войска.

Лит.: Голобуцкий В. А. Черноморское казачество. К., 1956; Полонська-Василенко Н. Історія України від середини XVII століття до 1923 року. Т.2. К., 2002; Щербина Ф. А. Історія Кубанського казачього війська, т. 1-2, Катеринодар, 1910-1913.

Подготовил Сергей СУЛЯК

ПОДПИСКА НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «РУСИН» на 2007 год!

Периодичность выхода – 1 раз в квартал.

Объем – 196-240 стр.

Формат – А5.

Тематика: история русинского этноса.

Язык: русский, русинский.

Рубрики: история, языкознание, знаменитые русины, архив, публицистика, в помощь учителю и т.д.

На журнал объявлена подписка. Стоимость подписки на один экз. с учетом почтовых услуг:

- США и Канада: авиа - 12 USD, простая бандероль - 8 USD

- Европа: авиа - 7 EURO, простая бандероль - 5 EURO

- Украина: авиа - 35 гривен, простая бандероль - 25 гривен

- Россия: авиа - 200 рублей, простая бандероль - 170 рублей.

- Молдавия - 35 леев в редакции или на почте (подписной индекс - РМ 31808).

НАШ ПОЧТОВЫЙ АДРЕС:

Organizatia obsteasca «Rusi»
str. M. Kogalniceanu, 24, ap. 1A
MD 2001 mun. Chisinau
Moldova

Общественная организация «Русь»
ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1А
MD 2001 г. Кишинев
Молдова

E-mail: info@rusyn.md, sergei_suleak@rambler.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

АЛМАШИЙ Михаил (Украина, Закарпатье). Родился в 1930 г. Закончил филологический факультет Ужгородского государственного университета. Председатель Закарпатского научно-культурологического общества им. А. Духновича, член Всемирного Совета русинов, старший преподаватель Закарпатского филиала Киевского славистического университета, член Лиги национальных композиторов Украины, руководитель хора «Стара спиванка», заслуженный учитель Украины. Работы: «Наша школа (концепция народоведения)» (1991), «Система работы школы по вопросам организации самовоспитания учащихся» (1994), «Ромчевица. Историко-этнографический очерк» (1999). В соавторстве: «Русинсько-українсько-руський словарь» (2001), «Энциклопедия Подкарпатской Руси» (2001) и др. Автор монографии «Русинська педагогічна енциклопедія» (Ужгород, 2005). Член редколлегии международного журнала «Русин».

АНИКИН Владимир (Молдавия). Родился в 1939 г. Закончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (1969). В 1973 г. стал кандидатом, в 2003 г. - доктор хабилитат политологии. В настоящее время - ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и политических наук Академии наук Молдовы, доцент. Автор четырех монографий, в том числе «Гражданское общество в Республике Молдова: состояние и перспектива (политологический аспект)» (Кишинев, 2002) и более 100 научных статей, свыше 200 публицистических материалов. Специалист в вопросах истории Бессарабии (XIX в.), международных отношений, развития гражданского общества в Республике Молдова.

ГЕГАЛЬНИЙ Александр (Чехия). Родился в 1949 г. Учился в Московском авиационном технологическом институте и его аспирантуре, в аспирантуре Московского института нефти и газа, в центре К. Дуйсберга в Мюнхене. Работал в Перми, Москве, Киеве, Ужгороде, Кёльне, Берлине. Увлекался театром, играл на сцене. В настоящее время предприниматель, живет в Праге.

ГОРБУНЕНКО Александра (Молдавия). Родилась в 1982 г. Закончила факультет гуманитарных технологий университета Высшая антропологическая школа (2005). В 2006 г. закончила магистратуру в Молдавском государственном университете, факультет философии, социологии и социальной работы. С 2005 г. преподает в Тараклийском государственном университете. Автор ряда публикаций по проблеме идентичности болгар Молдовы.

ГОРНЯК Михаил (Сербия). Родился в 1929 г. Закончил Высшую дипломатическую школу и философский факультет (история) в Белграде. Работал в газете «Руске слово», в Министерстве иностранных дел, Министерстве образования, науки и культуры. Был дипломатом в Бухаресте, Пекине, Ханое, Токио. Активно занимается общественной работой. Автор многочисленных публикаций по русской и русинской истории. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ГУБОГЛЮ Михаил (Россия). Родился в 1938 г. Ведущий российский социолог и этнолог, специалист в области истории и социологии, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (1999), почетный действительный член Академии наук Республики Молдова (2003). Руководитель Центра по изучению межэтнических отношений, автор более 400 публикаций, в том числе 14

книг по проблемам этносоциологии и тюркологии, посвященных проблемам этноязыковых и этнополитических процессов. В качестве эксперта Государственной Думы принимал участие в разработке законопроектов в области национальной политики и межэтнических отношений. С лекциями и докладами выступал на международных конгрессах, симпозиумах в ряде американских, европейских и вьетнамских университетов в 20 странах мира. Член редколлегии журнала «Русин».

ДАМБЯН Виктор (Молдавия). Родился в 1979 г. Выпускник исторического факультета Кишиневского государственного педагогического университета им. И. Крянгэ (2001), аспирант, тема исследования «Украинское казачество в политической истории Молдавского княжества (вторая половина XVI в. - начало 80-х гг. XVII в.)». Имеет ряд публикаций по данной теме.

ДРОНОВ Михаил (Россия). Родился в 1980 г. Историк-русинист, один из популяризаторов русинистики в России. Сотрудник Центра украинистики и белорусистики МГУ. Автор многочисленных публикаций о русинах в российских и зарубежных изданиях. Гость VI, VII и VIII Всемирных конгрессов русинов. Член редколлегии международного журнала «Русин».

КВИЛИНKOVA (КАСЫМ) Елизавета (Молдавия). Родилась в 1966 г. Окончила Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (исторический факультет). В Академии наук работает с 1991 г. В 2002 г. защитила кандидатскую диссертацию в Институте этнологии и антропологии им. Н. Миклухо-Маклая РАН. Специалист в области традиционной культуры гагаузов. Доктор истории, научный сотрудник Института культурного наследия Академии наук Республики Молдова. Автор трех монографий и 60 научных статей.

КОСТЕЦКИЙ Виктор (Молдавия). Родился в 1947 г. Закончил филологический факультет Бельцкого педагогического института, аспирантуру при Научно-исследовательском институте преподавания русского языка в национальной школе Академии педагогических наук СССР. Доктор педагогики, конференциар. Автор более 60 научных статей и монографий по лингводидактике, учебников и учебных пособий по русскому языку для школ Молдавии и Румынии. Председатель Молдавского общества преподавателей русского языка и литературы (МОПРЯЛ). Награжден международной медалью им. А.С. Пушкина «За распространение русского языка в мире». С 1997 г. - проректор по учебно-методической работе, с 2001 г. - ректор Славянского университета Республики Молдова.

КЛЕЙМАН Рита (Молдавия). Литературовед, культуролог, эссеист. Главный научный сотрудник Института культурного наследия АН Молдовы. В 1983 г. в Киеве, в Институте литературы АН Украины защитила кандидатскую, в 2000 г. в Петербурге, в Институте русской литературы РАН (Пушкинский дом) – докторскую (хабилитат) диссертацию. Автор более ста пятидесяти печатных трудов, посвященных творчеству Достоевского, русской литературе в мировом культурном контексте, многонациональной культуре Молдавии.

КУЦОВ Константин (Украина). Родился в 1983 г. Окончил факультет общественных наук Ужгородского национального университета (2006), магистр политологии. Автор ряда статей по вопросам культурной и политической истории Закарпатья XIX-XX вв.

ЛУКИНЫХ Геннадий (Россия). Родился в 1965 г. Лауреат Всероссийских, международных конкурсов и Пермской премии имени А.П. Немтина, действительный член Российского авторского общества. Выпускник дирижерско-хорового отделения Пермского музыкального училища (1984) и Уральской государственной консерватории им. М.П. Мусоргского (1991). Артист, а затем хормейстер Камерного хора Пермской филармонии (1986-1991), затем - художественный руководитель и аранжировщик вокального ансамбля «Кантус-квартет» (1991 - 2003), а также регент мужского певческого ансамбля Успенской церкви г. Перми. С 2000 г. – артист «Романтик-дуэта» творческого объединения «Пермская лира». Автор более 150 вокальных произведений и около 200 обработок для разных ансамблево-хоровых составов.

МЕРКУЛОВ Всеволод (Россия). Родился в 1978 г. Закончил исторический факультет Московского педагогического государственного университета, аспирантуру на кафедре истории России. Кандидат исторических наук, член Русского исторического общества. Автор 50 научных и публицистических статей по истории России, монографии «Откуда родом варяжские гости?», один из составителей альманаха «Традиции и современность». Круг научных интересов: начало Руси, происхождение русского народа, генеалогия, русско-немецкие связи, развитие российской государственности. Занимается научно-исследовательской и общественно-политической деятельностью. Член редколлегии международного журнала «Русин».

НЭСТАСЕ Людмила (Молдавия). Родилась в 1957 г. В 1974 г. по окончании с отличием средней школы поступила в Кишиневский госуниверситет на исторический факультет. По окончании работала преподавателем истории в родной школе. С 1982 г. начала трудовую деятельность в Доме-музее А. В. Щусева на должности старшего научного сотрудника. С 1991 г. является заведующей этого музея.

ПАДЯК Валерий (Украина, Закарпатье). Родился в 1959 г. Закончил Ужгородский государственный университет. Кандидат филологических наук, литературовед, историк русинского литературного процесса. В последнее время также известен как профессиональный издатель, директор частного издательского предприятия «Издательство В. Падяка» (с 2000 г.), которое первым в Украине стало издавать книги на русинском языке, а также литературу по истории и культуре, фольклору, этнографии русинов Подкарпатья. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. трех книг, четырех школьных учебников. Участник V, VII, VIII Всемирных конгрессов русинов. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ПЛИШКОВА Анна (Словакия). Родилась в 1964 г. Журналистка, лингвист, преподаватель Высшей школы и общественный деятель. Закончила философский факультет университета П.И. Шафарика в Пряшеве. Работала редактором еженедельника «Нове життя» в Пряшеве (1987-1991), где по 1989 г. издавались страницы на русинском языке «Голос русинів». С 1991 г. заместитель главного редактора журнала «Русин» и газеты «Народны новинки». Участвовала в кодификации русинского языка в Словакии, была членом языковой комиссии по созданию единого литературного русинского языка (1992). С 1999 г. преподает русинский язык в Пряшевском университете, участвует в составлении учебников русинского языка для средней школы. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ПОП Дмитрий (Украина, Закарпатье). Родился в 1941 г. Филолог-славист. Закончил Ленинградский университет по специальности чешский язык и литература. Активный участник русинского движения с 1999 г. В 2000-2002 гг. - председатель областного Общества карпатских русинов. Основатель русинских классов в Ужгородской области. Соавтор «Русинсько-українсько-руського словаря» (Ужгород, 2001), «Русинського синонімічного словаря» (Ужгород, 2001), автор исторического очерка «Мукачеве», монографии «Замки Подкарпатської Русі» (в соавторстве с И. Попом), «Історія Подкарпатської Русі (Ужгород, 2005). Член редколлегии международного журнала «Русин».

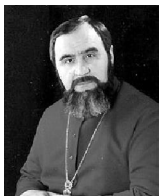
РАМАЧ Юлиан (Сербия). Родился в 1940 г. Закончил филологический факультет (славистика) в Белграде. С 1972 г. преподаватель русского (русинского) языка на философском факультете в Новом Саде (Воеводина). С открытием в 1981 г. кафедры русского языка и литературы - ординарный профессор кафедры. Доктор лингвистики. Главный редактор двухтомного «Сербско-русского словника» (1995-1997), автор «Граматики русского языка» (2002) и др. Член редколлегии международного журнала «Русин».

РОГОВАЯ Галина (Молдавия). Родилась в 1946 г. Окончила филологический факультет русское отделение Кишиневского государственного университета. С 1975 г. работает в Академии наук Молдовы. Доктор философии. В настоящее время работает в Институте философии. Является автором 2 монографий, 1 брошюры, 54 научных статей в журналах и сборниках. С 1993 г. автор и ведущая телепрограммы на украинском языке «Свитанок» телерадиокомпания «Молдова-1». Член Союза журналистов Молдовы, член Ассоциации русских писателей Молдовы. Председатель украинского общества «Просвита имени Тараса Шевченко в Молдове». За активное участие в общественной работе и за участие в культурной жизни украинцев Молдовы награждена наградами Украины. В 2006 г. президент Украины В. Ющенко присвоил Роговой звание «Заслуженный работник культуры Украины». Указом президента Молдовы В. Воронина награждена медалью «Меритул чивик».

РУССЕВ Николай (Молдавия). Родился в 1958 г. Доктор хабилитат истории. Специалист по средневековой истории, археологии и нумизматике Юго-Восточной Европы. Автор более 100 научных и научно-популярных работ. Завкафедрой антропологии и социальных технологий университета Высшая антропологическая школа (Молдавия). Член редколлегии международного журнала «Русин».

Прот. Димитрий СИДОР (Украина, Закарпатье). Родился в 1955 г. В 1981 г. закончил Духовную академию и семинарию со степенью кандидата богословия. В 1991 г. назначен в Ужгород настоятелем православной общины. В 1992 г. начал строительство нового православного Кафедрального собора. Настоятель Крестовоздвиженского кафедрального собора г. Ужгорода. В 1996 г. возглавил русинское Общество Кирилла и Мефодия. С 1996 г. - редактор русинской газеты «Християнська родина». Автор русинской грамматики и перевода Евангелия на русинский язык. Член Национального Союза журналистов Украины. Автор более ста научных статей и исследований по истории русинов, богословию, русинской лингвистике. Делегат Всемирных конгрессов русинов. Председатель ассоциации «Сойм Подкарпатских русинов». Член редколлегии международного журнала «Русин».

СИЛАДИЙ Мирослав (Сербия). Родился в 1957 г. Председатель правления местного отделения «Руской матки» в Вербаше, член главного правления «Руской матки» Сербии, один из основателей «Рускей фондаций», которая действует в рамках «Руской матки» и занимается помощью в издании и пропаганде русинской литературы и культуры. Член культурно-просветительского содружества «Карпати», основатель веб-сайта <http://rusnak.netfirms.com>. Член редколлегии международного журнала «Русин».

СТОЛЯР Зиновий (Молдавия). Родился в 1924 г. Закончил Одесскую консерваторию (1950). Работал в музыкальных учебных заведениях Одессы, Ворошиловограда (Луганска), Кишинева, Союзе композиторов Молдовы. Автор более 20 монографий и научных статей, посвященных проблемам музыки. Заслуженный деятель искусств Молдовы.

СУЛЯК Сергей (Молдавия). Родился в 1963 г. Закончил факультет журналистики Кишиневского государственного университета. С 1990 г. возглавляет фирму «Татьяна» (с 1998 г. - Издательский дом «Татьяна»). Выпускал 14 периодических изданий. Президент общественной организации «Русь». Защитил кандидатскую степень по теме «Русины Молдавии: основные этапы этнической истории» в Институте этнологии и антропологии им. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (февраль 2007 г.). Автор монографии «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии», многочисленных научных публикаций по истории и культуре русинов Молдавии. Главный редактор международного журнала «Русин».

ТЕЛЬНОВ Николай (Молдавия). Родился в 1948 г. Закончил исторический факультет Одесского государственного университета. С 1979 г. и по настоящее время сотрудник Института археологии и этнографии Академии наук Республики Молдова. Заведующий отделом античной и средневековой археологии, старший научный сотрудник. Доктор истории. Руководил работами многочисленных археологических экспедиций. Автор свыше 100 научных работ. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ТКАЧУК Евгений (Молдавия). Родился в 1940 г. Учился на историческом факультете Кишиневского государственного университета, философском факультете Московского государственного университета, закончил Ростовскую высшую партийную школу. Работал заместителем директора профессионально-технического училища по воспитательной работе, первым секретарем районного комитета Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Молдавии (ЛКСМ) и 30 лет - в журналистике. С 1996 по 2001 г. - главный редактор газеты "Коммунист" - органа Партии коммунистов Республики Молдова (ПКРМ). В настоящее время - редактор журнала ПКРМ "Мысль". Автор около 20 публицистических книг.

ГУДОСЕ Вера (Молдавия). Родилась в 1947 г. Закончила филологический факультет Кишиневского государственного педагогического института им. И. Крянгэ по специальности "Русский язык и литература", работала в школе. С 1977 г. - ассистент кафедры русского языка КГПИ им. И. Крянгэ. В 1987 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук в Москве, в 1991 г. ей было присвоено ученое звание доцента. С 2004 г. - декан гуманитарного факуль-

тета Славянского университета Республики Молдова. Автор более сорока научных статей по теории и истории лингвистики, методике преподавания русского языка.

Прот. Николай ФЛОРинский (Молдавия). Родился в 1960 г. В 1985 г. закончил Московскую духовную семинарию. В 1993 г. - заочно Московскую духовную академию. С 1993 г. - председатель Собора русских общин Республики Молдова. Автор книг «Памяти архиепископа Венедикта Полякова» (2001), «Жизнь и деятельность митрополита Гавриила Банулеску-Бодони» (2005), многих публицистических работ по православию. Митрофорный протоиерей, настоятель Свято-Георгиевского храма в г. Кишиневе. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ХАЙДАРЛЫ Дан (Молдавия). Родился 1964 г. В 1990 г. окончил Кишиневский государственный педагогический институт имени И.Крянгэ, факультет истории по специальности «История и право». В 1989-1990 гг. – лаборант в секции философии и права Академии наук Республики Молдова. В 1990-2002 гг. – научный сотрудник Института истории АН РМ. В 1998 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Политические отношения Молдавского княжества и Крымского ханства в веке». С 2002 г. – старший научный сотрудник Института межэтнических исследований АНМ. С 2004 г. – старший преподаватель Комратского госуниверситета (по совместительству).

ЧЕРВЕНКОВ Николай (Молдавия). Родился в 1948 г. Выпускник Одесского университета. В 1972-2004 гг. – сотрудник Академии наук Молдавии. Доктор-хабилитат исторических наук (2003), ректор Тараклийского государственного университета (2004), председатель Научного общества болгаристов РМ. Автор более 100 научных работ, в том числе 8 монографий: «Политические организации болгарского национально-освободительного движения. Вторая половина 50-х гг. XIX в.» (Кишинев, 1982), «Болгары Молдовы: прошлое и настоящее» (София, 1994), «Васил Левский» (Кишинев, 1999).

ШАПКА Роман (Канада). Родился в 1948 г. Потомок галицких и буковинских русинов, переселившихся в Канаду в 1899-1921 гг. После окончания университета 30 лет работает учителем. Из них 18 - в психиатрическом отделе больницы с детьми, страдающими психическими заболеваниями. Собиратель материалов по русинистике. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ШАРГА Михаил (Украина, Закарпатье). Родился в 1937 г. Закончил филологический факультет Ужгородского государственного университета в 1959 г. Работал директором школы, лектором, зав. отделом, секретарем Иршавского райкома партии. Закончил Высшую партийную школу в Киеве (1977 г.). Работал в районных органах власти. С 1981 г. - председатель Закарпатского общества «Знание». Автор многочисленных публикаций по истории русинов.

ШОРНИКОВ Петр (Молдавия). Родился в 1949 г. Председатель Республиканского Совета движения за равноправие «Унигате-Единство» (1990-1999). Депутат парламента (1990-1998). Доктор истории. Автор более 150 научных работ, посвященных истории Молдавии периода второй мировой войны и молдавской этнокультурной идентичности. Заместитель главного редактора международного журнала «Русин».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2007, № 1 (7)

Кишинев

Республиканская общественная организация «Русь»,
Издательский дом «Татьяна».
2007. - 192 стр.

Республиканская общественная организация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Тел.: (37322) 27-02-84, 27-44-30, факс: 27-15-15.
E-mail: info@rusyn.md, sergei_suleak@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Издательский дом «Татьяна».
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
E-mail: tatianas@molddata.md

Подписано к печати 31.03.2007. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman».
Тираж 600 экз.
Заказ 37.

Отпечатано в типографии «ELENA-VI.»:
г. Кишинев, ул. Академическая, 3

Ã² Ì Í ĐÓ Ì Ó Í ÑÜÊË ÑÓÑÈ Í²Ã *lâàí Ì Ì éñb ê*

Í àø ã ëî ñî ì ñëóðàé, Òàðþ âñãã ñãàòà,
Áí ãã Ìñóãã Õðëñòà - ì ðí ñýòù Đóñèí è:
Ã ààð Ò àí ì ì êêí ì è áþ òù ì ì è áí çáí í³
Çà Đóñüéó Áíðó, çà ì ðãéðàñí³ ñí è!

Ì ì ì èëóé âñî Ò Áí ãã - çà ãðóí ì àãí í ý,
Ù ì ààáí ì çáéóáèèè çáí ðí ãè áàòùéãã,
Ì ðí ù àé âñí ì í áçðýù èì , áéóáí èì ³ ðí ì àù èì .
Đýòóé ß çèè Đóñüéèé áí á³èè á³éã!

Çà ñãàòéó áóáó-í ì ñòù, Đóñèí è èàðí àòñüé³
Êí ðí ì ì ã éðàþ - ýñí èò Õùí òêí èùí ðãã,
Ì ì ðããñòí ì ò àèí èì áí èþ ì ðí ñèããéýþ òù.
Đóí óí ñüéé ðí àèí ³ ì ì äýéó ñèè àããþ òù

Ì ì ì èëóé âñî, Áí ãã - çà ãðóí ì àãí í ý,
Ù ì ààáí ì çáéóáèèè çáí ðí ãè áàòùéãã.
Ì ðí ù àé âñí ì í áçðýù èì , áéóáí èì ³ ðí ì àù èì .
Đýòóé ß çèè Đóñüéèé áí á³èè á³éã!

Ãí ñí ì àè ì ðããã³-í èé, Ì ðãããí ì àø à á³-í à!
Ãéýàé ì à Đóñü - Êãàéó, ýéðí ñòã á ì ñí ýð...
Ãàðóé âñé Ããðããã³ èòà ì ì èí á³;
Ãí êí á³é ì àã ì àì è, ãéé áí àø èò ñãðöýò!

Ì ì ì èëóé âñî, Áí ãã - çà ãðóí ì àãí í ý,
Ù ì ààáí ì çáéóáèèè çáí ðí ãè áàòùéãã.
Ì ðí ù àé âñí ì í áçðýù èì , áéóáí èì ³ ðí ì àù èì ,
Đýòóé ß çèè Đóñüéèé áí á³èè á³éã!

